

Владимир Пимонов

ГОВОРЯТ «ОСОБО ОПАСНЫЕ»

СБОРНИК
ИНТЕРВЬЮ

Владимир Пимонов

**ГОВОРЯТ
«ОСОБО
ОПАСНЫЕ»**

*СБОРНИК
ИНТЕРВЬЮ*

Пимонов В.

П 32 Говорят «особо опасные». — М.: Детектив-Пресс, 1999. — 240 с.: ил.

ISBN 5-89935-004-0

Это книга — уникальный документ эпохи, фрагмент истории сопротивления коммунизму. Известные диссиденты (ученые, писатели, журналисты, раввин, христианский активист, бывший сотрудник КГБ) рассказывают журналисту Владимиру Пимонову о своей судьбе, аресте, жизни в ГУЛАГе, об ужасах лагерей и психотюрем совсем недавнего прошлого и о том, сбылась ли в сегодняшней России их мечта о демократии, в борьбе за которую они пожертвовали своей свободой.

Сборник открывают впервые публикуемые высказывания академика Андрея Сахарова в день освобождения из ссылки. О своем видении нынешнего положения в стране говорит его вдова и единомышленница Елена Боннэр.

Для широкого круга читателей.

ББК 66

ISBN 5-89935-004-0

© Пимонов В., 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ к русскому изданию	4
ПРЕДИСЛОВИЕ к датскому изданию (1988)	10
БЕСЕДА С АНДРЕЕМ САХАРОВЫМ И ЕЛЕНОЙ БОННЭР	14
БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ АЛЬБРЕХТОМ	19
БЕСЕДА С ИОСИФОМ БЕГУНОМ	34
БЕСЕДА С ЛАРИСОЙ БОГОРАЗ	50
БЕСЕДА С ЛЕОНИДОМ БОРОДИНЫМ	70
БЕСЕДА С СЕРГЕЕМ ГРИГОРЬЯНЦЕМ	89
БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ОГОРОДНИКОВЫМ	107
БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ПОДРАБИНЕКОМ	122
БЕСЕДА С КИРИЛЛОМ ПОПОВЫМ	134
БЕСЕДА С МИХАИЛОМ РИВКИНЫМ	153
БЕСЕДА С ВАЛЕРИЕМ СЕНДЕРОВЫМ	167
БЕСЕДА С ЛЬВОМ ТИМОФЕЕВЫМ	193
БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ТИТОВЫМ	208
БЕСЕДА С ЮРИЕМ ШИХАНОВИЧЕМ	219
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	230

ПРЕДИСЛОВИЕ

к русскому изданию

Представляемая российскому читателю книга имеет почти детективную историю.

Освобождение в 1987 году двухсот политзаключенных (приблизительно одной пятой «наличного состава») стало крупной международной сенсацией горбачевской «перестройки». Тогда, по свежим следам «странной амнистии», мне показалось интересным взять интервью у известных в ту пору во всем мире бывших узников совести — четырнадцати освобожденных диссидентов. Их имена звучали в передачах западных радиостанций, их освобождения требовали лидеры западных стран на переговорах с советскими руководителями. Работе над книгой-интервью власти уже не мешали, но за рукописью охотились, по-видимому, не желали ее попадания на Запад — по старой привычке. Приходилось прибегать к хитростям: манускрипт печатался у разных машинисток, экземпляры прятались по разным квартирам. Сейчас даже смешно об этом вспоминать, как о детской игре, но тогда это было всерьез, и для властей тоже. В итоге с помощью западных журналистов и дипломатов, рисквавших, кстати, своей аккредитацией, книга оказалась на Западе и вышла в 1988 году, уже после того, как я покинул Советский Союз, в крупном датском издательстве «Гюльдендаль». Интерес к теме был тогда велик, ведь это были первые свидетельства политэзков горбачевской эпохи, когда еще не забылось заявление молодого генсека-реформатора о том, что политзаключенных в СССР нет.

О публикации книги в СССР не могло быть и речи. «Амнистия» в действительности была пропагандистским шагом, рассчитанным на Запад, и только через 2 — 3 года правдивые материалы об «особо опасных государственных преступниках» стали медленно и осторожно просачиваться в печать. Значительно позже появились мемуары, были опубликованы книги типа «Истории инакомыслия в России».

Но в то время, когда я встречался и беседовал с героями этого сборника, власти пытались исказить историю инакомыслия. В том, что им было известно о работе над книгой, я не сомневался, но доказательство получил после выступления по телевидению академика Евгения Чазова (кремлевского врача Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева), в котором он изобличал «лживые утверждения некоего господина Пимоннова» в газете «Нью-Йорк Таймс» об использовании карательной психиатрии в политических целях. Академика Чазова, по всей видимости, привлекли для пропагандистского «опережения» публикации моего интервью с участником этой книги — Владимиром Титовым, бывшим курсантом школы КГБ, который прошел одну из самых страшных психиатрических тюрем, известную как «Сычевка».

Позже, 13 декабря 1989 года, когда я уже жил в Дании и работал в датской газете «Экстра Бладет», меня предупредил в ночном телефонном разговоре находившийся тогда в опале у Горбачева Борис Ельцин: «Не верьте Горбачеву, он не искренен. И будьте осторожны. Я предупрежден о вашем звонке и знаю, кто вы, поэтому не называйте вашу фамилию по телефону. В стране еще сталинская система, ведется слежка даже за депутатами Верховного Совета. Наш разговор прослушивает КГБ, они вас могут достать и там, где вы находитесь».

Классическая «диссидентская» предосторожность с его стороны.

С Ельциным о моем звонке через посредников договорился один из участников этого сборника — математик Валерий Сендеров.

Тогда будущий президент России еще захаживал на «диссидентские кухни» и ему запросто можно было позвонить домой. На прощание я от души пожелал ему стать президентом России...

Я привел этот эпизод, дабы немного напомнить, о чем беспокоились советские люди в совсем еще недавнем прошлом.

Кому теперь интересны интервью с диссидентами, взятые 12 лет назад?

У людей сейчас другие проблемы. Миллионы граждан едва сводят концы с концами, коррупция и воровство стали нормой жизни и достигли неопишуемых размеров, власть срослась с криминальным миром, о чем ныне публично говорит даже последний президент СССР Михаил Горбачев.

Теперь вот и с ним можно встретиться на какой-нибудь демократической тусовке, пожать руку и даже сфотографироваться на память. А ведь совсем еще недавно, году в 1987-м, мне и моим единомышленникам приходилось сидеть в «ментовках» за попытку передать генсеку Горбачеву какое-нибудь правозащитное письмо. Помните его знаменитое: «Чего вы нам тут дешевку подбрасываете?»

В России все может быть. Сегодня ты президент, а завтра диссидент, и наоборот. Сегодня ты олигарх, а завтра подследственный. Пока ни президентов, ни диссидентов, ни олигархов не сажают, но желание посадить есть у многих. Ведь и против Горбачева, и против Ельцина и олигархов пытались возбудить дела. Что же говорить о простых гражданах?

Лагерно-блатной жаргон стал повседневной речью и народа, и власти. «Разборка», «наезд», «крыша» — уже не выражения паханов в лагере, они звучат и на улицах, и в выступлениях видных политиков, и в Кремле. Язык, пожалуй, лучше всего другого отражает положение в сегодняшнем российском обществе, где налицо все признаки формирования уголовного сознания.

Может, поэтому полезно российским читателям познакомиться с опытом эков прошлого, от которого никто не застрахован в будущем в случае определенного стечения исторических обстоятельств.

Правда, эти ээки, политические — русская интеллигенция, независимо от их национального происхождения, и они разговаривают не на воровском жаргоне, а на почти забытом русском языке.

Предлагаемая книга — это, по существу, психоло-

гический портрет правозащитного движения, портрет правдивый, поскольку в его создании главная роль принадлежала самим диссидентам. Каждое интервью предваряется краткой справкой о человеке, взятой из «Списка политзаключенных СССР». «Список» выходил в Мюнхене под редакцией бывшего политзаключенного, ныне покойного Кронида Любарского. В советские времена за распространение этой публикации тоже давали срок.

Роль журналиста-составителя была минимальна: задать острые, иногда провокационные вопросы, например: «Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения?» или «Допускали ли уступки в тюрьме или лагере?», «Какую подписку вы дали при освобождении?» Вопросы под стать следователю. И *ни один* из интервьюируемых не уклонился от ответа и не солгал. «Однажды допустил слабость. Снял голодовку, не добившись свидания с матерью». Эта фраза из интервью с человеком, который *только эту слабость* за весь свой срок и допустил. Кто, кроме него самого, это отступление отметил бы?

Перед вами живые люди, люди России, бывшие советские граждане, которые нашли в себе достоинство жить не по лжи и пожертвовали ради этого своей свободой. Все они очень разные, и объединяет их, пожалуй, лишь одно — честность перед обществом.

Разве это только история? Разве это не насущно необходимо людям сегодня? Сколько сейчас говорят, что народ стал «хуже», о «порче нравов» и о гораздо более страшном — об утрате нравственных ценностей.

Перед вами фрагмент истории *нравственного* сопротивления коммунистическому тоталитаризму, достаточно объективный и многосторонний, ибо описан с 14 разных позиций. И в них нет того антикоммунистического экстремизма, который присущ сегодня многим бывшим членам КПСС, в прошлом послушным конформистам, а теперь ставшим новой политической элитой.

Вот что говорит один из героев книги: «Советскую власть считал своей властью... Я считал систему своей, и мои оппоненты считали ее своей. Но вот представления о том, какой ей быть, расходились».

Или другие высказывания: «Существо моих разногласий с системой коренится в проблеме еврейской жизни в стране...»

«Еще в 1979 году мне предложили уехать из СССР. Я отказался и, хотя получил предупреждение от КГБ, продолжал писать: потребность писать стала естественной и непреодолимой».

Многие и сейчас мечтают уехать, а тогда десятки тысяч сочли бы за счастье получить такое предложение от советских властей. А этот вот предпочел лагерь... Многие ли сейчас так, как эти политзэки, любят Россию?

В книге они рассказывают не только о прошлом.

Спустя 12 лет после моих первых интервью с ними я задал всем им новый вопрос: «Как вы оцениваете положение в России сегодня?» (Всем, кроме уехавшего в Германию Владимира Титова, которого не удалось разыскать, и умершего 14 декабря 1989 года академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Но прерванный разговор с Сахаровым продолжает его вдова, Елена Георгиевна Боннэр.)

Ответы были даны в разной форме — в процессе живого интервью, по телефону и в письменном виде. Издание разрослось по объему, почти вдвое по сравнению с датским, и представляет собой уже совсем новую книгу, в которой диссиденты советских времен безжалостно и жестко, но с горечью и любовью по отношению к своей стране высказывают свое мнение о России на перепутье.

Принято думать, что диссидентство не только исторически, но и в личностном плане закончило свое существование. Славное, конечно, но прошлое. Читатель может убедиться, что это не совсем так. Диссидентское слово русской интеллигенции продолжает звучать, например в этом сборнике, оно и сегодня оста-

ется нравственным барометром в хаосе переходного периода и, надеюсь, поучительным наставлением для кока-кольного поколения.

Для этого и собраны в книге судьбы вчерашних и сегодняшних диссидентов — нескольких честных людей.

Некоторые подробности о структуре предлагаемого сборника интервью и его участниках — в предисловии к датскому изданию.

Владимир Пимонов,
Копенгаген, июнь 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

к датскому изданию (1988)

В феврале 1986 года Михаил Горбачев, отвечая на вопрос французской газеты «Юманите» о политзаключенных в СССР, сказал: «У нас их нет. Как нет и преследования граждан за их убеждения, за убеждения у нас не судят». Далее генсек пояснил, за что же судят тех, кого на Западе называют политзаключенными: «Но всякое государство должно защищать себя от тех, кто покушается на него, призывает к его подрыву или уничтожению... Эти действия по нашим законам квалифицируются как государственные преступления... в СССР за все виды такого рода преступлений отбывают наказание немногим более 200 человек». В отличие от утверждений о миллионах политзаключенных в СССР, а именно такие цифры иногда называют на Западе, оценка Горбачева почти верна. Однако он имел в виду лишь осужденных по 70-й статье советского уголовного кодекса («антисоветская агитация и пропаганда с целью подрыва или ослабления Советской власти»), не приняв во внимание тот факт, что ко множеству людей (точную статистику дать невозможно) были применены обычные, неполитические статьи уголовного кодекса, хотя поводом для осуждения служили политические мотивы. Не коснулась оценка Горбачева и осужденных по другой политической статье — 190 (клевета на советский строй). Менее чем через год после своего интервью французской газете, когда политика гласности набирала уже силу, Горбачев сделал миру рождественский подарок, которого мир ожидал давно. В декабре 1986 года академик Сахаров и его жена Елена Боннэр вернулись из многолетней горьковской ссылки в Москву.

Несколько позже начался процесс освобождения других, по западной терминологии — политзаключенных, по советской же — особо опасных государственных преступников, именно так квалифицирует их советское уголовное право. Да, их не судили за убежде-

ния. Их судили в основном за высказывание письменно или устно своих убеждений или убеждений других людей, что выражалось иногда в распространении запрещенных в СССР книг выдающихся писателей, общественных деятелей и поэтов. Судили и за передачу информации на Запад о беззакониях и нарушениях прав человека в СССР. Судили, другими словами, за попытку говорить правду. Многое из того, о чем говорили диссиденты в период брежневского застоя, сейчас, наконец, говорится и официальной пропагандой, и самим Горбачевым. Люди, попадавшие за подобную «деятельность» в заключение на 12 (!) лет, опережали время, они были нетерпеливы в своем стремлении изменить страну к лучшему. Их судьбы были принесены на алтарь гласности. Этим людям мы обязаны тем, что они рисковали жизнью за наше теперешнее право говорить правду и не быть сегодня (а завтра — мы не знаем) брошенными в лагерь. Обязан им, не исключено, и сам Горбачев. Ведь этим людям не нравилось в стране, в частности, то, что не нравится и Горбачеву: застой, коррупция, моральное разложение руководства и аппарата. Определенно можно сказать одно: те 200 человек, о которых говорил советский лидер, никогда не покушались на государство. Да было бы смешно такое предположение. Чего стоит государство, боящееся нескольких человек, говорящих об этом государстве правду?

Но государство тем не менее без всякого смеха отправляло их на муки в лагерь, тюрьмы и психиатрические больницы.

Кто же они, эти люди, которых на Западе называют «борцами за свободу», «правозащитниками», «диссидентами»? Пока они находились за решеткой, рассказывать о них, не рискуя быть субъективным, было трудно. Теперь же, когда они оказались на свободе, захотелось расспросить их самих.

Эта книга — сборник интервью с 14 известными правозащитниками. Каждый из них ответил на одни и те же вопросы из предложенной анкеты, охватывающей

наиболее важные этапы их жизни и деятельности. (Исключение составляет интервью Андрея Сахарова, которое было взято составителем прямо на вокзале в день возвращения опального академика из ссылки.)

Интервью у правозащитников брались в первые же дни после выхода их на свободу из лагерей и тюрем. Времени осмотреться и проанализировать происходящие в стране перемены у них не было. (Исключение — беседа с Ларисой Богораз, освобожденной из ссылки ранее, но рассказавшей и о судьбе своего мужа — Анатолия Марченко, погибшего в декабре 1986 года в Чистопольской политической тюрьме. Еще один герой книги — Александр Подрабинек — вышел из второго своего заключения в 1983 году. Их участие в книге не случайно. Богораз стояла у истоков нравственного сопротивления 60-х годов. Подрабинек — один из первых в стране публично выступил против злоупотреблений психиатрией в политических целях.)

Не исключено, что некоторое время спустя высказанные «по горячим следам» точки зрения претерпели изменения.

То, что говорили эти люди в интервью, отражало их ощущения в первые минуты на воле. Их судьбы сейчас складываются по-разному. Одни предпочли эмигрировать, большинство продолжает свою борьбу за справедливость уже в новых условиях гласности и перестройки. В этой единой своей борьбе они не всегда находят между собой точки соприкосновения. Книга же делалась в момент, когда они все ощущали себя связанными одной Цепью, одним Лагерем, одной Тюрьмой.

Составителю принадлежит прежде всего только идея создания сборника интервью-портретов. В остальном же его функция свелась к минимуму: подготовка вопросов анкеты, опрос «свидетелей», т. е. сбор «показаний по их делам», расшифровка стенограмм «допроса» и весьма незначительная стилистическая обработка текста.

Не хотелось бы, чтобы книга эта воспринималась

как некая «литература». Наоборот, это документ: намеренно сохранена живая речь, с ее интонациями и эмоциями, иногда сбивчивая и непоследовательная. Важно помнить: рассказ каждого из героев ни в коем случае не повествование о жизни, это просто последовательные ответы на каждый вопрос анкеты.

Эта книга — документ своего времени и, надеюсь, свидетельство невиновности честных людей, пожертвовавших личной свободой во имя свободы народа своей страны. Таково мнение автора — «свидетеля защиты». Окончательный приговор пока еще не реабилитированным бывшим политзаключенным вынесет «суд присяжных» — читатели, которые возьмут в руки эту книгу.

Итак, говорят «особо опасные».

Автор-составитель,
Копенгаген, 1988

БЕСЕДА С АНДРЕЕМ САХАРОВЫМ И ЕЛЕНОЙ БОННЭР

*Сахаров Андрей Дмитриевич,
род. 21.05.1921 г., физик, академик, выдаю-
щийся советский ученый; «отец» водородной
бомбы, трижды Герой Соц. Труда,
лауреат Нобелевской премии мира 1975 г.,
депутат Верховного Совета СССР (1989).
Арестован 22.01.1980 г. Сослан без суда в
г. Горький за правозащитную деятельность.
Освобожден в декабре 1986 г.
Скончался 14 декабря 1989 г.*

Интервью было взято 23 декабря 1986 года, в день возвращения Сахарова из ссылки, и опубликовано в датской и норвежской печати.

— *Будете ли вы продолжать свою правозащитную деятельность?*

— Да, обязательно. Прежде всего хочу бороться за освобождение узников совести. Смерть Анатолия Марченко потрясла меня. Я считаю, что гласность нужна и в этом вопросе. Мы должны, наконец, решить эту проблему и прекратить преследование людей за их убеждения.

— *Что вы думаете о свободе передвижения, о проблеме воссоединения семей?*

— Это ужасная проблема. Все разъединенные семьи необходимо немедленно воссоединить. Но я смотрю на эту проблему в более широком контексте. Каждый гражданин любой страны, в том числе и СССР, должен иметь право жить там, где пожелает. Намереваюсь в дальнейшем высказаться более широко на эту тему.

— *Вы не боитесь последствий в случае продолжения своей деятельности?*

— Не знаю, не уверен. Трудно об этом думать. Мне нужно осмотреться после шести лет полной изоляции в ссылке, должен сначала проанализировать ситуацию, понять, что же на самом деле происходит в стране.

— *Как ваше здоровье?*

— Я не совсем здоров. Длинные голодовки тоже повлияли. Но по сравнению с женой — я в порядке.

Следующий вопрос был задан Сахарову при встрече летом 1987 года.

— *На Западе появилось мнение (после вашей критики СОИ), что вы на пути к Горбачеву.*

— Не совсем так. На Западе забыли, что не только сейчас, а еще в начале семидесятых годов я говорил: «Любые ядерные космические вооружения способны привести к дестабилизации обстановки». Так что, простите, я своих убеждений не изменил.

Е. Боннэр добавляет:

— Получается, что не Сахаров на пути к Горбачеву, а Горбачев на пути к Сахарову.

В июне 1999 года разговор продолжила вдова академика А. Д. Сахарова — Елена Боннэр.

Елена Боннэр, род. 15.02.1923 г. По образованию — врач. Участница Великой Отечественной войны. В 1972 г. вышла из КПСС в знак протеста. Правозащитник, публицист, писатель. Была основателем Фонда помощи детям политзаключенных, одним из учредителей Московской Хельсинкской группы. Находилась в ссылке вместе с Андреем Сахаровым. В настоящее время — председатель комиссии по увековечению памяти Андрея Сахарова — Фонда А. Сахарова.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: За последние годы мы как-то привыкли говорить, что Россия на грани пропасти, что остается последний шанс для спасения страны. Вот и живем все этим «последним шансом». Я его вижу в выборах в Думу. Какова будет новая Дума — важнее, чем кто будет следующим президентом. Какова будет Дума, таков будет и президент.

В 1996 году нам внушали, что у нас нет выбора между злом — Зюгановым и не меньшим злом — Ельциным, ведь развязанная им война в Чечне — это преступление против человечества. Но деньги оказались решающим фактором, что наглядно было продемонстрировано коробкой из-под ксерокса, в которой участ-

ники избирательного штаба Ельцина пытались вынести полмиллиона долларов из Белого дома. Но этим людям хоть плюнь в глаза, всё Божья роса.

Теперь те же, кто тогда «командовал» коробками с долларами, формируют так называемый «самый честный» избирательный блок. Меня никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистам, но я все равно не считаю, что политика либералов и антикоммунистов должна быть жульничеством и воровством. Я осуждаю «Правое дело», хотя полагаю, что их представители были бы полезны в будущей Думе. Это люди с хорошей головой и состоятельные материально, но они должны выдвигаться индивидуально, а не по общему федеральному списку, что приведет к «оттягиванию» голосов от «Яблока». Сейчас же «Правое дело» играет роль провокаторов, намереваясь баллотироваться по общему списку.

Будущую Думу мне хотелось бы видеть с минимальной коммунистической оппозицией. Повторяю, я считаю объективно полезным участие в Думе представителей «Правого дела», что, однако, не противоречит моему весьма критическому отношению к ним. Вспомните манипуляции с финансовой пирамидой ГКО. Чубайс, по существу, признался в этом публично.

Вина «младореформаторов» и в том, что термин «демократия» превратился для народа в «дермократию», а «приватизация» в «прихватизацию». Эти люди не сумели честно объяснить народу, что произошло, и шли до конца. Я осуждаю их за ложь. Гайдар, Немцов говорили о неприятии ими войны в Чечне, но вместе с тем они сотрудничали с теми, кто развязал войну. Этот тип политиков для меня неприемлем, хотя раньше я выступала за них. Они меня разочаровали, потому что я всегда считала ложь самым тяжким преступлением перед обществом. И вот эти люди, которым я верила, стали лгать.

Мне хотелось бы видеть во главе государства человека, никак не связанного с номенклатурно-государственной мафией. Сейчас же страной управляют люди,

связанные с этой мафией по рукам и ногам. И до тех пор, пока они у власти, мало что изменится к лучшему. «Семья» президента — это вершина коррупции, а сам Ельцин не разрешает себе этого понять. Неужели он такой дурачок, что думает, будто его зятя Окулова взяли руководить «Аэрофлотом» исключительно за большие способности?

Я пришла к выводу: бизнес, деньги и власть развращают всех.

Мне почему-то кажется, что Ельцин никогда не уйдет со своего поста сам. Что касается Лужкова, то он годится для Москвы. Как люди говорят: себя не обделяет, но и столицу не забывает — много дает городу. Но если он станет президентом России, мы, как мне представляется, останемся в том же коррупционном мире, в котором живем сейчас.

Страна нуждается в новой конституции, которая должна быть написана не для одного, конкретного человека, как сейчас. И новая конституция должна одобряться не Думой, а особым, независимым органом — Конституционным собранием. Трудно говорить за Сахарова — его нет, он ушел, но я уверена, что он во многом видел бы ситуацию так, как я ее вижу сегодня.

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ АЛЬБРЕХТОМ

*Альбрехт Владимир Янович,
род. 20.02.1933 г., математик.
Арестован 01.04.1983 г., осужден на 3 года
общего режима. Статья 190 — 1.
Написание книг «Как быть свидетелем», «Как
вести себя на обыске», других правозащитных
работ, публикация их на Западе.
Вновь арестован в лагере 26.07.1985 г.,
осужден на 3,5 года строгого режима плюс
6 месяцев неотбытого срока по предыдущему
приговору. Статья 206, часть 2.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: У меня никогда не было конфликтов с системой, во всяком случае мне так казалось. Советскую власть считал своей властью. Меня интересовало лишь одно: несущественное ее улучшение. Например, рад был бы, если бы руководящие государственные посты занимали люди с высшим образованием, не только партийным. Мои пожелания трудно назвать экстравагантными — хотел слишком малого. Я считал систему своей, и мои оппоненты считали ее своей. Но вот наши представления о том, какой ей быть, расходились. Возник конфликт.

После смерти Сталина в марте 1953 года общество находилось в состоянии дискуссии. Высказывались различные оценки прошлого, настоящего и будущих перспектив.

Для меня толчком к пониманию ситуации в стране стал XX съезд партии.

Доклад Хрущева сделался моей настольной книгой. Думаю, что он стоит всего *самиздата*. Открыто весь доклад («О культуре личности») никогда у нас не публиковался, зато в устной форме был доведен до сведения практически всего населения. Любопытно, что впоследствии, размноженный самиздатовскими средствами, он не изымался при обысках.

Итак, люди спорили. Спорили открыто. В спорах неизбежно рождались противоположные точки зрения. К сожалению, граница противоположных точек зрения довольно быстро материализовалась в виде стола в кабинете следователя. И в том кабинете люди продолжали доказывать друг другу правоту с помощью уголовного и процессуального кодексов. В связи с распространенностью подобных споров у меня возник интерес к

процессуальному праву: каковы правила поведения сторон, как вести себя на допросе. Первым, кто написал на эту тему небольшую брошюру, был Александр Есенин-Вольпин (сын поэта Сергея Есенина, ныне проживающий в США). Он был консультантом Комитета по правам человека. В комитет входили академики Андрей Сахаров и Игорь Шафаревич, а также Валерий Чалидзе, Андрей Твердохлебов, Григорий Подъяпольский. Книжка Есенина-Вольпина так и называлась «Как вести себя на допросе?». Она оказалась слишком непонятной читателю, написанной трудным языком, кроме того, малодоступной. Интерес людей к поставленной проблеме рос, и я решил предложить простую, общедоступную схему поведения на допросе. Своего рода путеводитель по лабиринту следствия. Моя деятельность и состояла в том, чтобы популярно рассказывать о предложенной мною этической схеме поведения. Впоследствии, когда меня арестовали, обвинили прежде всего в том, что я прочел около 200 нравственных лекций в 11 городах страны.

Уже во время заключения мне говорили, что я сорвал несколько процессов, поскольку свидетели пользовались придуманной мной системой «ПЛОД». Я ничего не придумывал. Нельзя придумать дерево, оно дано природой. Моя система — колесо, давно известное. Я просто предложил его применить в сфере этических взаимоотношений. «ПЛОД» подходил и для грамотного, образованного человека, и для последнего дурака. Получилось что-то вроде безразмерного чулка. «ПЛОД» — аббревиатура — «протокол», «лично», «отношение», «допустимость». Разъясню подробнее содержание этих терминов.

ПРОТОКОЛ. Требование занести письменно вопрос следователя в официальный протокол. До занесения в протокол не отвечать на вопрос. Это дает время для обдумывания ответа, что весьма существенно для иностранцев. (К слову, еще один совет иностранцам, если, упаси Боже, они окажутся на допросе в СССР, — требуйте переводчика. Любой советский переводчик — хоть

чуть-чуть, а европеец, с вытекающими отсюда последствиями.)

ЛИЧНО. Вы свидетель (не обвиняемый). И если вопрос имеет отношение к вам лично и вы понимаете, что вы лично подозреваетесь в преступлении, то закон освобождает вас от обязанности давать показания и говорить правду (речь идет о вопросах, которые задаются свидетелям, но по существу содержат намеки на обвинение).

Отвечать на вопросы свидетель обязан, обвиняемый имеет право не отвечать. По решению Верховного Суда допрос свидетеля как обвиняемого противоречит Закону. Если же вы уже обвиняемый, то вообще можно отказаться от показаний. Можно сказать: «Я не могу быть свидетелем о самом себе».

ОТНОШЕНИЕ. Вопрос следователя должен иметь отношение к делу, но не слишком близкое. Наводящие вопросы запрещены. Он не может спросить: «Какого цвета был чемодан?» А должен спросить: «Что было в руках?» Противоречат правилам и вопросы, на которые предполагается ответ «да» или «нет». Следователь выясняет обстоятельства преступления, а не «шьет дело», подсказывая свидетелю эти обстоятельства.

ДОПУСТИМОСТЬ. Критерий нравственный. Недопустимо исходить из посылок типа: «Я им скажу, потому что они все равно это знают или потому что они людей, о которых расскажу, все равно не накажут». Недопустима и подобная форма: «Я взял книгу у покойного», «Я нашел книгу на улице». На допросе недопустимо лгать — это противоречит гражданскому долгу.

Однажды я читал лекцию верующим, прихожанам отца Димитрия Дудко. Дудко не понравились мои слова, и он спросил: «А можно ли ответить следователю — «не помню»?» Я ответил: «Можно, если вы действительно не помните. Нельзя обучать лжи, тем более здесь, в церкви».

Все, что я рассказывал, являлось, по существу, процессуальным кодексом, переведенным с юридичес-

кого языка на нравственно-этический. В своих лекциях я приводил наглядные диалоги — модели допросов. Для меня главным было не только обучение, но и сам процесс обучения. На моем суде все свидетели потом признали: «Альбрехт учил нас добру, учил говорить только правду». Приведу пример правильного, правдивого ответа: «Господин следователь, я охотно бы ответил на ваш вопрос, но в кругу моих друзей это считается подлостью». Такая формулировка не является отказом от показаний и не противоречит истине. Отказ — когда человек говорит: «Я отказываюсь от показаний». Уклонение — неявка на допрос по повестке.

Циклы моих лекций спонтанно преобразовались в тексты: «Как быть свидетелем?» и «Как вести себя на обыске?».

Кроме публичных выступлений вел другую работу. В 1973 году была создана группа «73», занимавшаяся культурной благотворительностью. В нее входили четыре человека. В частности, я и Твердохлебов оказывали помощь детям политзаключенных.

В 1974 году начало работу московское отделение «Международной амнистии». Председателем его был математик, профессор Валентин Турчин. Входили в группу Твердохлебов, Орлов, Ковалев, Войнович, отец Сергей Желудков. Я был членом исполнительной группы, после ареста Твердохлебова — секретарем. Сейчас я единственный в Москве из членов этой группы. В цели «Международной амнистии» входили пропаганда милосердия и привлечение внимания общественности к политзаключенным. Устраивались вечера, собирались деньги в помощь детям узников совести. На Новый год я как-то был даже Дедом Морозом, организовал «елку» для детей. Активное участие в вечерах принимали Александр Галич, Владимир Войнович, Виктор Некрасов.

Во время польской «Солидарности» мы отправляли посылки детям, организовывали благотворительные концерты.

Главной задачей было приобщение к демократии, в основе которой — уважение людей друг к другу.

Советские диссиденты по своей природе не приучены к демократическому поведению. Я числился диссидентом в кругу диссидентов. Достигли ли мы своих целей? То, что происходит сейчас, было, можно сказать, нашей мечтой. Вышедшие из заключения несколько обескуражены: свершилось то, за что они боролись и пострадали. Ведь свержения власти никто и не жаждал. Мы получили то, за что проливали кровь, преувеличения здесь нет. Не всё, конечно, но многое осуществилось.

Моя деятельность имела личный мотив. Отец, член партии с 1905 года, был расстрелян 14 марта 1938 года — не сумел доказать свою невиновность. Впоследствии его реабилитировали. Я сделал вопрос доказательства невиновности на следствии важнейшим в жизни. Иначе мой отец погиб зря.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: Понятия не имел, не думал, не гадал, что меня арестуют. Моя деятельность была абсолютно в рамках Закона. Конечно, знал, что иногда сажают необоснованно. Но верил в правосудие и надеялся, что чаша зла меня минует. И вот почему. В 1977 году меня допрашивал следователь КГБ Литвиновский (по делу Анатолия Щаранского). Он официально заявил: «В ваших лекциях и книгах нет ничего криминального». И эти слова были в *протоколе*. Протокол я вынес с допроса (переписал его) и читал людям. Следователь дал мне тогда *честное слово коммуниста* и добавил: «Если вам за это что-нибудь будет, назовите меня мудаком!» Потом выяснилось: у него была скрытая цель — добиться от меня признания в авторстве книг. После другой следователь — Воробьев объяснил поведение коллеги тактическими соображениями. Я все равно не признался

в авторстве: «Верю, что в лекциях и книгах нет криминала, но тогда тем более, почему столь важно знать автора?» Кроме того, попытки установить автора к делу не относились, я ведь был не обвиняемым, а свидетелем по делу Щаранского. Точно так же ответил бы и на вопрос об авторстве «Гамлета»: «К делу Щаранского отношения не имеет».

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: Произошел обыск на квартире. Ничего, естественно, не нашли, других учил, и уж о себе-то грешно было не позаботиться. Забрали, правда, кое-какие бумаги. Затем отвезли на допрос и мгновенно арестовали. «Вы слишком долго издевались над КГБ, так что теперь делайте выводы».

Конкретных обвинений практически не предъявили. Следователь попался умный, грамотный. Ему предстояло доказать два обстоятельства: авторство книг и клевету на советский строй. Ни того, ни другого сделать оказалось невозможно. Материальные доказательства — черновики отсутствовали. Я говорил: «Первоначальный текст книг писал я, но потом они перед изданием существенно редактировались и дополнялись, так что их автор теперь — коллективный». Не отрицал — идеи принадлежат мне, но отвечать за каждую строку коллективного творчества не считал правильным. Был такой эпизод. В книге фигурировала цитата: «Пришла весна, настало лето — спасибо партии за это!» — с пометкой: перевод с китайского. Фраза инкриминировалась как антисоветская и клеветническая: «пропагандирует негативное отношение к КПСС, к явлению позитивному». Я отвечал: «Здесь высмеивается мистическое отношение к партии, ее обожествление. Кроме того, речь идет не о Советском Со-

юзе, а о Китае». Последний аргумент следствие отклонило.

Арестовали меня 1 апреля 1983 года, а 29-го числа того же месяца я был готов давать любые угодные им показания: не выдержал издевательств и жестокого обращения в камере. «Прессовка» доведена у них до уровня виртуозного. Но когда меня привели на допрос, я не мог ни говорить, ни писать — как парализовало от пережитого. Чувствовал, что от издевательств близок к помешательству. Тогда меня перевели в другую камеру, там выпался, обрел форму. Получив передышку, занял прежнюю позицию. (Впоследствии следователь московской Бутырской тюрьмы Воробьев был освобожден от должности за применение «прессовок».)

На следствии ощущал легкость: нечего было бояться. Я прожил жизнь так, чтобы никогда не опасаться последствий. От меня же упорно требовали признать вину и раскаяться. Я выбрал такую линию: «Признаю себя виновным». Подумал — раз арестовали, значит, по их мнению, виновен. Ну а если я и не знаю своей вины, еще не значит, что ее нет.

У меня были столь примитивные, не оригинальные убеждения, что мне не составляло труда их отстаивать или не отстаивать. Хотели другого — чтобы я себя скомпрометировал. Но как же я мог, например, написать, что у Сахарова плохая жена?

В памяти сохранилась деталь. Я старался попасть в сносные условия: в больнице лучше кормят, можно отдохнуть. Но, конечно, сделал все, чтобы не признали невменяемым. В те времена психиатры не любили ставить диссидентам диагнозов. И так шум стоял в мире о злоупотреблениях в психиатрии. Меня вел молодой врач, женщина. Беседовала со мной о деле. *Все дело* находилось в ее распоряжении — таково правило. Она с удовольствием прочитала обе книги, приложенные к досье. Я спросил: «Виновен ли я?» Она ответила: «Не могу судить, не являюсь специалистом». — «А как вы думаете не как специалист, а как человек?» — «По-человечески — не виновен!» Потом я

ей объяснил, что во всем мире вопрос о виновности решают *не специалисты*, а присяжные, люди разных профессий. Доктор засмушалась. Вскоре ее заменил другой врач, и мое пребывание в Институте судебной психиатрии им. Сербского растянулось на три долгих месяца. Поразило вот что: смущение честного человека, врача, привело к отстранению от пациента.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Ничего оригинального не скажу. Уступок администрации старался не допускать. Со мной не раз беседовали: требовали раскаяния. А у меня не получалось раскаяться. Каждый раз хотел написать бумагу, как *они* просили. Садился писать — все получалось наоборот, с обратным знаком. Их не устраивало — я же иначе не мог. Начинали «прессовать» — вот и конфликты. Отбывал срок в уголовном лагере в Кустанае.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Самое ужасное из виденного — лагерная «каста неприкасаемых». Сюда относятся «пинчи» — педерасты или люди, объявленные гомосексуалистами. К ним запрещено прикасаться. Если просят закурить — нужно бросить окурочок на землю — его поднимают. (Вообще, физиологически неприятных ощущений хватало. Помню, в камеру Бутырской тюрьмы ввалился человек, встал на колени и стал жадно пить из унитаза.) Порядки обращения с гомосексуалистами издавна созданы самими уголовниками. Нравственная проблема трудна: жалеть и потворствовать гомосексуалистам тоже нельзя — садятся на шею. Страшно другое — большинство из них не гомосексуалисты, а объявленные таковыми или изнасилованные. У них — отдельный стол, отдельная посуда.

Когда человек попадает в Кустанайский лагерь, его

начинают ежедневно лупить. Требуют подписать документ о вступлении на «путь перевоспитания и исправления» и в секцию правопорядка. Человек должен стать активистом этой секции. Избивают же сами активисты — «старики». Меня не били — политическая статья 190 — 1 — «клевета на советский строй» — о таких спецчасть лагеря дает указание особое. Случалось, что от побоев откупались — чаем, деньгами, вещами.

Побои — дело страшное, были даже самоубийства. Человек, потерявший свободу и оказавшийся в заключении, попадает в иное общество, имеющее совсем иные законы и критерии. В задачу этого общества входит заставить человека работать до последнего пота. Представьте такую ситуацию. Некий заключенный, из «сильных», приходит в администрацию и говорит: «Я обещаю вам, что заставлю всех других заключенных работать изо всех сил, гарантирую перевыполнение плана. Условие: часть заработанных денег беру себе, часть — отдаю вам. Вы же не вмешивайтесь в мои действия. И волки сыты — и овцы целы». Примерно такое соглашение, рассуждая теоретически, устанавливается. Человек делается рабом, в роли рабовладельца — другой заключенный. Идеальная модель общественного самоуправления! В лагере тоже, оказывается, можно стать начальником, найти себя, занять привилегированное положение. Мне пришлось тяжело. Ко всему добавили после отбытия основного срока статью 206 — за «хулиганство».

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Предчувствовал освобождение, читая газеты. Видел изменения в стране. Приехал из Москвы некий Альберт Кузьмич Шевчук, беседовал со мной о «помилровке». Я написал: «Я всегда уважал и соблюдал советские законы. Намерен и впредь поступать точно так же».

Виновным себя не признал, никаких обещаний прекратить деятельность не давал. Подписанный текст отражал мои взгляды. Следователя текст удовлетворил.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Сидеть в тюрьме — значит «немножко умереть». Тюрьма никому еще никогда ничего не давала хорошего. Опыт заключения — негативный опыт, а вольной жизни он только мешает. Бывает, выходя на свободу, человек еще долго духовно пребывает за решеткой. Не случайны поэтому возвращения туда, рецидивы.

Конечно, мои убеждения радикально изменились. До тюрьмы я свято верил в правосудие. Распространяя этические воззрения, не считал это деятельностью. Быть честным человеком и помогать людям — никакая не деятельность, а образ жизни. И сейчас готов жить, как жил. Но теперь трудно, просто устал. В глубине души почувствовал, что моя вера в правосудие была иллюзией, значит, и я, быть может, распространял лишь иллюзии.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Мне неизвестны люди среди правозащитников, стремившиеся свергнуть советскую власть. Речь шла о гласности и перестройке, о модификации общества. И я всегда был за перестройку. Любил до ареста произносить застольный тост: «Выпьем за успех нашего безнадежного дела!» Мы и жили и страдали за дело, которое начало постепенно свершаться. Иначе жить не могли. Оставаясь членом общества, приму сильное участие в новых процессах, точнее сказать, продолжу участие, прерванное тюрьмой.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Полагаю, перемены происходят, и говорить о них можно долго. Необходимо существенное изменение не только в уголовном кодексе, но в первую очередь в процессуальном. Адвокат должен иметь право участвовать в деле с момента предъявления обвинения. Считаю справедливой практику назначения судей не только партийных, но и беспартийных. Здесь важна тенденция. В крупных городах у нас почти все судьи — члены КПСС. Я — за отмену смертной казни, казнь не является наказанием. За смягчение режима в тюрьмах и лагерях. Лагерь не коммерческое учреждение, приносящее прибыль.

Важно властям, наконец, понять: правительство и государство существуют для охраны интересов граждан. Если это не так, то гражданин должен *иметь право* отказаться от своего государства и правительства: нельзя судить за слово. Слово отличает человека от животных, и свобода слова — право, данное человеку природой. Запретных тем быть не должно.

Конституция предусматривает *почетную обязанность* служить в Советской Армии. Почетное ее исполнение дано не каждому. Не благоразумнее ли ввести возможность *альтернативной* службы на пользу общества, но без оружия в руках? Россия должна быть доброй матерью своих детей, где бы они ни находились. Страна, задерживающая своих граждан, желающих выехать, признается в слабости.

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: Я бы с удовольствием поехал с семьей в гости на Запад.

* * *

В мае 1987 г. В. Альбрехт эмигрировал. Живет в Бостоне, рабочий.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Все упирается в одну истину: русские — это совершенно особый человеческий материал. Я встречал в своей жизни много людей, которые приходили ко мне за советом и помощью в критической ситуации, часто незадолго до своего ареста, во время следствия.

Традиционно сложность состояла в следующем. Когда следователь задавал им вопрос, например, откуда вы взяли эту рукопись (речь идет о так называемой антисоветской литературе, которую КГБ изымало при обысках. — *В. П.*), то человеку трудно было понять, что нужно говорить правду вместо лжи, как, например: нашел на улице, взял в квартире покойника и тому подобное. Лжи ожидал как сам следователь, так и его оппонента подмывало сказать неправду.

Русский человек обладает синдромом подросткового поведения. Взрослый человек, но ведет себя как подросток. Поэтому русскому человеку свойственны обман, необязательность, сомнение, вера в выгоду и везение, самоуверенность, т. е. те черты, которые присущи подростку. И вместе с тем ему непонятны абстрактные механизмы социального регулирования. Русский человек слушаться рубля и экономических законов не будет. Потому и провалились реформы и никакого капитализма не возникло. А возникло сплошное воровство, люди воруют друг у друга, обманывают, говорят неправду. В этой системе допустимым считается обворовывать государство, но недопустимо украсть у соседа.

Существует заблуждение, что в СССР был тоталитаризм. Нет, не было. Тоталитаризм кончился в строгом смысле слова после смерти Сталина, потом начался полутоталитаризм. А это несколько другое понятие.

Русский человек воспринимает себя таким, каким он видит себя по телевизору и представляется в радиопередачах. Вот когда-то и западные и советские радиостанции говорили, что диссиденты боролись против советской власти. Но это же не так в большинстве случа-

ев, часто это была выдумка КГБ. Лучший способ разрушить Советский Союз, как оказалось, состоял в постоянном улучшении и усовершенствовании системы — от Хрущева до Горбачева. Именно попытка улучшить систему и привела к ее распаду. Все пришло к тому, что сейчас в России вообще отсутствует политическая система в европейском смысле, а есть определенная договоренность о том, как друг друга облапошить. Это не политическая борьба, а всеми принимаемые правила воровства.

Такое положение отражает общественное сознание российского человека сегодня.

О будущем. Если подросток — русский народ вырастет, станет взрослым, то в России будет полноценное, цивилизованное европейское общество.

То, за что боролись диссиденты, осуществил Горбачев. Если бы диссидентов слушали раньше, то ситуация могла бы быть лучше. Не было бы такого обвала и безобразия. Переход от одной системы к другой происходил бы менее болезненно. Но поскольку партия и народ едины, то произошло то, что произошло.

Я все-таки надеюсь, что подросток-народ повзрослеет. Опасно то, что этот «ребенок» — русский народ — владеет ядерным оружием.

Сейчас, к сожалению, не приходится говорить о правах человека. Об этом можно говорить, когда люди сыты. А какие права и законы у голодных?

Истоки сложившегося положения нужно искать в прошлом, в нашей трагической истории. Советская власть была, по существу, властью шпаны, полууголовная. Официальная советская идеология абсолютно совпадала с основными характеристиками уголовного сознания: презрение к частной собственности, презрение к правам личности и относительность нравственных понятий, таких, как порядочность, честность. Эти понятия были не общечеловеческими, а классовыми. Было разделение людей, как в зоне: здесь — свои, а там — суки.

В результате советская система перепортила народ, отучила думать, уничтожила нравственность.

Ведь нынешние люди не с Луны свалились, большинство же вышло из старой системы. Так на кого же пенять, что все так плохо, что кругом криминал и коррупция?

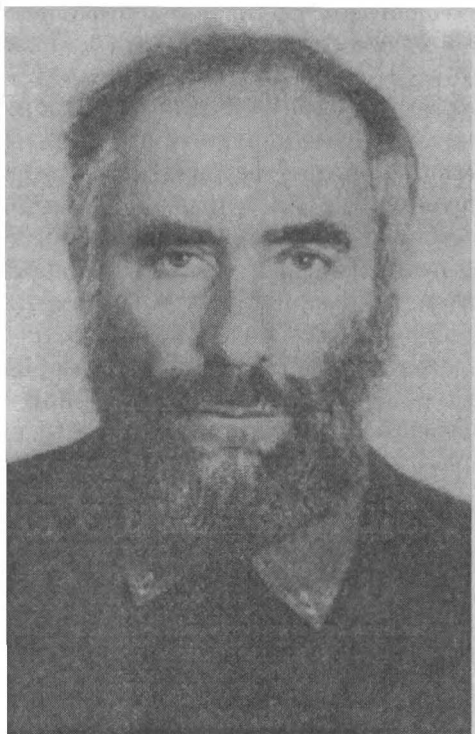
Самое ужасное сейчас — это отсутствие государства. Оно как бы и есть, но его и нет. Ужасно и отсутствие полиции, которую заставляют воровать при нищенской зарплате. Что же это за правоохранительные органы, если они живут впроголодь, — это уже бандиты с большой дороги.

Нет власти в стране. Функции государственной власти берут на себя криминальные авторитеты.

Я хочу видеть Россию государством, которое бы обеспечивало фундаментальные права граждан и которое бы взимало с них налог. Государство, которое не выполняет этих функций, нельзя назвать государством.

Мне нравится Америка, где я, математик, работаю рабочим — просто уже поздно на старости лет овладеть английским. Здесь есть свобода. Свобода жить честно или нечестно, немножко честно или совсем нечестно. Есть выбор, а вот в России все были обязаны жить нечестно.

БЕСЕДА С ИОСИФОМ БЕГУНОМ

*Бегун Иосиф Зиселевич,
род. 09.07.1932 г., инженер-электрик, канди-
дат технических наук.*

*Арестован 06.11.1982 г., осужден на 7 лет
строгого режима плюс 5 лет ссылки.*

Статья 70.

*Ранее: 1977 — 1978, 1978 — 1980 гг. — ссылка
по политическим мотивам.*

Освобожден в 1987 г.

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Существо моих разногласий с системой коренится в проблеме еврейской жизни в стране. С первых лет жизни я чувствовал, что я — еврей, об этом мне беспрестанно напоминали окружающие, в том числе и дети-сверстники. Мне вдалбливали, что я — не такой, как *они*. Получил затем образование. Начав научную карьеру, я понял, что мои возможности не столь широки, как у моих товарищей — неевреев. Но не это было причиной моих разногласий с системой, в конце концов можно было бы не считаться, не замечать, что евреи в СССР ущемлены в профессиональных, образовательных возможностях. Конечно, психологически заставить себя не замечать ничего — очень трудно, да еще при наличии *бытового*, почти *генетического* антисемитизма. Рассказывая о чем угодно и о ком угодно, русские, даже без всякого злого умысла, отметят: он — еврей. Но и это терпимый уровень. Справедливости ради следует сказать, что евреи в СССР занимают социальное положение, вполне сопоставимое с другими, хотя и испытывают много неудобств. Это естественно. Дело в другом.

Я почувствовал ущемленность как еврей, когда стал *осознавать* себя евреем, интересоваться *еврейской жизнью* и своей исторической родиной. Импульсом послужила Шестидневная война 1967 года. К тому времени я уже был кандидатом наук. Осознал свою принадлежность к еврейству глубже, чем раньше. Захотелось изучать иврит, историю своего народа — потянуло к корням. И вот здесь я понял, что на сто процентов лишен возможности заниматься всем этим.

Решил достать учебник иврита, в каталоге крупнейшей в мире Библиотеки им. Ленина учебника не об-

наружил. Хотел узнать о жизни Израиля, о нашей возрожденной Родине, но понял: еврейское государство — запретная тема. Израиль поливался грязью в советской печати, на публичных митингах. И проявление интереса к этой стране вызывало неприемлемую реакцию властей. Мне было тяжело видеть и знать это, ведь во время второй мировой войны в результате нацизма погибли мои близкие.

С одной стороны, я оставался в рамках советского общества, формально полноценным его членом. С другой — назрели фундаментальные противоречия с этим обществом. Возник выбор: либо быть евреем, жить в соответствии с традициями своего народа, либо стать советским гражданином с адекватным обществу поведением.

В отъезде в Израиль я увидел возможность разрешения противоречия. Понял, что свое назначение смогу реализовать на родине предков. В 70-е годы я осознал необходимость претворения своей национальной сущности.

Это не был национализм или отчуждение от советского общества. Здесь я родился и вырос и поэтому принадлежал русской культуре, которая была для меня единственной. Но моя национальная, глубинная сущность требовала приобщения к корням. Много позже о сходном чувстве я прочитал у Чингиза Айтматова, Сильвы Капутикян: они открыто и с великим достоинством писали о роли в становлении их личности национальных культур, несмотря на близость к культуре русской.

Существование на грани двух культур, мое стремление приблизиться к еврейству и привело к конфликту с обществом. Сначала попытался добиваться своих прав как еврей в одиночку. *Ведь эти мои права* провозглашены советским законом.

Из всего следует, что первоначально разногласия с обществом обусловили *личные* причины. Они есть и у многих других евреев. Я не мог дальше развиваться гармонично. Начал учить иврит в частных группах (домаш-

ние улыпаны), доставал еврейские книги, слушал национальную музыку, изучал обряды. В еврейской *микрочейке* я имел относительную возможность быть евреем. Подобные микрочейки для еврея более органичны, чем хваленый советский Биробиджан, искусственно и насильно созданный социум.

Но меня угнетало, что миллионы моих собратьев лишены и той возможности развиваться, какую имел я в Москве.

Открыто высказывался по этому поводу и был осужден за *инакомнение*. Замечу, что никогда не покушался на основы советского строя. Хотел получить то, что имеет большинство людей, — конституционные права.

Я требовал: дайте евреям равные возможности, не больше, чем у других. Литовцы, латыши, эстонцы, армяне, украинцы — все нации могут изучать свой родной язык. Евреи же в этом смысле находятся в исключительном, унижительном положении. Даже немцы имеют больше прав. Еще особое положение у цыган.

Я выступал за изменение положения, при котором грубо, чудовищно нарушались права евреев. Вся моя деятельность была признана антисоветской.

Она состояла в следующем. Выучив иврит, я начал учить других. Распространял еврейские книги по истории и философии. До 1969 года я, кандидат наук, был старшим научным сотрудником в научном институте, доцентом вуза. Перед подачей заявления о выезде в Израиль потребовалась характеристика профсоюза и партийной организации. Мне сказали: дадим характеристику, если уволитесь. Нет — не дадим. Уходить не хотел, стал добиваться своего права. Тогда мне пытались навязать допуск к государственным секретам. Я решил уволиться с работы, дабы этого избежать.

Отказавшись от научной карьеры, я был вынужден стать рабочим, сторожем. Но даже на таких «постах» мне не давали покоя — КГБ проявляет к сторожам повышенный интерес. Я попадал под превентивные аресты, несколько раз проводил в тюрьме от девяти до пятнадцати суток. Накануне визита Никсона в Москву

многих арестовывали, разбрасывали по подмосковным тюрьмам, отключали в домах телефоны. В августе 1972 года Президиум Верховного Совета СССР ввел правило о выплате суммы денег за образование для лиц, выезжающих в Израиль. Тогда нас, московских активистов, человек около 25, просто продержали в тюрьме трое суток, пока трудящиеся приветствовали американского президента красными флажками.

На работе спросили: «Где вы были?» Справок КГБ не дает, мне засчитали прогулы и выгнали с работы. Итак, в начале 1974 года я вообще лишился *любой* работы. Долго искал работу. Написал в милицию заявление о выдаче разрешения давать уроки иврита, выплачивать государству налог. Отметил, что имею средства к существованию в виде трудовых сбережений за многие годы плюс деньги за уроки языка. Три года — «период детанта» — меня не трогали. В начале 1977 года я был обвинен в «тунеядстве». В СССР человека не работающего, даже если он хочет работать или не хочет, имея деньги на жизнь, могут бросить за решетку за «тунеядство».

Условно могу сказать, что частично мои цели достигнуты. Власти вынуждены были освободить меня из тюрьмы — в общем русле либерализации.

Люди теперь преподают иврит — и их открыто не преследуют, хотя еще недавно учителям фабриковали уголовные дела. Достаточно открыто проходят еврейские праздники. Наметился сдвиг в эмиграции. Получают разрешение многолетние отказники, хотя всячески усложняется возможность подать заявление на выезд в Израиль «новичкам». Власти пытаются сгладить остроту проблемы, получив при этом внешнеполитические дивиденды.

Лично я считаю последние годы годами достижений. Дело, за которое я страдал, — важно, необходимо. Это дело для меня святое.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были

убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: Мое становление как еврея происходило в начале 70-х годов, когда аресты еврейских активистов были делом привычным, обыденным. Я не исключал возможности и своего ареста. Но не ожидал, что в начале 1977 года меня арестуют именно за «тунеядство». Моя конфронтация с режимом носила умеренный характер, сознательно не шел на резкие выступления, полагая, что основное — возрождение культурного наследия еврейского народа. Думал, что за это меня судить будет глупостью. В Москве издавались еврейские журналы, создавались ульпаны. Власти приходили в раздражение, но *уголовно* еще не преследовали. Ситуация резко изменилась к 1977 году. Лицемерно обвинили меня не в активности как еврея, а в том, что не работаю, т. е. не могу найти работу. Тунеядство предполагает извлечение нетрудовых доходов. Их у меня не было, я занимался общественно полезным трудом — преподавательской деятельностью. И мои ученики хотели быть честными свидетелями. Очевидно, что мой первый арест носил чисто политический характер: КГБ не занимается бытовыми делами.

Пробыл в ссылке, вернулся в Москву к жене и детям. Меня отказались прописать в собственной квартире, объяснив, что «тунеядцев в столице не прописывают». Я стал жаловаться, обещали разобраться. Скитался по разным домам. Тут начался процесс над Юрием Орловым. Я пошел туда вместе с товарищами. Меня снова арестовали, на сей раз за проживание без прописки — «нарушение паспортного режима». Получил три года ссылки. По возвращении продолжал деятельность, еще больше понимая необходимость распространения еврейской культуры как единственного способа предотвращения ассимиляции и деградации евреев.

Подготовил сборник «Наше наследие» — элементарное введение в еврейскую культуру.

Третий арест, в 1982 году, я предвидел. Время было тяжелое, проводилась жесткая политическая линия.

Многие прекращали деятельность. Меня несколько раз вызывали в прокуратуру, вели слежку. Неоднократно задерживали, обыскивали. Еще в ссылке на Колыме предупреждали об ответственности за письма в Израиль, за публикации.

На суде занял позицию «семидесятчика» (т. е. обвиненного по 70-й статье) — сказал, что занимался агитацией. Отстаивал право евреев на свою культуру в рамках закона, но подчеркнул, что целей свержения советской власти перед собой не ставил.

До последней минуты, до момента ареста не ожидал обвинения по 70-й статье. Знал, что редактору журнала «Евреи в СССР» Браиловскому инкриминировали статью 190 — 1 — «клевету на советский строй».

***Вопрос:** Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: Арест произошел 20 октября 1982 года. Ему предшествовал обыск, забрали всё: и личный архив, и огромное количество книг, учебники, магнитофонные пленки — уроки иврита. Обыск проводил некто Бурцев. Во время обыска хозяйку квартиры забрали для дачи показаний и продержали трое суток. Требовали от нее свидетельства против меня. После моего ареста по стране прошла целая волна обысков с целью ликвидации всего, что имело отношение к еврейской культуре.

В Саратове протокол одного из допросов на обыске выглядел так. Вопрос майора КГБ: «Какая у вас есть антисоветская литература?» Хозяин квартиры показал «Историю еврейского народа» Сезиля Рота. Там полстранички написано о Сталине. Майор с радостью забрал книгу, оформил протокол. В приговоре эти эпизоды упомянуты.

Обвинение мне сформулировали так: «Иосиф Бе-

гун в период с 1974 по 1982 год под видом распространения еврейской культуры распространял открытые письма, обращения, публикации антисоветского характера». Во время двух предыдущих арестов такого никогда не говорили.

Оказавшись в руках следствия, я очень быстро понял, что дело серьезное: всё идет сверху и задуман большой антиеврейский процесс. Гебисты во Владимирской тюрьме были простыми исполнителями высшей воли, не очень компетентными.

На одном из допросов начальник следственного отдела Плешков (через него «прошли» Анатолий Марченко, Владимир Осипов) даже не счел нужным скрывать своего антисемитизма, черносотенных взглядов: «Вот вы, евреи, заняли все места, везде лезете! Всех вас надо отправить в Биробиджан!»

Когда началось следствие, ко мне приезжал заместитель начальника областного КГБ. Он вел со мной душевительные беседы, прямо предлагал выступить с покаянием в обмен за свободу. После серии таких безуспешных сеансов гебисты озлобились. Я понял, в какое логово попал. Плешков предлагал вести себя на следствии «хорошо». Скрывать мне было нечего, я отвечал на их вопросы, пытаюсь убедить, что в деле отсутствует состав преступления. Считал, что молчание в их пользу. И продолжал заниматься еврейской деятельностью во время следствия.

Вину не признал. Был такой штрих — среди инкриминируемых документов находились материалы нееврейского характера. В целях самозащиты я публиковал письма против преследований, написал статью «Кто тунеядец?». В ней анализировался институт принудительного труда. Фигурировали статьи общего правозащитного толка, о прописке. На суде же я хотел предстать прежде всего как защитник дела еврейского народа. Поэтому посчитал разумным признать вину в части своей деятельности, не касающейся моих основных идей (например, заявление, процитированное в Белой книге АПН).

По еврейской проблематике я не допустил ни единого компромисса. И все-таки признаюсь: я проявил слабость. Написал, что «сожалею о некоторых сторонах своей деятельности». Я знал, что *тактику* выбрать необходимо. *Искренне* сожалел о том, что вместо полной отдачи себя еврейскому делу уделял внимание и другим, менее важным вопросам. Эти вопросы не слишком близки мне — не мое амплуа. Кроме того, скажу честно: знаю, что некоторые получают меньший срок.

На зоне нам давали читать газету «Аргументы и факты», где была статья обо мне и отрывок из показаний, в котором я выражал сожаление о своей деятельности. Полный текст не воспроизвели. Умолчали об обоснованной мною реальной позиции: «я прежде всего еврей, и мое дело — развитие своей культуры».

Для еврея допустимы компромиссы, когда они не касаются фундаментальных принципов (чтения Талмуда и Торы, обрезания и т. д.).

Вопрос: Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?

Ответ: О тактике в заключении. Сначала я год просидел во Владимирской тюрьме. Я сразу поставил себя как осужденный за еврейское дело. В тюрьме тоже необходимо оставаться евреем. В лагере носил кипу, привез со следствия молитвенник, Тору. Поначалу пользовался ими открыто. Многие неевреи проявляли интерес, просили обучать их ивриту. На Пасху получил мацу и роздал всем. Рассказал людям о сущности еврейской Пасхи. Запомнился такой эпизод. Накануне Дня независимости Израиля, в День памяти евреев, погибших от нацизма, я прочитал лекцию о Холокосте, о происхождении антисемитизма, о том, как было воссоздано еврейское государство, говорил и о роли Советской Армии. Мой товарищ — армянин рассказал об армянском геноциде 1915 года, о репрессиях, о мучениках. Удивительно, *в лагере есть свобода слова,*

хоть и недолгая. Через 2 дня меня бросили в карцер, а еще неделю спустя по решению «наблюдательной комиссии» приговорили к 6 месяцам ПКТ (помещение камерного типа) за сионистскую пропаганду. Стукач Олег Михайлов, осужденный по статье 64 — «измена Родине», донес: «организовал под видом чаепития сионистское сборище».

Конфликты с администрацией имел неоднократно. Сначала не отбирали книги, не требовали снять кипу. Создавали комфортные условия перед свиданием. Потом сработали психологически тонко: свидание отменили, за кипу отправили в карцер.

Линию поведения в лагере я выбрал умеренную ради того, чтобы выжить и продолжать борьбу. При умеренности тоже нужно оставаться человеком, и это возможно. Несмотря на репрессии администрации, дважды, в день смерти Юрия Галанскова, проводил голодовки.

Вопрос: Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?

Ответ: Самым трудным в зоне было осознать, что долгие годы лишен возможности пользоваться своей культурой. Отсутствовала практика в языке, полноценная еврейская жизнь. Часто конфисковывали письма, из-за границы не получил ни одного. Физически наиболее серьезно испытание карцером. В Эфиопии в дни катастрофы питание пострадавших ограничивалось 1300 ккал в день. На строгом режиме в лагере дают почти столько же, что квалифицировалось как пытка на Нюрнбергском процессе. Ежедневно унижали наше человеческое достоинство, постоянно следили за каждым шагом, читали личную переписку.

В зоне я работал на токарном станке, в ПКТ — изготавливал сетки из металла, которые попадали на частные огороды администрации.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую под-

писку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?

Ответ: Освобождение не было неожиданным. Я был уже не на зоне: «за сионистскую пропаганду» меня перевели в Чистопольскую тюрьму. Узнав об освобождении Натана Щаранского, еще больше воспрянул духом. Заключение всегда должен надеяться, без надежды — смерть. Кроме того, освободили «самолетчиков», Менделевича. Весь год я жил в ожидании и надежде. Ждал чуда. По газетам чувствовал перемены. В 1985 году меня в кровь избил Должиков, осужденный за шпионаж в пользу Китая. Я назвал его поступок «уголовным террором против политзаключенных». В итоге дело оформили как «обоюдную драку». Несколько человек объявили голодовку в знак протеста против террора в тюрьме. В апреле 1986 года меня неожиданно перевели в больницу. Но тут началась бомбардировка Ливана (мы знали о ней из газет), и 15 мая меня привезли обратно в тюрьму.

Упомяну деталь: евреев вместе в камеру не сажают, в отличие от русских, армян и других. После смерти Марка Морозова я начал голодовку с требованием поместить меня вместе с евреем Михаилом Ривкиным.

18 января 1987 года ко мне явился некто Овчаров — из прокуратуры, из отдела по надзору за КГБ. Он сказал, что меня готовы освободить, нужно только написать об отказе от противоправной деятельности. Я ответил, что таковой никогда не занимался. Прокурор настаивал. «Если вы дадите израильскую визу вместе с освобождением, то я согласен написать бумагу». Овчаров: «Я не решаю таких вопросов, но, думаю, вы уедете». Я ничего не подписал. Он уехал. Потом зачастил «в гости» местный гебист и стал меня убеждать написать подписку. Освобождения из зоны к тому времени уже начались.

Меня же неожиданно переводят на строгий режим (с целью не дать свидание). Тогда я окончательно по-

верил в освобождение. Начал голодовку, требуя подтверждения об освобождении Ривкина. Почувствовал, что гебисты занервничали. Я попросил и о своем освобождении.

Считал, что моя непреклонная позиция будет не на пользу делу. Ведь если началась демократизация, то и развитие еврейской культуры должно находиться в рамках перемен. Это был принципиальный подход, а не только тактический шаг с моей стороны. Написал, что «если в рамках перемен в СССР найдет решение вопрос о праве евреев на свой язык, культуру, репатриацию, то никаких причин заниматься противоправной деятельностью у меня не будет». Просил не рассматривать это как просьбу. Просто предварил свой текст словами: «Имею сообщить следующее *на ваше* решение о моем освобождении». 16 февраля немного исправил написанное, смягчил по просьбе властей.

Вопрос: Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?

Ответ: Русская поговорка гласит: «Кто в тюрьме не бывал, тот жизни не видал». Тюрьма помогла мне понять и жизнь, и общество, и человека в его взаимоотношениях с другими людьми. Годы тюрьмы не были совсем уж бесполезными. Находясь в заключении, я ни на минуту не забывал о своем назначении. Ведь факт моей неволи работал на нашу борьбу. Страдал не зря, и понимание этого давало мне волю, силы выжить. Я еще больше уверовал в свои идеи.

Убеждений своих не изменил. Просто появилась надежда, что еврейская проблема станет частью общего процесса, начавшегося в стране. Продолжаю деятельность по распространению еврейской культуры.

Вопрос: Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены

ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?

Ответ: Вряд ли происходящие перемены — только политический маневр правительства. Они отражают глубинную потребность общества, вызванную многими ошибками предыдущего развития. Советские люди не использовали свои потенциальные возможности, что необходимо для движения вперед. Нужен простор для накопившейся энергии. Сейчас — самое начало, еще должна произойти коренная трансформация государственных структур. Еще в 60-е годы Сахаров говорил, что в современном мире нельзя существовать, не воплотив лучшие моменты западных моделей.

Потребность назрела, но есть могущественные силы, которые будут тормозом на пути реализации этих потребностей. Да и нынешнее руководство, провозгласившее гласность и перестройку, не свободно полностью от психологического груза прошлого. Параллельный пример — Исход евреев из Египта, откуда они вынесли рабскую психологию. Здесь же — психология тоталитаризма. Не избежать поэтому возможности возврата к прошлому. Исторический пример подобного рецидива: реформы Хрущева были прерваны 20-летним застоем брежневского правления. Курс один — на большую свободу.

Как еврей и гражданин приветствую новые веяния. Мой долг — содействовать переменам, добиваясь для евреев их исконных национальных прав. Право еврея в любой стране — общаться с евреями во всем мире, иметь возможность репатриации в Израиль. Еврейская проблема должна решиться по моделям западных демократий или по крайней мере так, как в Румынии.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Налицо лишь начало изменений в правах человека: освободили часть политзаключенных, расширилась свобода в литературе и искусстве. Появилось лимитированное право реализовать личную инициативу.

Наблюдается сдвиг в духовной жизни, открываются неофициальные художественные выставки.

Начинать нужно с того, что наибольшим образом подавлено. И здесь первое — еврейское развитие. Евреи в СССР ущемлены, как ни одна другая национальность. Снимаются запреты с книг, фильмов, имен. Ну а евреям дайте хоть *азбуку*! Евреи не знают не только своего языка, книг, фильмов — *азбуки* не знают!

Пока нет еврейского музея, газет и журналов, открытых ульпанов, объединения преподавателей иврита. Даже нет открытой попытки это создать: считается сионистской пропагандой.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Хочу максимальным образом жить еврейской жизнью и содействовать такой возможности для других. Мечтаю уехать в Израиль.

Еврей должен быть свободен. Евреи лишались всех гражданских прав, но право быть евреем отнять нельзя.

* * *

В сентябре 1987 года, перед встречей в США Шеварднадзе и Шульца, И. Бегун получил разрешение на выезд в Израиль.

Живет в Иерусалиме. Учился в Еврейской теологической семинарии — высшем учебном заведении, готовящем раввинов и преподавателей иудаизма.

Издавал журнал «Йерушалаим». Цель журнала — донести еврейскую культуру до репатриантов из России. Занимается издательской деятельностью.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: После августовского путча 1991 года многие полагали, что демократия восторжествует в России: исчезла цензура, стал формироваться свободный ры-

нок западного образца. Казалось, что происходило осуществление мечты...

Теперь же каждого, кто посещает Россию, не может не удручать, что демократия здесь переживает тяжелые времена. Коммунисты не вернулись к власти, и, казалось бы, народ должен активно взяться за демократические преобразования. Ведь в России есть все для этого — мощь, человеческий потенциал, экономические ресурсы. Раньше, при советской власти, для демократических реформ не хватало одного — свободы.

Сегодня свобода есть, а вот демократии все равно нет. Россия стала нищей, люди недовольны, многие едва сводят концы с концами. Разорился средний класс — после августовского обвала 1998 года. Россию, победительницу Германии во второй мировой войне, никак сейчас с Германией не сравнить — она теперь кормит Россию. И коммунисты играют сейчас на разочаровании, которым охвачены люди. Это русская трагедия. Страна пошла по новому пути и пришла к плачевному результату, хотя я очень надеюсь, что России удастся выкарабкаться из этого кризиса и встать в один ряд с цивилизованными странами, где люди имеют нормальный уровень жизни.

Россия сбросила с себя ярмо тоталитаризма, но оказалась не способной воспользоваться плодами свободы. Общество не созрело для свободы. Начались воровство, коррупция, криминализация, сращение преступности с властью.

Но я не хочу быть пессимистом, потому что очень люблю Россию.

В Израиле многие удивляются — ведь я там, в России, достаточно пострадал. Я всегда отвечаю, что трудно не любить Россию, ведь она, несмотря на рабскую историю, так много дала миру в культуре, литературе, науке.

Ситуацию в России можно сравнить с Исходом евреев из Египта. Бывшие рабы на пути к свободе. Они тоскуют о сытых временах в египетском рабстве, когда их кормили как рабочий скот.

Конечно, люди живут сейчас голоднее, чем при коммунистах. Раньше у всех был гарантированный заработок. Но, к счастью, процесс обнищания остановился.

Мне бы хотелось сказать и о евреях. Много евреев уехало, но много и осталось. Чем больше нас уезжает, тем больше нас остается, шутят русские евреи: Раньше ведь многие скрывали свое еврейское происхождение, а теперь быть евреем в России — чуть ли не привилегия.

Сейчас проблема уже у Сахнута: русские — не евреи — заполнили Израиль, а еврейская жизнь в России расцвела, строятся новые синагоги. Это заслуга нынешней власти. Когда евреев не ограничивают, они выходят на передовые позиции в политической и экономической жизни, и еврейский вопрос в России становится подобным тому, как обстоит дело в других европейских странах. Ведь бизнес в Европе и Америке во многом принадлежит евреям. Но в условиях подлинной демократии никому в голову не придет играть на этом политически. На этом играл Гитлер. Печально, что коммунисты в России пытаются тоже на этом сыграть, ведь русские люди так пострадали от фашизма. Надеюсь, что у фашизма в России нет будущего.

БЕСЕДА С ЛАРИСОЙ БОГОРАЗ

*Богораз Лариса Иосифовна,
род. 1928 г., кандидат наук, филолог.
Арестована в 1968 г.,
осуждена на 4 года ссылки.
Статьи 190 — 1 и 190 — 3.
Участие в демонстрации протеста
на Красной площади против оккупации
Чехословакии.
Освобождена в ноябре 1971 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: 12 сентября 1965 года в московском аэропорту был арестован мой первый муж — Юлий Даниэль. Он обвинялся в публикации на Западе литературных произведений, подписанных псевдонимом Аржак. Этот арест и послужил толчком для моей общественной активности, которая в определенном смысле была обусловлена личными причинами — стремлением вступить, защитить мужа. Но это не вполне точное, а лишь частичное объяснение. Вот почему. Защищать можно по-разному. Можно, например, просить о помиловании человека, встать на колени. Такой путь реально бывает действенным. Можно и по-другому: добиваться ликвидации общественных пороков, критиковать общую практику политических арестов и систему наказаний. И таковой может быть защита мужа, но практических результатов она не дает. Я пошла по последнему пути. Еще один личный мотив: мой старший сын, которому тогда было 14 лет. Я полагала, что для формирования его личности необходим пример сопротивления злу.

Своей целью я считала реализацию принципа гласности, осуществление его в индивидуальном порядке. Была убеждена, что политические репрессии в обществе возможны только при отсутствии гласности. Отсутствие гласности — значительно большее зло, чем сами репрессии.

В лагерях находилось немало людей, осужденных за политическую активность. Важно было, чтобы об этих людях узнали, это необходимо для нашего общества. Главную роль в решении этой задачи сыграла интеллигенция, которая всегда стремилась к расширению знаний и обмену информацией.

В результате усилий многих людей, в том числе и

пожертвовавших собственной свободой, проблема политических репрессий стала тем, чем должна быть, — общественной проблемой, а не замкнутым горем отдельной семьи.

В этом аспекте цель моя и моих единомышленников достигнута, цель прежде всего нравственная, а не политическая. Политической цели я перед собой и не ставила.

Условия в стране не располагали к тому, чтобы решать острые проблемы здоровыми средствами. Предпочтение отдавали подпольным методам (но не нелегальным!), информацию распространяли кустарным путем, передавали в западную «медию», и уже опосредованно, через мировое общественное мнение, она возвращалась в страну по радио на внутреннюю аудиторию.

Такие методы обладали недостатками: информация охватывала довольно узкие слои населения, прежде всего интеллигенцию. Однако положительный эффект был налицо: формировалось соответствие между общественным мнением на Западе и неофициальным общественным мнением внутри страны.

Действовала ли я против системы? Еще раз замечу: наше нравственное (не политическое) сопротивление злу следует назвать скорее кустарным, чем подпольным. Самиздат тоже почти весь подписывался настоящими именами авторов. Наши выступления носили открытый характер, закрыты были, в связи с ситуацией в стране, лишь средства реализации. Основой для нас служил принцип гласности. Теперь отвечаю на вопрос: боролись ли мы с системой? Если отсутствие гласности и закрытость являются имманентными свойствами нашей системы, то мы выступали против нее.

Движение, начавшееся в 60-е годы, с крутыми поворотами, продолжается до сих пор. Его называют «диссидентское», «правозащитное», «за гражданские права». Значительно реже употребляется формулировка «движение нравственного сопротивления». Но начиналось и развивалось в 60 — 70-е годы оно именно как нравственное сопротивление, принципиально игнори-

рующее политические задачи и следствия. Сейчас условия изменились и стоит подумать о других формах борьбы. Отсутствие политических целей нашей деятельности объясняется объективной ситуацией. Политическая жизнь в стране не зависела от граждан, которые не могли направленно влиять на политику. Наше движение обращалось не к общественной, а к личной ответственности граждан за происходящее.

В 1968 году я со своими товарищами вышла на демонстрацию на Красную площадь. Наши лозунги «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Позор оккупантам!» имели чисто нравственное содержание. Кто-то ведь должен был сказать правду открыто. Тогда в стране нашлось 7 человек. Но они нашлись и дали толчок другим. Никто из нас и не имел в виду, что лозунги что-либо изменят. Было бы безумием так полагать. Несмотря на подавление и аресты, климат в стране стал меняться. Уже в январе 1968 года в защиту Александра Гинзбурга и других поставили свои подписи более тысячи советских людей.

Движение нравственное постепенно переросло в политически осознанное сопротивление. Частично осуществлялась важнейшая цель — распространение информации. Ведь до 1968 года встречи советских граждан с западными корреспондентами носили только частный характер, были подпольными и нередко жестоко пресекались властями.

В январе 1968 года проходил суд на Гинзбургом, Галансковым (впоследствии замученным и погибшим в лагерях), Дашковой, Добровольским. Литвинов (внук первого советского министра иностранных дел) и я написали обращение к мировой общественности в их защиту и открыто, на глазах у властей, передали его западным корреспондентам. Январь 1968 года: дата первых открытых контактов с западными журналистами. Так начиналось наше дело...

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были

убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: На арест шла сознательно, но одновременно и рассчитывала степень риска. Иногда складывались ситуации, когда арест казался весьма вероятным, но не останавливалась, шла дальше грани риска. Деятельность свою считала важнее нежелательных последствий. Перед выходом на демонстрацию на Красную площадь в 1968 году была уверена в том, что меня арестуют. Удивилась бы, если бы этого не произошло. Но власти не захотели меня удивлять. Тогда правительство не считалось с юридическими нормами. Больше того, предпринимались попытки искусственно приспособить законодательство к репрессиям. В 1966 году в Уголовный кодекс введена «брежневская» статья 190 — 1 (клевета на советский строй). Почему? Арестовали за литературную деятельность Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Суд не мог доказать их субъективный умысел — «подорвать и ослабить советскую власть». Вот тут-то и пригодилась бы 190 — 1, предусматривающая ответственность *независимо* от целей деятельности. (Статья 70 — «антисоветская пропаганда» — включает обязательно и цель подрыва.) Позже появилась «андроповская» статья 188 — 3, вводившая произвол и беззаконие в рамках закона: заключенных могли приговаривать к новым лагерным срокам в самом лагере — за «неповиновение требованиям администрации». Случаи подобных манипуляций с законами весьма наглядны. Приведу пример Анатолия Марченко (моего второго мужа, замученного в тюрьме). В 1968 году Анатолий Тихонович был арестован за книгу «Мои показания» (рассказывающую об ужасах лагерей), за письмо о предстоящей оккупации Чехословакии (написано за месяц до ввода советских войск), за выступления на лагерную тему. Но ему сказали, что судить за книгу не будут, и обвинили в нарушении паспортного режима. «Надеетесь стать героем? Не выйдет. Будете уголовником», — твердили ему. И вот после смерти Марченко в тюрьме, уже в «горбачевское» время, весной 1987 года в га-

зете «Труд» опубликована статья, где мой муж обвинен вновь «посмертно» в драке, в измене Родине, в защите фашизма и «ряде других еще более тяжких преступлений». Нужно ли комментировать юридическую систему?

Я начала говорить о муже... Анатолий Марченко в большей степени заслуживает быть героем этого рассказа. И поэтому на правах близкого человека рассказу и его историю вместе со своей.

Анатолия арестовывали шесть раз. Аресты не были для него неожиданными, а всегда — неизбежной реальностью. Кроме первого ареста, когда он оказался в лагере в 18 лет. Его потрясло увиденное. Бесчеловечные условия подтолкнули к попытке перейти границу. Потом он начал писать.

Его судьба предопределялась характером, нестандартностью личности, в которой изначально был заложен нонконформизм. Вместе с тем он до конца жизни сохранял иллюзии. Хотел получить интересную специальность — бурового мастера — и получил. Если теоретически исключить существующий в стране режим, то он знал, как хотел жить: иметь свой дом, хозяйство, семью, читать книги. И каждый раз после очередного выхода из заключения он мечтал осуществить этот свой идеал.

В 1974 году Марченко отказался от советского гражданства и выступил с требованием права на эмиграцию по политическим мотивам. Отказ от гражданства был, скорее, уступкой желанию семьи, чем его собственной позицией. Нас пытались заставить выехать из страны. Мы решили: если так, то только как политические эмигранты. Я не могла подписать лицемерное прошение «о воссоединении семьи», чего требовали власти. Заявление Марченко было демонстративным, заведомым отказом выехать. Политической эмиграции в СССР нет. Я это знала, и минутная слабость сменилась твердым внутренним чувством: не могу не быть похороненной в России. Иначе звучали для меня слова Пушкина: «...но все же к ближнему пределу...» Я не хотела уезжать, как не хотел уезжать и муж.

В 1980 году его вызвали в КГБ и вновь предложили эмигрировать, сказав, что иначе он получит 10 лет лагерей. Он ответил: «Мне все нравится в моей стране, все, кроме вас. Вот вы и уезжайте». Находясь в лагере, во время свидания со мной уже в 1984 году, он остался верен себе: «Уезжай с сыном, я останусь». Я получила от него письмо, датированное 28 ноября 1986 года, т. е. он написал его за 10 дней до смерти в Чистопольской политической тюрьме. Из письма *не следовало*, что он хочет эмигрировать (вопреки распушенным слухам). Наоборот: он просил прислать деньги и продукты (в тот момент он, видимо, снял свою последнюю в жизни, трагическую голодовку), просил подписать его на газеты и журналы. Собирался жить дальше на Родине...

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: Как я уже сказала, ареста ожидала. Отнеслась к этому серьезному в жизни событию с большим интересом. Много слышала о том, как все происходит, что чувствуют люди, но сама прежде этого не испытывала. Обвинение участникам демонстрации на Красной площади против оккупации Чехословакии было предъявлено по двум статьям: 190 — 1 и 190 — 3, т. е. клевета на советский строй плюс нарушение движения общественного транспорта. Замечу: по Красной площади транспорт вообще не ходит, кроме дней парадов военной техники.

Все мои товарищи хорошо и достойно держались и во время следствия, и на суде. Их имена: Павел Литвинов, Константин Бабицкий, Владимир Дремлюга, Вадим Делоне, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг (двух последних отправили в психиатрическую больницу).

Судья начала процесс доброжелательным тоном, но вскоре пришла в бешенство. Все обвиняемые говорили твердо и аргументированно. Суд не находил возражений, и судье приходилось вершить не правосудие, но произвол.

Запомнилась деталь ареста. Всех нас посадили в три легковые машины. Подъехали к кругу у памятника Дзержинскому (напротив здания КГБ и универмага «Детский мир»), затем направились к Большому театру. Загорелся красный сигнал светофора. Дремлюга резко открыл дверь, выскочил из машины и закричал: «Позор оккупантам!» Мы все его поддержали. Загорелся зеленый свет. Машины тронулись, тогда мы открыли окна, чтобы люди могли видеть и слышать нас. Этот эпизод никогда в дальнейшем не фигурировал в обвинениях.

Почему мы пошли на демонстрацию? Нельзя было не выступить, высказаться стало необходимо. Иначе мы бы тоже оказались косвенными участниками преступления. О нашем поступке узнали люди. Находились одиночки, сделавшие тогда больше нас, но о них не знали. Их встречали уже позже, на этапах и в лагерях. Тогда выступить в одиночку и без огласки требовало значительного мужества. Ведь при отсутствии гласности в те времена за подобные действия могли просто уничтожить. О нас узнали... И это имело общественное значение. В учреждениях, на заводах и фабриках шли официальные собрания, где с трибун одобрялась линия партии в Чехословакии. Мне известна женщина, которая отказалась идти на такое собрание. Ее заставили. Она пришла и выступила против оккупации. Это было невероятно трудно, невероятно мужественно. Ведь половина присутствующих разделяла ее мнение, но молчала.

Хочу сказать в связи с поставленными вопросами о последнем суде над Марченко в 1981 году. Его судили за книги, но обвинили не в том, *что* он написал. Судья заявил: «Поскольку книги Марченко слишком антисоветские, то разбираться их содержание не будет». В

обвинении фигурировали книги «От Тарусы до Чуны», «Третье — дано», записи в личном дневнике, воспоминания, открытое письмо в защиту академика Андрея Сахарова.

Вину свою Марченко не признал. Он сказал: «Да, признаю, что указанные книги написал я, но считаю, что судить за них неправильно». Сам Марченко и его друзья, кстати, допускали возможность и внесудебной расправы над ним. Друзья призывали Анатолия скрыться, уйти в подполье. Он твердо отказался: «Тогда книги объявят фальшивкой и некому будет ее защищать».

Вопрос: Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?

Ответ: Я получила четыре года ссылки. (Для западного человека необычное наказание. Представляете себе, например, ссылку из Парижа в Марсель, из Вашингтона — в Нью-Йорк? — *В. П.*) Отбывала ссылку в Иркутской области, в поселке Чуна. Выполняла тяжелую физическую работу. Население, несмотря на обработку со стороны «компетентных органов», относилось ко мне очень хорошо, по-доброму. Испытывала необычное ощущение, недоумение: «Почему я здесь?» Ведь при других жизненных обстоятельствах никогда бы не увидела этих замечательных по красоте мест.

Тактики поведения у меня никакой не было. Были принципы, такие же, как и в отношениях с сокамерницей во время следствия. Меня не интересовало, работает она на *них* или нет. Скрывать мне было нечего, а имена друзей я не называла. Главный принцип — сохранять верность собственному характеру. Что касается уступок. В ссылке сложилась ситуация, когда я пошла на прямую договоренность с КГБ. Дело было так. Домик, в котором я жила, посещали местные жители. Одному из знакомых я как-то сказала: «Могла бы написать просьбу о помиловании, если за это из психбольницы выпустят Горбаневскую, Файнберга и Григоренко». Сработало. Через некоторое время точ-

но такое же предложение мне сделало КГБ, пообещав выпустить двоих, кроме Файнберга. Мне предложили сделку. Я написала просьбу о помиловании: «Поскольку моя активность диктовалась обстоятельствами, то, если впредь подобных обстоятельств не будет, не будет и активности». Просили написать текст на имя Юрия Андропова. За месяц до окончания срока ссылки мне сообщили, что «принято положительное решение» — я свободна.

На мою жизнь выпало 4 года ссылки, на жизнь Марченко — многие годы лагерей и тюрем. То, что я сейчас говорю о нем, известно мне от него самого и не противоречит свидетельствам его товарищей.

У него был принцип, присущий натуре, — не конфликтовать по пустякам, по непринципиальным поводам. И наоборот, проявлять твердость в вопросах совести. В 1982 году несколько заключенных объявили голодовку в лагере по незначительному поводу, поставив в своем обращении имя Марченко. Его не спросили. Анатолий Тихонович был возмущен, но от участия в голодовке не отказался. Сказал только, что делает это в подобной ситуации в последний раз. Марченко обычно, как мне известно, принимал участие в «традиционных» лагерных голодовках. Но его собственная голодовка была одна — последняя. Он выдвинул требование: освобождение всех политзаключенных. Начал голодовку 4 августа 1986 года, закончил не ранее 26 — 28 ноября. Официальная причина смерти: отек легких, острое нарушение сердечно-легочной деятельности. Но болен он не был, на сердце никогда не жаловался.

Полуофициально мне сообщили: нарушилось мозговое кровообращение в области жизненно важных функций. Геннадий Герасимов (начальник отдела информации МВД СССР) сказал, что причиной смерти явился инсульт. Приведенные версии не противоречат друг другу. Однако уверенного и исчерпывающего ответа от врачей я не получила. Материалы вскрытия мне не показали. Версию об инсульте я связываю с тем, что в декабре 1983 года Марченко был зверски избит. Поте-

рял сознание на долгое время. Впоследствии чувствовал постоянные головные боли и головокружения. После длительной голодовки ему вводили глюкозу. Специалистам по лечебному голоданию (в комфортных домашних условиях, а не в холодной сырой камере) хорошо известно, что введение глюкозы может вызвать тромбофлебит. Марченко делали инъекции глюкозы и витаминов в конце ноября — об этом мне рассказал тюремный врач. Они хотели *быстро* поставить его на ноги. По-видимому, уже дали такое обещание «наверху». Ведь все происходило перед самым «помилованием» политзаключенных — власти спешили. Если действительно так, если Марченко действительно так ставили на ноги (по команде «быстрее»), то врач — Альмеев — должен понимать, что совершил убийство. Именно так оценил смерть Анатолия академик Сахаров в телефонном разговоре с Михаилом Горбачевым. Сахаров был первым освобожденным узником совести (декабрь 1986 года), рождественским подарком миру от советских властей.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Во время следствия я 3 месяца находилась в так называемом предварительном заключении. Наиболее травмирующим обстоятельством для меня была изоляция от внешнего мира, полное отсутствие известий из дома.

Ничего не знала о судьбе своего 17-летнего сына. Конечно, могла бы попросить следователя дать о нем информацию, но это значило пойти на уступку, поддаться давлению. Все три месяца находилась в камере с одной женщиной, день и ночь. В ссылке работала такелажницей, т. е. грузчиком. Для сорокалетней женщины такая работа достаточно тяжела, но она имела и привлекательные стороны. Я могла общаться: рабочие, простые люди прекрасно ко мне относились. Характерно, что никто из интеллигенции маленького поселка даже ни разу не сделал попытки со мной познакомиться.

Рабочие же часто навещали, заходили в гости. Помню, пришли двое и рассказали о лекции про декабристов, услышанной в деревенском клубе. «Когда-нибудь и про тебя так будут рассказывать» — они знали, что я была в политической ссылке.

Для моего мужа — Анатолия Марченко самым трудным в лагере было нарушение связи с семьей, отсутствие переписки, свиданий со мной и сыном. На физические лишения он никогда не жаловался. Самое страшное, однако, холод в карцере — практически пытка.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Я уже говорила об этом. 11 ноября 1971 года, за месяц до конца срока, меня помиловали. Интересно, однако, что в официальной справке об освобождении написано: «...освобождена из зала суда...» (Условие моего помилования — освобождение Горбаневской — было выполнено независимо.)

Марченко умер, не дождавшись освобождения. Еще в феврале 1986 года я написала письмо Михаилу Горбачеву, в котором обсуждала необходимость прекращения политических репрессий. Предлагала: пусть освобождение Марченко станет началом гуманного процесса. Никакого ответа не получила. Через некоторое время вновь отправила ему то же самое письмо, но с добавлением. Спрашивала: не возражает ли генсек против опубликования мною письма? В ноябре 1987 года получила *устный* ответ, конечно же, не от Горбачева. Меня пригласили в Октябрьский райком партии в Москве и заявили, как сказано было, по поручению ЦК КПСС: «Вы обращаетесь не по адресу, так как не являетесь членом компартии. Советуем обратиться в прокуратуру». — «Не вижу смысла», — ответила я. «Тогда просите помилования для мужа», — посоветовали в райкоме.

Через несколько дней я обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с текстом: «Прошу помиловать моего мужа» — и всё. В ответе Президиума от 23 января 1987 года, т. е. спустя полтора месяца после смерти Анатолия, было сказано коротко: «Ваше ходатайство отклонено».

21 ноября 1986 года мне позвонили по телефону: «Предлагаем вам написать заявление от своего имени и от имени мужа с просьбой о выезде вашей семьи в Израиль. Поедете, естественно, куда захотите. Старший сын тоже может написать заявление, но отдельно от вашего». Я спросила: «Как здоровье моего мужа после четырехмесячной голодовки?» — «Его здоровье превосходное!» — ответил чекист. Я попросила специально узнать о состоянии здоровья Марченко. Ответ: «О голодовке ничего не знаю, но даже если узнаю, то ничего не скажу». Тогда я готова была написать заявление о выезде в любую минуту, но решила, что прежде должна увидеть Анатолия и узнать его мнение. Не видела его три года. Мне сказали: «Это невозможно» — и потребовали срочно написать заявление о выезде. Я отказалась это сделать, не посоветовавшись с мужем. Задумалась: а вдруг он против? Тогда мне предложили: «Напишите заявление в КГБ с просьбой предоставить свидание с мужем для обсуждения вопроса об эмиграции. Но мы ничего не гарантируем». Я написала заявление, но так, чтобы ни одна строчка не могла быть оторвана от другой — вырвана из контекста. Ответа на мое заявление не последовало.

Только в этот момент я почувствовала: что-то произошло. 5 декабря 1986 года получила внеочередное (сроки отправки писем из тюрьмы строго регламентировались) письмо от Толи, датированное 28 ноября. Даже не письмо, а короткую записку. Я поняла: голодовку он снял. Просил прислать продукты на медицинскую часть тюрьмы (посылки вообще запрещены). Страшно обрадовалась: казалось, самое ужасное позади. Подумала: если просит продукты и подписку на прессу, значит, наверное, эмигрировать *не хочет*. По-

лучила весточку и успокоилась. Приготовила ему посылку, собралась на почту, чтобы ее отправить, и вдруг — звонок в дверь. Телеграмма: «Марченко умер 8 декабря 1986 года». Я поняла, почему ходатайство о помиловании и на эмиграцию просили писать меня: предполагаю, что Марченко сам писать отказался.

***Вопрос:** Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Общая оценка времени, проведенного мною в заключении и ссылке, — положительная. Для меня это были контроль и проверка собственных сил. Убедилась, что способна перенести изоляцию, одиночество, тяжелую работу. Не для всех бывает так. Многие не выдерживали одиночества. Мне было легче: в ссылке поддерживали. Вряд ли могу сказать, что познала новые стороны жизни. Я и раньше тяжело работала и общалась с людьми из самых разных слоев общества. После ссылки познакомилась со многими правозащитниками. Уже не испытывала нужды потом в одиночку лично сильно активничать. Но когда представлялся случай высказаться индивидуально, я это делала. Но реже, чем до ссылки: родился второй ребенок, сын Марченко — Павел.

За последние 20 лет мои убеждения не оставались неизменными, но не в связи со ссылкой. Взгляды менялись постепенно и неоднонаправленно. Ужесточилась ситуация в стране: аресты, репрессии, преследования. И моя позиция из либеральной эволюционировала в более резкую. Смягчение в последнее время (хотя это еще большой вопрос), по крайней мере готовность властей к смягчению вызывает и смягчение моих позиций. На мои взгляды, конечно же, повлияли события личной жизни (19 обысков за время совместной жизни с Марченко), бытовые детали: запреты, препятствия. Резкую реакцию в первую очередь вызвали репрессии против друзей, политика в Афганиста-

не. Я и сейчас готова гласно и публично высказывать свое мнение. Каким-то образом буду участвовать в общественной жизни. Подала заявление с просьбой сообщить конкретно причину смерти мужа, но не получила ответа. Пыталась возбудить расследование о его избиении в лагере, но мне отказали: «Нарушений закона не установлено», несмотря на свидетельства очевидцев.

О том, что думает Марченко, я узнавала из его писем последнего года. До этого наша корреспонденция конфисковывалась. Писал он интересно, насыщенно. Делился впечатлениями о прочитанном, много шутил, ни на что не жаловался. Продолжал сохранять положение главы дома, благодаря его советам мне легче было решать семейные проблемы.

Взгляды его не изменялись, они оставались достаточно широкими и гибкими. Он был чуток к зачаткам перемен в стране, о которых узнавал из газет. Иногда просил меня даже купить номер журнала «Коммунист». Просил сохранять статьи, чтобы прочесть их после освобождения, которое, по-видимому, предполагал. Он всегда лучше других ориентировался в ситуации, и его голодовка была своевременной. (С 12 сентября до 28 ноября, т. е. до снятия голодовки, ему насильственно вводили питание.)

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Мне хочется надеяться, что «гласность» и «перестройка» не пустые слова, что за ними последуют действительные изменения. Некоторые явления мою надежду подкрепляют, другие — заставляют глубоко сомневаться. Думаю, что мгновенного перехода от закрытого общества (где гласность не просто отсутствует, а преследуется) к открытому быть не может. Но мне кажется, что в этом направлении проделан значительный путь. Когда я говорю о гласности, то имею в виду

не только опубликование запрещенных ранее книг (Булгакова, Платонова, Набокова, Гумилева, Трифонова, Рыбакова, Гранина и других), но главное — интересные публицистические выступления Шмелева, Стреляного, Яковлева и других. Удивительно. За такие выступления еще вчера бросали в тюрьмы. Такие статьи не могли, к сожалению, появиться и в самиздате, столь серьезной информации у диссидентов не было, да и быть не могло.

Это о гласности. Если же говорить не только о «словесности», но и о перестройке, о действиях, то продвижение здесь не только медленнее, хуже того — половинчатое. Половинчатое, на мой взгляд, значит — никакое. Половинчатость в экономике, например разрешенные индивидуальной трудовой деятельности с громадными ограничениями. Иногда имеет место не просто половинчатость, но лишь «действие на словах». Лучше мне знакома правовая область. Здесь есть достижения. Освобождена часть политзаключенных (хотя большинство еще в заключении — по статье 190 — 1). Было разрешено поехать на лечение на Запад моей родственнице Асе Великановой (состояние ее было уже настолько тяжело, что она, вскоре вернувшись в Москву, умерла). Ася — сестра Татьяны Великановой, до сих пор находящейся в ссылке после лагеря. Родители Павла Литвинова получили возможность навестить сына в США. Но каждый такой случай так обставлен властями, так реализован, что ценность его сводится к нулю. При освобождении от политзаключенных требовали подписки о «раскаянии» или «прекращении деятельности». Нелепо и глупо, лицемерно. Подобными подписками власти, наверное, хотят прикрыть собственные нарушения, уйти от ответа по закону. Такое положение заставляет многих покинуть Родину, которую они раньше не собирались оставлять. Бумага оказывается важнее сути — живет прежняя структура. Постановление об амнистии (недавно опубликованное) написано темно и туманно и поощряет продолжение произвола администрации тюрем и лагерей. Мой оптимизм, которого не было при Хрущеве, зиждется на

одном. Сейчас — *последняя* надежда этой стране *быть*. Такое ощущение испытывают многие. Необходимы *коренные* перемены. Мы же пока находимся в точке неустойчивого равновесия. Говорят одно — делают другое.

Еще об освобождении политзаключенных. Ничтожный и непоследовательный процесс. Большая раком Ася Великанова получила разрешение слишком поздно, так же как и жена профессора Наума Меймана — Инна Китросская, которая скончалась сразу после прибытия на лечение в США.

Разве полученные ими разрешения — акты гуманности? Нет, скорее — преступления и убийства. Ничего другого пока делать не умеют, не научились. Поездка Литвиновых к сыну после их обращения к Эдуарду Шеварднадзе — не правило, а исключение.

Считать ли ничтожность перемен фальшью руководства? Мне это не интересно. Мне не интересно, почему Горбачев принимает хорошие решения и почему они плохо выполняются. Какая мне разница (или миллионам замученных в лагерях), чего хотел Сталин.

Хочу ли я принять участие в гласности? — Да! Но в процессе *реализации* идей гласности. Эти идеи были моим идеалом начиная с 60-х годов. Рада, что смогу теперь отстаивать свои идеалы без риска. А если не удастся без риска, то — с риском! Конкретные планы пока еще обдумываю. Торопливость в осуществлении мечты неуместна. Считаю неправильным не изменить линию поведения в новых условиях, сохраняя, естественно, те же убеждения. Повысилась степень ответственности.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Ответить исчерпывающе трудно. Скажу о нерешенных проблемах в области прав человека. Не решена проблема открытости общества, свободы контактов с миром. В частности, нет свободных поездок за границу и обратно. На эту тему почти не говорят, нет гласной и честной дискуссии. Я не вижу объек-

тивных препятствий для решения такого наиважнейшего вопроса. Человек должен иметь право беспрепятственно покинуть свою страну, и неважно, насовсем или временно, независимо от национальности, наличия или отсутствия родственников.

До сих пор не решен вопрос о возвращении на родину крымских татар, они продолжают подвергаться геноциду и не восстановлены в правах, которых их лишил Сталин.

Есть еще один вопрос. Решения его я не знаю, но он очень важный и угрожающий — национальный вопрос. Культурная и хозяйственная автономия республик существует на фоне национализма. Если сейчас не решить этот вопрос, он может стать для страны роковым. Всплески волнений мы уже наблюдаем: выступления в Прибалтике, протесты крымских татар, евреев, немцев и др. Но первоочередной и неотложной осталась проблема освобождения политзаключенных.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Общественные планы обдумываю, конкретно не могу ответить. Житейские — вырастить и воспитать младшего сына, которому 14 лет. При моих обстоятельствах — совсем непростая задача.

* * *

С 1989 г. Л. И. Богораз — Член Московской Хельсинкской группы.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Конечно, десять лет назад настроение у меня было более оптимистичное, чем сейчас, но, несмотря на все издержки, я не потеряла надежду на то, что страна будет жить лучше.

Движение вперед замедляется, поскольку многие слои общества, например интеллигенция, трудящие-

ся, правозащитники, еще не нашли свое место в новой ситуации. Но я надеюсь, что найдутся люди, которые будут честно и ответственно работать на благо страны. Сегодня я мало вижу таких людей, однако испытываю симпатию к тем, кто принял на себя первые удары после смены системы, например Гайдар и Чубайс. Они знали, на что шли, и не отказались от ответственности за свои действия. Власть и ответственность — вещи связанные.

В 1996 году я голосовала против всех, поскольку выдвигались люди, которые хотели только власти и не желали нести ответственности.

Сегодня меня больше всего огорчает нестабильность жизни, в том числе политическая нестабильность в обществе.

Сегодняшняя власть — временная. Что касается предстоящих выборов, то я в недоумении. Не знаю, за кого голосовать. Ни за одного не хочется. Я не приемлю принцип выбора из двух зол. Скажем, столичный мэр Юрий Лужков. Хороший завхоз, и это очень важно, но недостаточно, чтобы возглавить страну. Не вижу я пока и кандидата, за которого хотелось бы проголосовать, и от команды президента.

Григорий Явлинский представляется мне ненадежным, по-моему, он приспособливается к конъюнктуре. Властную конъюнктуру он не принимает, а вот общественную держит в уме.

У меня вызывает отвращение «война компроматов», которая разворачивается в печати и по телевидению в преддверии выборов. Если в начале перестройки СМИ сыграли положительную роль, то сейчас они в основном занимаются бесстыдной манипуляцией, не имеющей ничего общего со свободой слова.

Я просто чувствую себя марионеткой. Во время президентских выборов 1996 года речь шла не о качествах Ельцина или Зюганова. СМИ просто «заставляли» людей голосовать за Ельцина. Это было непереносимо.

Сейчас складывается похожая ситуация. Нас лишают выбора, ведь без выбора можно оставить разными пу-

тями. Не только тем, что имеется один кандидат, как было в советские времена, но и тем, что при наличии нескольких кандидатов тобой манипулируют.

Меня вводит в мрачное состояние то обстоятельство, что никто во власти не ведет себя с достоинством. Когда Ельцин на всю страну указывает своим чиновникам, кому куда сесть, и пересаживает их, — помните случай с Сергеем Степашиным? — то это просто унижительно. И никто из присутствующих не ушел и не хлопнул дверью. Это свидетельствует о потере этими людьми чувства собственного достоинства, они ведут себя как холопы. Я не буду голосовать за холопов. Личные качества людей во власти не слишком изменились по сравнению с советскими временами, но вместе с тем люди во власти — это зеркальное отражение всего общества. Я бы пожелала и обществу, и людям во власти не быть рабами, обрести такое достоинство, которое позволило бы человеку хлопнуть дверью, даже если это дверь кабинета президента России, который хамит.

За последние годы общество в целом изменилось к лучшему. Появилось много энергичных, деятельных, ценящих свободу людей, которые никогда эту свободу не отдадут. Многие, правда, не хотят ее иметь, не знают, что такое быть свободным.

Я замечаю парадокс: в целом условия жизни по сравнению с тем, что было в СССР, изменились к худшему, а люди многие — к лучшему. При советской системе у людей было больше уверенности в бытовом и экономическом смысле, но это была уверенность зэка в лагере. Что бы ни случилось — он получит свою пайку. Сейчас, и это обнадеживает, сделали выбор между свободой и колбасой в пользу свободы.

БЕСЕДА С ЛЕОНИДОМ БОРОДИНЫМ

*Бородин Леонид Иванович,
род. 14.04.1938 г., писатель.
Арестован 13.05.1982 г., осужден на 10 лет
особого режима плюс 5 лет ссылки.
Статья 70, часть 2.
Публикация книг на Западе, издание «Москов-
ского сборника», написание статей.
Ранее: 1956 г. — кратковременный арест по
политическим мотивам.
1967 — 1973 гг. — статьи 70, 72.
Участие во Всероссийском социал-христианс-
ком союзе освобождения народа.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Все началось в 1956 году, с событий после XX съезда партии. Эти события застали меня сознательным, идейным комсомольцем, убежденным в правильности всего того, что ранее происходило в стране. И вся новая информация о Сталине буквально обрушилась на меня, привела в полном смысле слова к внутреннему надрыву. Вырос я в семье идейных коммунистов. Любил Сталина, верил ему.

Мероприятия 1956 года меня не удовлетворили, вызвали ощущение полуправды. И вот с того момента я начал добиваться правды, правды полной.

Жил я в Сибири, в глуши, мой родной край — Байкал. Город всегда был мне чужд и непонятен. В своих поисках правды пошел по традиционному пути. Мое поколение выросло на революционных фильмах, на конспирации, на подпольных «пятерках» и сталинских «тройках». Вот и стал создавать конспиративную группу. У нас не было необходимого идейного стержня, недоставало человеческого материала. Но что-то делать было нужно. Все люди имеют разный порог социальной чувствительности, у меня этот порог повышенный. Не мог сидеть сложа руки. 60-е годы в нашей стране стали периодом создания подпольных групп, типографий, кружков. Тогда мы, молодые люди — мои единомышленники, считали себя революционерами, готовящими новую революцию. Известна была ленинградская группа Ронкина, выдвинувшая лозунг: «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата».

Отчаявшись найти то, что я искал, в Сибири, переехал в Ленинград. Встретился здесь с подпольной организацией «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». Это была антикоммунистическая

тическая организация, и я вступил в нее, хотя во многом не разделял ее программы. К 1964 году распространилось мнение о возможном возрождении сталинизма. Я считал, что для предотвращения этого можно вступить в любой союз. Вступил в ВСХСОН совершенно сознательно.

В основе программы лежало теоретическое положение о том, что страна готова к отказу от коммунизма. Нет только сил, способных возглавить движение протеста. Это было заблуждением. Программой предполагался роспуск компартии, Советов и их полная ликвидация без компромиссов. План руководителя ВСХСОН Огурцова сводился к «дворцовому перевороту», вооруженному захвату власти, нас было всего 30 человек. Лично у меня было еще резко отрицательное отношение к Хрущеву — за его полуправду, за то, что и он сам участвовал в событиях, происходивших при Сталине. В 1967 году членов нашей организации арестовали (впервые меня арестовывали, точнее задерживали, еще в 1956 году — за выступление против Хрущева, за создание студенческого кружка в Иркутском университете).

Руководители «Союза» обвинялись по 64-й статье (измена Родине), рядовые — по 70-й (антисоветская агитация и пропаганда). Всего сидели 22 человека. Я был рядовым. Поскольку считал, что страна не готова к преобразованиям, то и после ареста остался при мнении: наша организация была неорганична историческому времени.

Как и многие мои товарищи, я вступил в нее просто из отчаяния, из-за отсутствия альтернативы. Мой мотив был прост: партия не способна ни на какие позитивные шаги, происходит загнивание государства, что может привести к кровавому взрыву. А я — противник крови, ее в нашей истории было достаточно.

В итоге я получил 6 лет лагеря: отбывал в Мордовии и Владимире. Выйдя из заключения, я решил: «от верхов» ждать нечего, страна придет к распаду. И стал связывать надежды с христианской внецерковной оп-

позицией, считая, что сам институт церкви должен стоять в стороне от политики. Я поддерживал самиздатский журнал «Вече», редактируемый Владимиром Осиповым, пытался издавать и свой собственный журнал. Удалось выпустить три номера «Московского сборника», в котором обобщались статьи по национальной и религиозной тематике. Я не сумел справиться с изданием журнала. Сменил множество мест: дворника, сторожа, кочегара и так далее.

В 1977 году меня вновь судили. На сей раз за отказ от показаний по делу Александра Гинзбурга. У меня были жесткие принципы в таких вопросах, кроме того, я сидел вместе с А. Гинзбургом и Ю. Галансковым, они были моими друзьями. В конце концов суд вынес решение о штрафе.

К этому времени (1978) я начал публиковаться за границей, в том числе в «Посеве» вышла моя «Повесть странного времени». Я написал ее, сидя во Владимирской тюрьме, и переправил на волю в письмах к родителям. В 1982 году я был вновь арестован за свои книги, за распространение литературы «в целях подрыва советской власти». Я бы не называл все, что делал, сопротивлением, нет, это была просто моя жизнь. У меня были иллюзии, что возможно создание национал-христианской оппозиции, не конфронтующей с официальной идеологией. Слишком рыхлая мысль. Я считал, что если и появится в стране подлинная личность, способная произвести изменения, то вне партии. Партаппарат, в моем представлении, был обречен на закаменение.

Я — государственный. Анархия для меня неприемлема, так же как неприемлемы цели и средства борьбы, которые бы подталкивали к новым кровавым эксцессам. Крови, революций было достаточно. Что касается достижения поставленных мною целей... Все, что произошло сейчас, — мое полное личное фиаско. Я никогда не допускал и сотой доли того, что именно в партии возникнет такой человек, как Горбачев. События развернулись неожиданным образом. Возможно-

сти партии представлялись мне только в «отуплении» государственных функций и ужесточениях. Сейчас же проявилась *способность* государства к саморегуляции. Такого раньше не допускал и в мыслях.

О личных причинах, подтолкнувших меня к избранному жизненному пути, говорить определенно вряд ли можно: наоборот, все противоречило этому. В семье я получил идейное коммунистическое воспитание, был комсомольцем, родители — коммунистами. Отца моего расстреляли в 1939 году, но на мои убеждения его гибель не повлияла.

Вообще-то я бы с большим удовольствием работал в школе. Учительство — мое призвание. Но не мог ужиться с полуправдой.

Мне легко давалась учеба, освоение профессий, всегда везло. Пединститут закончил за три года, в 25 уже директорствовал в школе, был в Сибири депутатом. Готовился защищать диссертацию, успел поступить в спецшколу милиции... Ушел из нее сразу после XX съезда.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: Когда в 1981 году арестовали одного из моих знакомых, меня предупредили: следующий — вы. Еще в 1979 году мне предложили уехать из СССР. Я отказался и, хотя получил предупреждение от КГБ, продолжал писать. Ничего не мог с собой поделывать — потребность писать стала естественной и непреодолимой. Арест в 1982 году не был для меня неожиданным. Я готовился к нему морально, знали о нем все: жена, дети, знакомые. Но я жил как ни в чем не бывало. Конечно, боялся, но сказал чекистам: «Берите, это ваше дело». Мне не было ясно, в чем состояла моя «антисоветская деятельность». Я просто жил, писал книги, получал литературу из-за границы, давал ее читать другим.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: У меня уже был опыт первого ареста, поэтому перенес очередное заключение довольно легко. Во всяком случае шока не было.

13 мая 1982 года меня взяли на улице. В квартире провели обыск. Во время следствия инкриминировали изготовление, хранение и распространение антисоветской литературы; книги, изъятые при обыске рукописи. Были против меня и показания. Я только настаивал на изменении формулировки: «изготовление рукописей» — изготовить можно табуретку, шкаф — книги я все-таки писал.

Показания давал, когда они касались лично моих взглядов: излагал их. Меня упорно заверяли, что никто из упомянутых лиц не будет привлечен к ответственности, никто не пострадает. Но имен не называл. Это и было причиной того, что мне дали «полную» 70-ю статью и назначили лагерь «особого режима» (его еще на жаргоне называют «полосатым» — заключенные одеты в форму с поперечными полосами, как у зебры).

Вину я не признал. Все было стандартно, все повторялось, все до скуки, как и в предыдущий раз — восемнадцать лет назад... И люди, с которыми я встретился, были те же, старые знакомые, с кем сидел раньше. Мы пересекались еще в Мордовии.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Старался избегать конфликтов с администрацией. «Прессовали» не больше, чем других. Скажу: у некоторых положение было значительно хуже. О тактике поведения. Есть линия, когда человек каждым

шагом утверждает свое кредо, открыто демонстрирует свои убеждения. Так было у меня в первый раз.

В 1982 году я специально не уходил от конфликтов с администрацией, но и не провоцировал их, не напращивался. Наверное, повлияли годы — возраст. Раньше-то мы все были молодые. Любили «качать права». А теперь и здоровье было не то, да и срок большой. Десять лет плюс пять лет ссылки — дело нешуточное. А выжить нужно, еще хотелось писать книги.

Руководствовался принципом не нарушать нравственных правил, не идти на компромиссы. Меня, правда, и не пытались вербовать, даже намеков не было. В моей повести «Правила игры» заключенный выбивает чекисту челюсть за подобное предложение. Повесть эту хорошо знали чекисты, посадившие меня...

Думал только об одном: «Суметь выжить, успеть еще что-то написать». Невозможность писать была непереносимой. Ведь сам не заметил, как писать-то начал. Но подчеркиваю: решил выжить, не нарушая «правил игры».

Вопрос: Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?

Ответ: Самым трудным для меня была невозможность писать.

Условия жизни определялись правилами «особого режима» — камерное содержание. Поскольку повара были свои, сами заключенные, то на питание не очень жаловались. Люди работали на себя, поэтому старались. Следует отметить, что питание было несоизмеримо лучше, чем даже в следственном изоляторе КГБ в Лефортове. Сравнить с бытовыми зонами просто не приходится. Даже увеличился «ларек» (право пользования скудной продуктовой лавкой на территории лагеря).

В других лагерях жалуются на холод, сравнивая температурные условия с пытками. У нас были не только свои повара, но и свои кочегары — они старались на совесть. По правилам мы имели право на переписку, одно письмо в месяц. Свиданий с близкими часто ли-

шали. У меня нарушений не было, и ко мне администрация особенно не придиралась.

Морально в заключении было привычно. Вокруг — достойные, интеллигентные люди. Интересного общения хватало. Это была некоторая компенсация за лишения. Никаких серьезных конфликтов со своими товарищами по заключению не имел. Я прибыл в лагерь в очень тяжелом физическом состоянии. Сказались длительная пересылка, изнурительное следствие. Когда я оказался, наконец, в камере, ко мне все прекрасно отнеслись, я почувствовал отзывчивость и теплоту замечательных людей. А я ведь был единственный русский среди них и они знали, какие обвинения — в национализме, чуть ли не в фашизме — мне предъявляли.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Неожиданным для меня было не только освобождение, но и все начавшиеся в стране события. Как и для большинства из нас. Предположения, конечно, были. Мы ведь получали всю прессу, газеты, журналы, слушали радио, смотрели телевизор. Но дальше предположений дело не шло.

Перед освобождением меня перевезли в Лефортово, где продержали четыре месяца. Мне сообщили, что есть намерение меня освободить, и предложили высказать свои соображения по поводу происходящих в стране событий и дать критическую оценку своей предыдущей деятельности. От последнего я отказался, и мое заявление в итоге состояло из трех фраз и не противоречило моим действительным убеждениям; я написал: «События в стране принимаю, дальнейшее свое заключение считаю бессмысленным, прошу рассмотреть вопрос об освобождении». Мне объяснили, что дело, однако, сложное: все-таки статья 70, часть вторая, т. е. преступник-рецидивист, вдвойне особо

опасный. Неопределенность длилась четыре месяца. Я ждал; ждал и возвращения назад в зону.

После третьего месяца даже сам попросил вернуть меня в лагерь. И только тогда чекисты сказали мне, что принято положительное решение об освобождении. Показали даже поздравительную телеграмму от американских писателей. Со мной работал чекист Губинский, тот же следователь, который меня и сажал.

На тактические шаги я никогда в жизни не шел. Действительно считаю: нынешнее событие в стране — это уже кое-что. Что будет дальше — не знаю. Мы и на это не надеялись. Сейчас есть возможность каждому себя проявить. Что это? Саморегуляция системы, революционные изменения? Посмотрим.

Придя из тюрьмы домой, я заметил одно изменение. Из окна моей комнаты видно дерево — оно за эти годы выросло на три метра. Пока что я счастлив, счастлив, что могу снова писать. Я уже не верил, что такое случится.

В государстве Брежнева на воле мне делать было нечего. Но я не политик. И если случится возврат к прошлому, то расплачусь и за теперешние иллюзии. Платить в жизни нужно за все. Я допускаю, что нынешние изменения выражают органическую потребность общества. И если принять на веру слова Горбачева о «предкризисном состоянии», то, быть может, требовать всего сразу, в один день, и нецелесообразно. Сейчас все предъявили массу требований. Возникло множество разнонаправленных групп, кооперативных объединений. Но стоит ли сразу хотеть всего? Ведь для меня, например, от Брежнева до Горбачева прошли дни. Так стоит ли искушать судьбу? Мои интересы никогда не касались Запада, хотя образование получил в основном на европейском материале, на европейской литературе, истории. Волновали же прежде всего проблемы России: пьянство, коррупция, отвыкание народа от труда, ломка семейных, межчеловеческих отношений. В Сибири раньше не пили, сейчас же страшное творится. И причины вымирания от алкоголизма

значительно глубже, чем широкая торговля водкой. Я глубоко заинтересован в решении проблем своего народа. Коррупция разъедает не только чиновников, но и народ. Коррупция стала естественной нормой отношений. Пока говорят, что семья плохая, она еще существует. Когда начинается свободная любовь — семья распадается. Будут преследовать верующих или нет, но они есть. Трудно представить, что государство признало за церковью право религиозной пропаганды. Государство-то атеистическое. Но вот когда нет Бога, тогда все дозволено, тогда — распад, по Достоевскому. И коррупция — признак распада, когда все можно...

Социализм — это организация атеистического общества, таково мое предположение. Но как бы государство ни было плохо, без государства будет распад общества. Здесь следую Гегелю. На сегодня наше государство атеистично. Да и качество религиозности имеющейся — это вопрос. Но при всем этом самое страшное другое. Безансон говорил, что русские — это нация, погибающая от пьянства. Можно погибнуть от чего угодно, от алкоголя — самая чудовищная смерть.

Меня называли националистом, за это осуждали на Западе и судили здесь. Я никогда не был националистом, это слово никогда не употребляли и члены «Социал-христианского союза». В демократическом движении 60 — 70-х годов была струя откровенно прозападническая. Например, идеи Померанца о том, что русские — это византийско-татарские недоделки и должны исчезнуть. Или концепция Амальрика, изложенная в книге «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», суть которой проста: русские — дрянь. И вот на фоне этих течений было другое течение, только по контрасту называемое русским национализмом. Но дело не в национализме. Дело в том, что русское сознание попросту не вмещалось в тему правозащитного движения. Мала была ему эта тема. Русские, я имею в виду народ, не пошли в правозащитное движение, и оно во многом свернулось к эмиграции, ставшей одной из основных проблем.

Правозащитное движение прошло по самому тонкому слою общества. Наши проблемы оказались значительно глубже, чем проблема выезда. КГБ, правда, не различает всех этих оттенков и тонкостей: для них всё едино — «антисоветская деятельность».

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: В отличие от первого срока, последнее заключение не дало мне ровным счетом ничего. Первый срок был полезен, интересен впечатлениями, определил всю мою жизнь. Последнее заключение — выброшенные из жизни годы. У меня в жизни никогда не было выбора, в том числе и в вопросе эмиграции. Я не могу уехать, это для меня невозможно, я пуповиной связан с Россией.

На меня и на мои убеждения повлияли не сроки заключения, а происходящие события, свалившиеся как снег на голову. Я оказался к ним неподготовленным. Мы всегда претендовали на прогнозы, концепции, философские построения. То, что произошло, — случилось вопреки всем моим концепциям и убеждениям. Изменилось прежде всего государство, а не мои взгляды. Государство выявило новые потенции и возможности, и я уже не берусь ничего прогнозировать. В 70-е годы мы возлагали надежды на христианское возрождение и только на этом пути искали решение проблем общества. Считали, что другого пути не заложено самой историей. Надеялись на мирный процесс такого возрождения.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Пока никак не вижу своей роли в новых процессах, еще не знаю, в какую сторону могу двинуться.

Мне приходилось уже сталкиваться с людьми, которые хотят резни и крови. Одни надеются половить рыбку, пока бьют русских, другие... Я до сих пор имею наивность видеть в русском народе и хорошие черты. Поэтому, естественно, хотел бы лучшего варианта. Любого, кроме крови и распада. Не принимаю лозунга: «Сначала расчистим, потом построим!» Однажды уже расчистили — и что построили? Я занимался историей Франции периода с 1789 по 1848 год. Сколько там за это короткое историческое время было процессов, крови! Учтем, что темп истории был тогда замедлен. Мы же, говоря о переменах, говорим даже не о годах, а о месяцах, и мне очень хотелось бы надеяться на необратимость происходящих в нашем обществе процессов. Даже допускаю необратимость. Ну а реакции были всегда и везде.

Люди, вступающие в оппозицию к Горбачеву, — это современные сталинисты. Я уже сейчас встречал тех, кого называют противниками Горбачева. Поверьте, они страшные люди. Громадная масса их находится в хозяйственном аппарате. Прекрасная ситуация сложилась: хозяйство, экономика в развале, а хозяйственники процветают. Естественно, они будут приветствовать любую оппозицию Горбачеву.

Они ежедневно читают газеты от корки до корки, смотрят телевизор от начала до конца в надежде увидеть или услышать хоть намек, хоть малость, которые позволят им предсказать крах генсека.

Есть и другая позиция, которую люди, проводящие перестройку, тоже никогда не примут. Позиция эта: «Гласность и перестройку — немедленно, сразу и сейчас!» А готова ли к этому «сразу и сейчас» вся страна? Всю структуру государства за один день не изменишь. Я себе сильно сопротивляюсь, чтобы не произносить преждевременных приговоров. Уверен только, что сейчас каждый должен действовать по убеждениям.

Вопрос: Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?

Ответ: Я всегда был далек от этих проблем. Но, по-моему, любой нормальный человек не может иметь двух мнений по этому вопросу. Свобода слова и все другие свободы, то, что называют правами человека, — элементарные вещи, которыми должен обладать любой гражданин. Частичные изменения в этой сфере есть, как и в других. Но и здесь предсказывать не берусь.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Ближайшие планы — начать писать. Но пока понять ничего не могу.

* * *

С момента освобождения весной 1987 года из Лефортовской тюрьмы в течение двух последующих лет повести и рассказы Л. Бородина выходили отдельными изданиями в ряде европейских издательств: «Галлимард» (Франция), «Коллинз» (Англия), «Гердер» (Германия), «Бомпиани» (Италия), «Дифель» (Португалия), «Квартет букс» (Англия), «Посев» (Германия).

За повесть «Расставание» была присуждена итальянская литературная премия «Гринзани Кавур». Лауреат премии французского Пен-клуба «Свобода».

В 80-е годы в различных периодических изданиях России публикуются его повести и рассказы: «Третья правда», «Божеполье», «Женщина в море», «Расставание», «Правила игры».

В 1993 году за книгу «Повесть странного времени» присуждается премия Москвы.

С 1989 года Л. Бородин — сотрудник журнала «Москва».

С 1992 года стал главным редактором этого журнала. Живет в Москве.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Был такой короткий период во время правления Горбачева, когда с левой руки у него был Лигачев, а с правой — Яковлев.

Было состояние некоторого социального выживания. Мне тогда хотелось, чтобы это состояние в обществе продлилось как можно дольше, чтобы общество не срывалось ни влево, ни вправо, дабы дать время сформироваться новой национально-государственной элите, чтобы за это время люди успели прочесть, что они не успели прочесть раньше, узнать, что не могли узнать раньше о нашей истории, что позволило бы выработать рецепт более или менее безболезненного выхода из кризиса и построения определенного уровня государственности. Но этого не случилось. Произошел срыв, началось быстрое полевение, темпы ускорились, закончилось это все развалом.

Когда я говорю «полевение», то имею в виду Гайдара, в противоположность коммунистам.

Вообще-то все зависит от системы отсчета. Можно сказать и «поправление», говоря о Гайдаре... (смеется. — *В. П.*). Как бы то ни было с правым или левым, все закончилось распадом, и в течение нескольких лет сложилась ситуация, типичная для русской смуты. Характерный признак ее — присутствие в сознании общества дискретного набора социальных альтернатив. Существует несколько равнодоказуемых вариантов исхода, например реставрация коммунизма. Есть люди, которые с успехом доказывают неизбежность такого развития. Возможен и полный распад России. Эта альтернатива тоже прослеживается и угадывается. Возможно также превращение России в сырьевой придаток.

Все эти возможности присутствуют одновременно, сейчас, по крайней мере на уровне обывательского понимания. Речь не идет о научном прогнозе. Такое положение было типично для смуты XVII века. Там тоже были варианты развития, к примеру: порабощение России поляками, распад России как таковой, анархия или сохранение государственности под польским тронем. Все эти варианты были равновозможными. Суть сму-

ты — крах определенной системы ценностей, что порождает вакуум в сознании, взрыв «отрицательной пассионарности», если воспользоваться терминологией Льва Гумилева. В XVII веке это были, например, казаки, которые несли полное разорение стране. Сейчас это криминализация общества — тоже вспышка «отрицательной пассионарности».

Что происходит дальше? Такое состояние общества начинает фиксироваться всеми институтами власти, конституционными, юридическими. Многие люди очень даже заинтересованы в сохранении той ситуации, которая сложилась. Трудно себе представить, как из этой ситуации вырваться, ведь она закреплена юридически. Заданы правила игры.

Я лично не вижу выхода из создавшегося положения. Ну, изберут новых депутатов — по тем же правилам, нового президента — по тем же правилам. А между тем отрицательные тенденции усиливаются, усиливается вынужденный, подчеркиваю, вынужденный сепаратизм окраин уже собственно в России.

Практически отпадает Север, люди оттуда уезжают. Парализованный Дальний Восток создает вакуум для Китая. Да и в центре России все больше заброшенных районов. Я сегодня не вижу какого-либо выхода из этой драматической ситуации юридическими приемами и средствами. Совершенно не вижу, даже не могу себе этого представить. Хотя я могу и ошибаться, я ведь не политик и не владею искусством политической стратегии.

Я считаю, что возможен только «македонский» способ. Разрубить «гордиев узел», как в известной поговорке.

Мне приходилось заниматься историей XVI века. Была совершенно безнадежная ситуация, и неожиданно, вопреки всей тенденции к разрухе и развалу, появляется ополчение Минина и Пожарского. Казаки, которые только что были страшной чумой страны, вдруг превращаются в союзников и вместе с ополчением освобождают Москву от поляков, дают решающий голос на новую династию, голосуют за Михаила Романова.

Никакой простой логике все это не поддается. Почему казаки, которые еще вчера не имели никакой идеи государственности и, кроме как погулять по Руси, ничего не хотели, вдруг становятся приверженцами идеи русской государственности?

Вот на такое своеобразное историческое чудо я и надеюсь. На внезапное и нестандартное изменение ситуации. А если еще проще, то я считаю, что сегодня ничто, кроме национальной диктатуры, не способно решить проблемы России.

Сегодняшняя ситуация с НАТО перечеркнула демагогию о правах человека и продемонстрировала, что сегодня, как и двести, и тысячу лет назад, решающим фактором является сила.

И чтобы стране выжить, ей тоже нужно стать сильной. И вот этот главный приоритет и должен быть признан. Народ должен осознать потребность в силе. Сейчас силы нет. Ведь сила рождается и из определенного экономического состояния, но прежде всего из определенного духовного состояния.

Иногда говорят о дворцовых переворотах в коридорах власти. Это никакие не перевороты. Происходят банальные перестановки в пределах избранных правил игры. И нет и не может быть никакой реакции правозащитной. О каких правах может идти речь? Сегодня родоначальники правозащитной идеи продемонстрировали, что если можно убить хотя бы одну сербскую девочку в интересах девочки албанской, то никаких принципов в мире в действительности не было и нет, а есть только сила.

Уже сегодня известно, что в Сербии погибло больше людей, чем в Косово, где Милошевич подверг население репрессиям. А ошибки НАТО, когда бомбы попадали в мирное население и в Косово?

Сегодня перечеркнута правозащитная демагогия. Сохранена терминология, но реальные действия перечеркивают все. Осталась сила, как и тысячу лет назад.

Грех так говорить, ведь страдают и сербы, и косовары, но то, что случилось, в каком-то смысле благо

через зло, что ли. Теперь ни у кого нет тех идей, на основании которых перекраивали Россию в течение последних 6 — 7 лет наши «западники».

В каком-то смысле действия Америки санкционируют все что угодно.

Если можно в интересах одного народа уничтожить другой народ, например в интересах албанского меньшинства бомбить сербское большинство, тогда тем более в интересах какого-то большинства можно спокойно разбомбить какое-то меньшинство. Сейчас все санкционировано, и у нас есть все основания откатнуться от всех иллюзий, которые пришли от Запада, и начать формировать свою национально-государственную идеологию и политику.

Ведь у нас худо ли, бедно ли, но сохранены православию и его лозунги, его сущностные и нравственные категории, к которым даже атеисты сегодня вынуждены прислушиваться. У нас еще достаточно верующих и есть шанс отшатнуться от западного соблазна. А кому нравится играть в эти игры, пускай играют.

Но я не вижу средств, чтобы выйти из тупика. Мы именно в тупике. В национально-государственно-нравственном тупике.

Клановость, сращение криминала с властью — это все вторично.

Смута нарушила все пропорции в обществе. Криминальный элемент сегодня неправдоподобен, вопиюще непропорционален.

Возьмем бизнесменов Абрамовича и Березовского, о которых так много говорят в СМИ. Ну если бы их бранил или ругал, положим, Баркашов и РНЕ. Это было бы понятно. Но их разоблачает «Московский комсомолец». Например, журналист Хинштейн много писал о Березовском. Но от публикаций никому нет никакого вреда. Все это сплошная игра, которая никакой роли не играет. Хинштейн разоблачает олигархов. Люди говорят: какие они гады! Гады спокойно улыбаются и говорят: какие подонки эти разоблачители! Ничего не происходит. Никто никому не дает по морде,

никого не сажают в итоге. Заводятся бесконечные уголовные дела, которые ничем не заканчиваются.

Когда-то, в советские времена, мы обсуждали свободу слова. Был такой пример: стоит человек в пустыне и кричит: «Долой!» Есть в этом свобода слова? Конечно нет, поскольку нет зрителя или слушателя. Нет реакции.

Сегодня иначе. Ведь свободы слова можно лишить не только отсутствием собеседника или оппонента, но и тем, чтобы дать свободу слова всем. Сегодня можно критиковать всё и всем. Но как в пустыне — реакции нет. Вот и Шендерович делает из президента полного идиота. А президенту от этого никакого урона. Думаю, что президент смотрит эту программу и хихикает. Исчезает смысл и роль слова в истории.

Сила слова исчезает. Представьте толпу, где каждый говорит свое. Это разве свобода слова? Понять ничего нельзя. Это не свобода слова, это просто гомон, люди гомонят, а не говорят.

Систему это очень устраивает. Объявили Березовского главным врагом России. Но ничего, живет человек. Завтра еще кого-нибудь объявят врагом, ну и что?

Игра. Как будто мишень из окопа высовывают. Пуляют в нее, пуляют, потом она исчезает, появляется другая мишень. И все это происходит хаотично, не планоно. Нет здесь никаких заговоров мудрецов. Это имманентная органика системы.

Один депутат мне говорил, что из нынешнего положения можно выйти посредством создания «позитивно-консервативного» движения. Ровным шагом, мелким зигзагом преодолеть кризис. Я не вижу, как это можно сделать.

Сегодняшняя ситуация ведь выгодна всем: и коммунистам, и антикоммунистам, всем партиям. Вот если бы пришел человек и сказал: «Я знаю, как сделать». И объявил всем: «На первый — второй рассчитайсь!», тогда, может быть, и изменилось бы что-то. Но такого человека, который бы «снял» ситуацию в гегелевском смысле, нет.

России нужен выход, который не укладывается в рамки обычной, простой логики.

Либералы и молодые реформаторы не могут предложить реального выхода. В основном это несчастные люди, но не они в том виноваты. Дело в истории России. Ведь наши либералы — дети бывших коммунистов, воспитанные изначально, пусть до пионерского возраста, на коммунистических идеалах. Они имели глаза и увидели, что система порочна, разочаровались в коммунистической идее. Имея доступ к Западу, увидели Запад и им очаровались. Но, в отличие от западного человека, цивилизованного, наши «западники» не получили в детстве того элементарного национального воспитания, которое получили их сверстники в нормальных странах. Они искренне захотели сделать «у нас» все, как «у них». Вот слепое это «сделать, как у них» и послужило тем инструментом, с помощью которого Россия превратилась в то, что она есть сегодня.

БЕСЕДА С СЕРГЕЕМ ГРИГОРЬЯНЦЕМ

*Григорьянц Сергей Иванович,
род. 12.05.1941 г., журналист.
Арестован 17.02.1983 г.,
осужден на 7 лет строгого режима (первые два
года в тюрьме) плюс 3 года ссылки.
Статья 70. Участие в издании
бюллетеня «В», написание некролога
писателю Шаламову.
Ранее: 1975 — 1980 гг. — в заключении по
политическим мотивам.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: В моем случае более наглядно, чем в иных, произошел конфликт с системой, и *система* была инициатором этого конфликта. Меня неожиданно изгнали с факультета журналистики Московского университета с формулировкой «профессиональная непригодность». Странность события состояла в том, что в то время я уже заведовал отделом критики в журнале «Юность» и сотрудничал во многих других крупных изданиях. Однако странности не было, все, как выяснилось, объяснялось просто: таково требование КГБ. Впоследствии эта организация в течение нескольких лет настойчиво убеждала меня в целесообразности сотрудничать с ней, что, однако, не входило в мои планы. Возможно, *их* привлекали темы моих литературоведческих штудий (статьи о литературе русской эмиграции, опубликованные в Литературной и Большой советской энциклопедиях, и т. д.), знакомства с эмигрантами, но прежде всего некоторые детали моей биографии. Дядя матушки — Александр Санин был главным режиссером театра «Ла Скала», после войны — «Гранд-Опера» (до эмиграции служил актером и ставил спектакли во МХАТе и в Мариинском театре). «Целесообразность», по-видимому, заключалась в возможности моего легкого вхождения в среду европейских деятелей культуры. Мои хорошие отношения с Белинковым, Синявским, Некрасовым, видимо, тоже *их* привлекали. Другую причину трудно найти, ведь я явно не интересовался политикой, не участвовал ни в каких группах. Учился на заочном факультете университета, писал, экзамены сдавал, естественно, не в обычные сроки, а по индивидуальному графику. Но вот тут и началось. Однажды, сдав экзамены, я потерял зачетную

студенческую книжку, в которую вносятся отметки. Через неделю по университету вышел приказ о моем отчислении за «неуспеваемость». Мои преподаватели объяснили: недоразумение, он сдал все экзамены. Но, как ни странно, ректор не отменил приказ, а лишь изменил формулировку — «отчислен за профнепригодность». Я в оправдание показал свои статьи, опубликованные в журналах. Дошел с жалобой на неправильное решение до заместителя министра. При мне в кабинете раздался разговор: «КГБ? — Да! — Григорьянц? — Да, да, понятно!» Я их раздражал. Получал много книг с Запада, устраивал художественные выставки, вечера, где читали Олейникова, Хармса, был много лет хорошо знаком с арестованным Андреем Синявским.

Мне внятно дали понять: жить, как прежде, не удастся, но арестовывать тогда еще не собирались. Никаких способов сопротивления системе у меня не было. Я просто спокойно жил и работал.

Все началось, когда меня осудили на пять лет лагеря по обвинению в спекуляции. Процесс был откровенно сфабрикованным, мстью за мой отказ от «целесообразного» предложения. Мое «преступление» состояло в том, что я имел хобби — обменивался картинами из семейной коллекции, как всякий коллекционер, иногда покупал их, иногда продавал. И действительно, однажды обменял картину на магнитофон. Кроме «спекуляции» фигурировал и факт получения от меня Николаем Смирновым (тогда ответственный секретарь журнала «Красная новь») эмигрантской литературы, необходимой для работы. У нас был допуск на эти книги, мы использовали их для библиографических ссылок в своих статьях, опубликованных в официальных советских изданиях. Но следствие сочло сей факт «распространением клеветы на советский строй». Н. Смирнов, в свою очередь, тоже давал мне эмигрантские издания и сам в том признался, но его признания властей не интересовали.

Я пробыл в заключении с 1975 по 1980 год. За эти

годы понял и узнал, что делается в стране. «Прошелся» по тюрьмам. Меня, кстати, все еще уговаривали сотрудничать. Побывал в одной из самых страшных тюрем — в Верхне-Уральске, где людей действительно убивают. Еще лишь две тюрьмы — в Балашове и Златоусте — сравнятся с ней по ужасам. Раньше об этом я знал понаслышке. Но, пережив все это, мириться с происходящим уже не хотел.

Освободившись, я считал своим гражданским долгом распространять в стране знания и информацию о нарушениях прав. После ареста И. Ковалева, высылки из СССР В. Тольца и ареста А. Смирнова я стал редактировать бюллетень «В», в котором каждые десять дней публиковались сведения об арестах, судах, обысках, о положении в лагерях и тюрьмах, документы правозащитного характера. Материалы «В» были основой «Хроники текущих событий». Целью моей деятельности было дать людям реальное представление о стране. Это стало прямым продолжением моих прежних профессиональных журналистских занятий. Власти неоднократно предлагали выехать из СССР (интересно, что вызов из Израиля дошел по почте за пять (!) дней). Я не хотел эмигрировать, несмотря на шантаж. Но твердо знал, чем все кончится. У КГБ были уже все основания для ареста по 70-й статье.

Бюллетень «В» сыграл определенную роль в формировании общественного сознания.

О личных причинах деятельности я уже сказал. Такой причиной был мой первый тюремный опыт, знание о реальном положении дел в государстве.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: Я был убежден, что в советских условиях не смогу избежать ареста. К 1983 году понимал ясно, где живу. В стране, где множество явных и тайных работников МВД и КГБ, где большая часть населения пора-

жена смертельным страхом и способна на донос из чувства самосохранения, невозможно было надеяться на что-то иное. Конечно, я стремился избежать ареста, точнее, отдалить его, но лишь с одной целью — успеть сделать больше полезного. Старался не появляться на людях, не афишировал свою деятельность. Еще раз быть в роли жертвы, ничего не успев сделать, желания не имел.

Вопрос: Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали ли вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?

Ответ: 17 февраля 1983 года меня задержали на железнодорожном вокзале в Калуге. В портфеле я нес 20 томов журналов «Континент», «Грани», «Посев», книги Валентинова, стенографическую запись процесса над Александром Гинзбургом и многое другое в таком же духе.

Во время обыска в квартире ко мне пришел один из сотрудников бюллетеня «В» и, естественно, был задержан. У него нашли номер бюллетеня, переписанный моей рукой. Однако в моем доме ничего не обнаружили. В основу обвинения легли такие эпизоды: редактирование «В», написание некролога Варламу Шаламову (опубликован в «Континенте»). Без всяких оснований инкриминировалось и распространение антисоветской литературы. Я был обвинен и в попытке написать книгу о лагерях.

Компромиссов на следствии никаких не допускал: не видел к тому ни нужды, ни оснований. Первые два месяца вообще не давал показаний, напоминая, что статьи 190 — 1 и 70 противоречат советской Конституции и Международному пакту о правах человека. Но позже сам начал настаивать на получении следствием материалов, доказывающих достоверность всех публикаций бюллетеня «В», поскольку мое молчание станови-

лось выгодно КГБ, открывало возможность для вымыслов и бездоказательных утверждений о ложности сведений, помещенных в бюллетене. Но к тому времени уже *они* отказывались допрашивать: мои показания следователям явно мешали. Во время следствия я провел 40-дневную голодовку с требованием разрешить мне получить Библию, а также прекратить давление с помощью «музыкальной шкатулки» — громкого шума радио, постоянно направленного в мою камеру. Эту голодовку я выиграл. Вторая голодовка была вызвана невозможностью пригласить адвоката, которому бы доверяли я и мои родные. Московским адвокатам не позволяли выехать в Калугу, а предложенные следствием «защитники» откровенно пытались получить от меня сведения, нужные КГБ. В этом случае я ничего не смог добиться. «Защищавший» меня адвокат за трое суток не сказал ни слова, попросил меня самого за него произнести защитительную речь на суде и отказался писать кассационные жалобы. Из 12 свидетелей обвинения на суд вызвали лишь четверых. Следствием я не был допрошен по половине пунктов обвинения, не была произведена ни одна экспертиза, не был запрошен ни один документ, не был вызван ни один из свидетелей защиты. Переход в заключение вторично не был необычным, имелся опыт. Забавное впечатление оставили в памяти сотрудники КГБ из охраны, стоявшие у камеры: работникам МВД не доверяли. Они осматривали мой мусор, прощупывали тарелки в поисках информации. Добросовестно, не снимая пальто и шляп, наблюдали за тем, как я мылся в бане.

Вопрос: Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?

Ответ: В Чистопольской тюрьме я находился вначале по приговору суда. Потом попал в нее опять: после полугода в ШИЗО и ПКТ Пермской зоны № 37. Два года и десять месяцев я содержался на строгом режиме.

В общей сложности статистика такая: около полутора лет голодовок, восемь месяцев карцера.

Считать ли тактикой естественную защиту от попыток администрации незаконно усугубить положение? О вербовке речи не шло: я вообще отказывался беседовать с сотрудниками КГБ, хотя до меня доходили «советы» установить с ними контакт. Конфликты возникали постоянно: голодовки, протесты, жалобы. После очередной голодовки охранники сломали мне правую руку. Проволочные закрутки, поставленные в больнице МВД, у меня в руке до сих пор. Было два случая, когда меня просто чуть не убили. 11 февраля 1985 года вывозили из Чистополя в Пермскую зону. Я был в тяжелейшем состоянии: повышенная температура после голодовок, кровотечение, авитаминоз, заработанный в карцере. Поддерживали уколами. В таком состоянии с меня содрали белье, свитер, разрешенный тюремным врачом, носки. Напялили легкое летнее белье, незастегнутую телогрейку и надели наручники, чтобы я не мог ее застегнуть. Погрузили в машину и пять часов везли в Казань. Температура на улице была -20° С. В Казани я едва дышал. Врачи с трудом вернули меня к жизни. Другой случай произошел в ШИЗО Пермского лагеря. С меня решили сорвать нательный крест. К «операции» тщательно подготовились. Заставили переодеться в присутствии нескольких человек, предварительно принесли наручники. Затем набросились на меня, разбили лицо. Крест забрали. На следующий день у меня началась рвота. Чудовищные боли в сердце. Двое суток никто не подходил, потом появился фельдшер. Я потерял сознание на несколько часов, потом еще двадцать дней пробыл в ШИЗО. Меня держали полураздетого, не способного что-либо съесть, в неотопливаемом, насквозь продуваемом карцере, при том что на улице шел снег. Впервые врача вызвали лишь на 25-е сутки. Случайно получилось, что в лагере в тот момент находилась комиссия врачей из Перми. Меня вызвали из карцера. Я рассказал врачам о случившемся, но они отказались меня осмотреть. В ре-

зультате скандал все же произошел. Информация вышла в мир, нашлись независимые свидетели. Содержание в карцере можно определить одним словом — пытка. Дело было в апреле — мае, отопление выключено, хотя снег шел до первого июня. По правилам температура в карцере должна быть не ниже +18° С. Измерять ее разрешают дважды в день. Но делают так: за два часа до измерения ставят в коридор чудовищный электронагреватель. В коридоре температура поднимается до комнатной. После измерения тепло мгновенно выдувается из жилой деревянной хибарки. Одежда в карцере разрешена самая легкая — из хлопка.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Одно из очень трудных обстоятельств — это отсутствие переписки. Почти все мои письма и письма ко мне конфисковывала цензура. Я жил в постоянном беспокойстве за родных и детей. Незадолго до моего ареста какой-то майор МВД (окончивший училище КГБ) напал на мою жену прямо у дома. Жена потом нашла оброненный им военный билет, где значилась фамилия Шумский, бывший заместитель начальника районного отделения милиции.

Вообще все было нелегко. И голод, даже в отсутствие голодовок, и холод. Я уже не говорю об откровенных издевательствах. Перед каждым выходом в уборную (туалетом не назовешь) меня и Толю Марченко заставляли раздеваться догола, присесть перед охранниками. Раздевались мы на холоде. Охранники при этом хохотали, демонстративно и бесцельно унижая нас.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Особенной неожиданности в освобождении не было. В конце июля 1986 года к нам пришел начальник опергруппы КГБ, как всегда побоявшийся назвать мне свою фамилию. Сказал, что мои друзья занимаются «крупными делами», так как положение в стране изменилось. Увидев, что это меня не прельщает, отметил: «Вы остаетесь врагом, и долго вас на свободе не оставим. Не допустим больше глупости, позволив, как в предыдущий раз между посадками, гулять вам три года». Дальнейшее развитие событий можно было предположить, несмотря на недавнюю смерть Марка Ароновича Морозова. Расскажу коротко о его судьбе. Он неоднократно пытался покончить с собой. Однажды его попытка стала последней — он на глазах у Валерия Сендерова бросился с окна с петлей на шее. Его тут же срезали с веревки, уложили. Но не обратили внимания на пустые упаковки от таблеток у его койки... Через двое суток он скончался. Он не выдержал. За месяц до смерти чекисты предложили ему, как он рассказывал, выступить с осуждением диссидентов, знали, что он сам собирался написать статью в «Правду». Но этого шага он не сделал, не переступил этой черты.

22 января 1987 года большую часть политзаключенных вывезли из Чистополя, меня же изолировали. За два дня до этого в тюрьму приехал прокурор по надзору за КГБ. Он предложил мне написать странный текст, другим такого не предлагали: «В случае, если советские правоохранительные органы будут строго соблюдать все советские законы, Конституцию СССР и все пакты о правах человека, ратифицированные Президиумом Верховного Совета, в соответствии с положительными изменениями в стране и в отличие от того, что было ранее, у меня не будет оснований для конфликтов». О помиловании ни слова. Мне говорили, что я *не должен* отказываться от своих убеждений, что таковы новые формы.

Через три дня я узнал, что 8 декабря погиб Толя Марченко. С его полки исчезли книги, на топчане в

комнате начальника отряда появились стопки его тетрадей. Было ясно, что складывал вещи не хозяин. Я заподозрил: что-то случилось. Фельдшер сказал, что Марченко увезли в Казанскую больницу, медсестра — что в Чистопольскую больницу. В Чистопольскую везут только в критических ситуациях, это так называемая «вольная» больница. Там работают приличные люди, не сочувствующие КГБ. Туда стараются не везти, так как боятся выхода информации.

Я не поверил, объявил голодовку, потребовал объяснений. Меня стали убеждать, что с Марченко все в порядке — он жив. Говорили, как выяснилось, уже после Толиной смерти, о его хорошем самочувствии. Марченко содержался в единственной изолированной камере № 15. Но позже, уже в карцере, я узнал, что Толи больше нет. И хотя текст предложенного заявления меня вполне устраивал, я написал другое заявление в Президиум Верховного Совета СССР, в котором отказывался от общения с *любыми* советскими организациями, заявил, что гибель Морозова и Марченко расцениваю как убийство, отказался от освобождения до тех пор, пока передо мной не выпустят всех других. Тогда меня перевели из карцера в камеру, где раньше жил Толя. К тому моменту из «семидесятчиков» в Чистопольской тюрьме оставались только И. Бегун, Б. Грезин и я. На пятый день ко мне пришли и приказали собрать вещи. Я возразил, сославшись на свое заявление. Мне тем не менее прочли Указ об освобождении, сказали: «Вы свободны!» — и отвели назад в камеру. На следующее утро нас вместе с Грезиним вывели из тюрьмы, заявив мне, что в тюрьме для меня места нет. По дороге в Казань нашими попутчиками были два крупных сотрудника МВД. В Казани попытался позвонить жене в Москву, не застал ее дома. Ей говорили в КГБ, что сведений обо мне не имеется. Мне не разрешили поймать такси и предложили снова сесть в *их* машину. Отвезли в аэропорт. Там я увидел Яниса Барканса. *Они* хотели *показать* мне, что он жив.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: «У жизни на краю» — так писал Варлам Шаламов о тюрьме. Тюрьма дает возможность понять, чего человек стоит. Ведь заранее никто не может сказать и про себя определенно, как сложится его поведение в заключении. Нередко слабые оказываются сильными, сильные ломаются. Мне тюрьма, безусловно, дала многое — расширила понимание мира и человека.

Убеждений своих не изменил, что касается деятельности, то зачем от нее отказываться? И прежде, и теперь занимаюсь журналистикой, что не запрещено. Жил и живу в рамках закона. Ну а обвинение меня в клевете связано с нарушением закона теми, кто обвинил. Ведь следствие даже *попыток* не сделало доказать клевету. Разыграли фарс, вот и всё.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Думаю, что происходящие в стране перемены благотворны, но явно недостаточны. Трудный идет процесс, но надеюсь на его продолжение. Перед советским руководством стоит много почти неразрешимых проблем, их больше, чем в любой другой стране. Поэтому прогнозы делать чрезвычайно трудно. Со своей стороны приложу все усилия, все, что от меня зависит, чтобы не только не вернуться к прошлому, но чтобы нынешнее состояние общества стало лишь промежуточным в движении к демократии. Свою роль определил: издаю независимый бюллетень «Гласность». В нем содержится объективная информация о новых процессах, публикуются статьи по всем социально важным вопросам.

В России традиционно все наиболее радикальные

изменения (кроме трех революций) исходили от органов управления. При слабости демократических традиций, которые невозможно компенсировать повышением образовательного уровня, рассчитывать на созидательную деятельность масс приходится пока с трудом. Необходимо сначала значительный прогресс в развитии демократических навыков. В то же время инициативы руководства страны могут стимулироваться и боязнью разрушительного, катастрофического участия масс в новых процессах.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Некоторый сдвиг в области прав человека происходит, но не в законодательном понимании, а на практике. Сдвиг пока явно недостаточный, поскольку никак не закреплён, не зафиксирован законодательством. Поэтому и сами благие перемены являются в определенном смысле актами произвола.

Права человека закреплены международными пактами — Декларацией ООН, Хельсинкским соглашением, Пактом о гражданских, социальных и культурных правах. Здесь важно отметить, что советские подзаконные акты, а также само государственное законодательство, вопреки общепринятому положению о примате международного права, все еще ему противоречат. Изменения на практике без изменения соответствующих законов оставляют возможность для поворота назад, к новым репрессиям. Для меня как журналиста наиболее важна свобода печати и слова и в этой связи — право на выбор страны проживания, свобода совести, свобода *распространения* убеждений, «если они не содержат призыва к вооруженному захвату власти».

Еще добавлю: необходимо иметь право на свободное воспитание детей, прямое избрание депутатов. Изменение избирательной системы, кстати, обсуждается и «наверху».

Вопросы экономические представляются мне менее важными: их решение нереализуемо в условиях сложившихся отношений и при отсутствии демократических институтов. Сначала необходима демократия — тогда решатся и экономические проблемы. Иначе без демократии снова придется прибегать к волевым актам, плачевные результаты которых хорошо известны.

За время, пока нахожусь на свободе, успел заметить резкие противоречия в процессе смягчения режима: прекращено освобождение политзаключенных, коекого вернули назад в лагерь и тюрьмы, не добившись от них «помиловки». С особого режима (для «рецидивистов») освобожден пока только писатель Леонид Бородин, из спецпсихбольницы люди выходят с огромным трудом, только под давлением мировой общественности. Есть и более зловещие рецидивы прошлого, но с выводами торопиться рано.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Общественные планы: продолжение издания бюллетеня «Гласность», работа корреспондентом норвежской газеты, любезно предложившей мне сотрудничать.

Что касается житейских намерений, то надеюсь, что журналистская работа позволит мне, пусть не сейчас, хоть раз выбраться в театр. Заключил договор с журналом «Новый мир». Хочу написать в него сам, подготовить к публикации А. Ремизова, А. Белого, В. Розанова и М. Кузмина.

* * *

В июне 1987 года С. Григорьянц выпустил первый номер журнала «Гласность». Всего вышло 33 номера, последний — в 1990 году.

В 1989 году создал и возглавил профсоюз независимых журналистов, начал издавать информационную сводку «Ежедневная гласность» на русском и английском языках.

Председатель фонда «Гласность», занимающегося информационной и культурно-просветительской деятельностью.

28 ноября 1992 года С. Григорьянц выступил на «Конгрессе интеллигенции» в Москве с требованием коренным образом реформировать Министерство безопасности России (МБР), поскольку до сих пор оно, по его мнению, представляет опасность для развития общества, так как сохранило прежнюю структуру и не изменило методов работы. По предложению конгресса занимался организацией конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», прошедшей в феврале 1993 года.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Через 12 лет после освобождения из тюрьмы и начала нашего интервью, конечно, все видится несколько иначе, можно подвести какие-то итоги, хотя, конечно, еще далеко не все ясно — и в том, что произошло в России, и уж тем более в том, что ее ожидает.

Теперь уже было бы трудно спорить даже активным сторонникам идеи революции, случившейся в России, что «отцом перестройки» был Юрий Андропов и была она детищем КГБ, хотя, по-видимому, не во всем таким, каким «отцы» хотели бы ее видеть. Я, собственно, писал об этом и 10 лет назад, но тогда власти говорили, что у меня мания преследования. Сейчас, после свидетельств Крючкова, Бобкова и иже с ними, об этом стараются не вспоминать. Впрочем, и здесь КГБ был лишь передовым отрядом партии. Секретари обкомов и райкомов хотели иметь не только власть, но и легальные деньги, директора заводов хотели быть их хозяевами, комсомольские вожди рвались к свободной жизни и власти в России, а «лучшие умы» в КГБ — к овладению всем миром, для начала Европой — от Атлантики до Урала.

Все власть имущие хотели для себя перемен, и дис-

сиденты, с их демократическими лозунгами, были необычайно удобны в качестве ширмы. Или, скажем, некоторые из диссидентов и большинство критиков из московских и иных кухонь.

Конечно, столь глобальные планы удаются лишь частично. Те, кто с первых дней самоотверженно боролся за свое благополучие, как правило, преуспевали, даже если не имели для этого особенных данных. Уж очень удобны были ими же созданные для себя условия, время «великого хапка», как мудро сказал Сергей Михалков. Причем некоторые из них, особенно комсомольские вожди, получили, как и хотели, и власть, и деньги. Большинство же получили только деньги, но зато немереные — сразу сотни миллионов, а некоторые — даже миллиарды долларов.

Тем, кто хотел власти над миром, повезло меньше: Европа действительно приобрела новые границы, но не Урал дошел до Атлантики, а Атлантика чуть продвинулась к Уралу. Влияние КГБ сперва резко возросло и до 1993 года даже волновало руководство страны: как гной из прорвавшейся опухоли, гебисты растекались по всем отраслям хозяйства, управления, банковского дела. В результате сокращений и разделений численность новых спецслужб стала существенно больше, чем в породившем их комитете, но теперь это уже другие спецслужбы.

Раньше их элитой были те, кто манипулировал политиками и маршалами, решал судьбы если не мира, то уж по крайней мере некоторых африканских, латиноамериканских и даже европейских стран. Теперь элитой стали те, кому удалось пробраться в банк и, убив владельца, перевести этот банк на себя.

Приблизились к элите и те, кто, уйдя в отставку или оставшись в «кадрах», скопировал или просто перенес домой агентурные дела и стал успешно использовать их в личных целях, шантажируя всех, кого можно. Вообще, обнажилось очевидное и раньше внутреннее сходство партийных лидеров и стражей правопорядка с классово близкими уголовниками и ворами в законе.

Они все, как никогда, оказались нужны друг другу и в преуспевании достигли небывалых высот.

Ширмы им уже не требуется, все правильные слова они научились говорить сами. Япончик основал правозащитную организацию, Жириновский — либерально-демократическую партию, а «молодой левый» Кириенко стал оплотом рыночной экономики. Здесь нет ничего удивительного, поскольку именно эти три составляющие, эти три среды и были наиболее активными в советском обществе, были наиболее подготовленными ко времени решительных перемен. Если перестать быть человеком, суметь забыть об убитых в борьбе за деньги, то можно было бы сказать с «исторической точки зрения», что первоначальное накопление всегда преступно (из этого исходил Гайдар), что дети бандитов учатся в престижных университетах и становятся опорой страны. Нужно только подождать пусть не 2 — 3, но 20 — 30 лет, и все образуется. Заметим, однако, что со времен Гайдара прошло уже 8 лет и лучше не стало.

Почерк в убийстве Александра Меня и Галины Старовойтовой один и тот же, сотни тысяч людей по-прежнему голодают, а август 1998 года ничем не лучше «реформы Павлова». Но есть и другое, менее оптимистическое соображение. В тюрьмах и лагерях с нами были «самолетчики» и «отказники», т. е. люди, арестованные за попытку сбежать из коммунистического рая. Они, естественно, говорили о том, что в России никогда не будет порядка, что здесь всегда будет невозможно мало-мальски сносно жить нормальному человеку. Диссиденты им отвечали, что русские ничуть не глупее французов или немцев и вполне способны создать нормальную жизнь, приличную страну и для этого нужно только работать и не бояться.

Сегодня иногда задумываешься: не был ли неоправданным наш оптимизм? Возможно, самым важным качеством каждого народа является не культура, не наука, не технологии, но талант самоорганизации, возможность создать оптимальный для себя способ прав-

ления, в одинаковой степени способный поддерживать необходимый порядок в стране и обеспечить спокойную и цивилизованную жизнь населению.

Но русскому народу на протяжении всей своей истории это еще никогда не удавалось. Зато регулярно, каждые 100 — 200 лет, он сжигал дотла практически все немногое, что успевал сделать и построить за этот небольшой промежуток. В результате мы живем в городах с тысячелетней историей, где случайно уцелели 2 — 3 дома XVII века. И это характерно для всего нашего сознания — иванов, не помнящих родства.

Можно надеяться, что с течением времени все изменится: никогда еще в России не издавали такого моря прекрасных книг, по-прежнему высок конкурс в университет Юрия Афанасьева (РГГУ), где учиться невероятно трудно, а ни карьеры, ни денег сложное гуманитарное образование не сулит. Есть и многое другое обнадеживающее в нашей жизни.

Но я очень боюсь, что у нас нет времени и все надежды и исторические аналогии с другими эпохами и странами уже не имеют смысла. Давно стало трюизмом говорить о глобальных кризисах: экологическом, нехватке продуктов питания, опасности клонирования и тому подобном. Не знаю, как их сравнить, какой из них ближе, а какой опаснее. Для меня более понятен другой, о котором стараются не вспоминать, — обилие накопленных человечеством возможностей самоуничтожения. Химическое, бактериологическое и даже ядерное оружие год от году становится все дешевле, мощнее и распространеннее.

Через 20 лет, которые, допустим, нужны России, чтобы приобрести какую-нибудь устойчивость, каждый арабский шейх-наркоделец или латиноамериканский генерал будут иметь возможность, если захотят, уничтожить на Земле все живое. Чтобы усилить контроль, мы все в большей степени отказываемся от свободы: немецкий бундестаг разрешает подслушивание частных разговоров, американское правительство безус-

пешно пытается контролировать Саддама Хусейна, Каддафи, Милошевича. Тщетность этих попыток вполне очевидна. Конечно, в этой гонке может появиться какой-нибудь новый непредсказуемый фактор, который изменит столь невыгодное соотношение между возможностью гибели и выживания человечества, но независимо от этого, с моей точки зрения, все эти размышления не должны влиять на то, что мы делаем сегодня.

БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ОГОРОДНИКОВЫМ

*Огородников Александр Иоилевич,
род. 27.03.1950 г., религиозный активист.
Арестован 21.11.1978 г., осужден на 1 год
общего режима. Статья 209.
Арестован повторно в лагере 15.09.1979 г. —
6 лет строгого режима плюс 5 лет ссылки;
имел неотбытый срок по первому приговору.
Статья 70. Участие в издании религиозного
самиздатского журнала «Община», организа-
ция религиозно-философского семинара,
устные высказывания, открытые письма.
Вновь арестован в лагере 15.11.1985 г., осуж-
ден на 3 года строгого режима, имея неотбы-
тый срок по предыдущему приговору.
Статья 188 — 3. Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Мое основное фундаментальное разногласие с системой: не могу принять ее тоталитарный характер. В теории марксизма полностью отсутствует концепция человека. Нет философии личности, а есть человек — винтик политической и экономической системы. Винтик механически сцеплен с громадным маховиком. У человека отнято право на выбор, на немарксистские или антимарксистские убеждения и право жить по своим убеждениям. Игнорируя человека как личность, марксизм из научной теории трансформировался на практике в религию с прилежащими атрибутами культа: с флагами вместо хоругвей, портретами вместо икон, со «святыми» останками вместо мощей, с политическими инструкциями вместо Библии. И, как лжерелигия, марксизм практически борется прежде всего с религией, уничтожая высокое призвание человека как образа и подобия Божия. Через отношение к человеку мы оцениваем и отношение к Богу, ибо человек становится абсолютной ценностью только тогда, когда не является объектом оболванивания и эксплуатации. Когда в человеке признается образ и подобие Бога. Только в таком Начале человек является ценностью более значимой, чем весь природный космос. И если для социализма Беломорканал стал великим символом, стоившим крови сотен тысяч, то для христианства даже самый последний человек на Земле выше и значительнее любых достижений материальной цивилизации.

Бюрократизм и универсальный, всепоглощающий контроль за духом лишь производная идеи марксизма. Я не приемлю философию марксизма, в которой человек огосударственлен и становится ценным только в рамках государственной системы — как компонент массы.

Способ сопротивления системе я увидел в иной постановке проблемы человека. Наиболее близкая мне концепция личности дана в учении Господа нашего Иисуса Христа. На мой взгляд, те изменения в общественном сознании, которые сейчас происходят, в наиболее воплощенной части представляют собой движение к раскрепощению духа. И я стою за революцию духа и ценностей, пробуждающих в человеке неотъемлемое чувство единства с Богом.

После разочарования в марксизме мои друзья и я пришли в лоно Церкви и стали носителями религиозно-ренессансного сознания. Это веяние духа у нас внутри оформилось внешне в организацию в 1974 году христианского семинара по вопросам религиозного возрождения. Наш семинар перед лицом молчащей Церкви пытался разрешить проблемы жизни православного христианина согласно христианской совести внутри советского общества. После нашего ареста только на допросы вызывалось более 300 человек. Семинар был общесоюзным, в нем принимали участие и представители западных конфессий: протестанты, католики.

Конкретной нашей целью было создание живой религиозной общины и реализация святого Предания. Церковь имела тяжелый опыт в истории советского государства, но опыт этот не нашел отражения в официальном церковном сознании. На семинаре читались доклады на темы «Церковь и государство», «История Церкви» и другие. В рамках семинара издавался журнал «Община».

Частично цели достигнуты. Идеи семинара распространялись, к нам шла молодежь, началось создание общин «на земле», организовывались клубы и секции для хиппи и студентов. Православие, в отличие от марксизма, дает свободу политического выбора — плюрализм. Политические убеждения не навязываются членам Церкви. Принцип Православия — Свобода. Диалог души с Богом нельзя опосредовать ничем, в том числе и политикой. «Дух дышит, где хочет».

Для меня личное и общественное неделимы. Поэтому общей целью своей и общественной считал христианизацию страны.

В юности я был убежденным марксистом, участвовал в боевой комсомольской дружине, мне даже предлагали поступить в закрытую школу КГБ. Толчком к разрыву с мертвящей идеологией стал опыт работы в аппарате чистопольского горисполкома (я родился в Чистополе и поэтому не сидел там). Увидел изнанку системы: распределители, доносы, лицемерие. Перелом шел медленно и безболезненно, ведь я был воинствующим активистом. Но чем дольше я видел зло, изучал духовную культуру (будучи членом бюро горкома комсомола), тем понятнее становилась необходимость Бога.

Вопрос: *Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?*

Ответ: Наша деятельность на попроще религиозного возрождения носила подчеркнуто легальный характер. Для демонстрации гласности журнал «Община» подписывался настоящими именами, без псевдонимов. Указывался адрес редакции, состав авторов. Мы отстаивали право на свободную, бесцензурную печать. Но именно издание журнала и «Декларация принципов христианского семинара» стали главными пунктами последующего обвинения.

Ареста я ожидал, даже примерно знал дату. Получил предварительно предупреждения (еще в 1970 году против меня возбудили дело по 190 — 1, но тогда его закрыли. В 1976 году — второе предупреждение, разыгранное, как спектакль, — с арестом и освобождением). Перед настоящим арестом я решил не скрываться, не идти на компромиссы, дабы избежать наказания. Формально меня сначала обвинили в тунеядстве. Почему я не остановился, не прекратил деятельности, имея целый месяц (после предупреж-

дения) на размышления? Этот нравственный вопрос обсуждался на семинаре, и я решил сознательно пойти на арест. Любая идея для обретения духа нуждается в крови, любое религиозное дело требует жертвы. Без страдания вера пуста. Арест и был жертвой во имя Бога.

Я хотел обратить внимание общественности на положение Церкви в стране, стать живым доказательством гонений за веру. Лично для себя пытался уяснить, способен ли страдать за Бога, потом понял слова апостола Павла: «Все могу во всеукрепляющем меня Господе».

Вопрос: Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходил арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?

Ответ: Меня взяли в 1978 году на улице, неожиданно, в Калининской области. Прямо сказали, что вопрос о моем аресте обсуждался накануне до позднего вечера. Ждали реакции, слов, действий. Была возможность бежать. Я ею не воспользовался. И правильно поступил. Испытал после ареста чувство облегчения: снята ноша ответственности. И потом уже в ШИЗО, во время голодовок в лагере и тюрьме ощущение легкости и свободы не покидало меня.

По первому делу — за «тунеядство» — получил год, как испытание, для «охлаждения пыла». Отбывал на Дальнем Востоке — в Комсомольске-на-Амуре. В основном сидел в карцерах. Активно занимался проповедью, за что был обвинен в «подготовке боевиков на зоне». За два месяца до освобождения меня отвезли в Ленинград, в следственную тюрьму КГБ. Привезли с двойной целью. Первая — раскаяние в обмен за свободу или новый срок, но уже по 70-й (антисоветская пропаганда). Напомнили об издании журнала «Община», о моих статьях «Христианский кружок в Москве»,

«Выступление против злоупотребления психиатрией», «Обращение к католикам Италии» (предупреждение о терроре «красных бригад»). В итоге сделанного мною выбора между свободой и тюрьмой я получил 6 лет заключения плюс 5 лет ссылки. Следствие началось в Ленинграде, затем продолжалось в Калинин. Обвинение: с 1975 года активная антисоветская деятельность, организация «сборищ», распространение клеветы о советской власти, агитация, пропаганда книг Евдокимова, Буковского, Амальрика под видом религиозной проповеди. И еще «вступил в преступный сговор с Владимиром Порешом, издавал антисоветский журнал, искажал интернациональную помощь Чехословакии в 1968 году».

В Чехословакии действительно был создан религиозный семинар по нашему образцу, и мы приветствовали его через радио «Свобода». Мне инкриминировали обращение «Нашим друзьям в Чехословакии» и «Письмо Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей доктору Поттеру». СССР состоял членом этого Совета с 1961 года и склонял участников лишь к одной линии — борьбе за мир. Использовались в основном представители стран Азии и Восточной Европы. К 1975 году Совет превратился в полусоветскую организацию. Делегация Русской Православной Церкви выдвинула ультиматум о выходе из Совета в случае принятия моего критического письма. В рамках Совета была все же создана комиссия по расследованию деятельности церкви в СССР и Восточной Европе.

С августа 1979 года до начала 80-х годов проводились аресты активистов нашего семинара. На 36-й зоне пермских лагерей собрались лидеры, и зону называли «паровозной». В лагере я поставил целью добиться для узников совести права иметь Библию, религиозную литературу, носить нательный крест. И не только для политзаключенных, а для всех верующих, даже уголовников. Потребовал права для верующих встречаться со священнослужителями для исполнения та-

инства исповеди и причастия. Добиваясь этих требований, я в общей сложности провел в голодовках около 700 суток.

Голодовка по вновь введенным закрытым инструкциям считалась злостным нарушением лагерного режима, каралась карцером. Но я весь срок воевал. В октябре 1983 года указом Президиума Верховного Совета ввели 188-ю статью, обрекающую заключенного на пожизненное пребывание в зоне. За день до окончания своего срока я был вновь арестован в лагере и обвинен по 188 — 3. К этому времени я уже отбыл в заключении 7 лет. Инкриминировали нарушение режима, организацию забастовок, голодовок, протестов, лидерство в зоне.

Обманули мою мать и жену, приехавших на свидание. Сказали им, что я уже отправлен в ссылку, не сообщив о новом аресте.

За месяц до этого следователь КГБ Щукин ознакомил меня со статьей 70, частью 2, предусматривающей срок 15 лет, но предупредил, что вначале я отвечу по 188 — 3. Мне прямо говорили: «Вы наш постоянный клиент. Или поставим вас на колени, или останетесь у нас навсегда».

Я никогда не признавал свою виновность. Любое следствие использовал для исповедания своей веры и гражданской позиции. После обвинения по статье 70 я отказался ходить на допросы: меня на них носили на руках. Я соглашался признавать только факты, а Володя Пореш просто взял на себя все, всю вину, всю активность.

На всю жизнь запомню, как мою престарелую мать, единственного свидетеля, выволокли силой из зала суда. Они боялись, что даже мать услышит мои слова. Ночью в камере я тогда вскрыл себе вены.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: С администрацией я имел постоянные кон-

фликты. Но считал наиболее достойным поведение без всякой тактики, без компромиссов.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Режим жизни зэка однообразен. Ежедневно нас пытались превратить в животных, по капле выдавать все человеческое, свести существование к чисто физиологическим отправлениям.

Самые страшные моменты — ощущение забытости миром, богооставленности, отчаяние, чувство погребенности под землей заживо. Представьте: нет права на жизнь, видеть небо, наслаждаться запахами цветов.

Потом уже на воле узнал из телефонного разговора с Майклом Бурдо*: забыт я не был, удалось привлечь внимание верующих даже в далекой Австралии, воистину у веры нет границ и расстояний.

Трудно переносить пытку голодом и холодом, изнурительный, вытягивающий жилы труд, от постоянного холода я получил парез левой половины лица.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Разумеется, не ожидал увидеть волю. Но некоторые признаки (свидание с матерью) заставили предположить: там что-то происходит. 14 февраля 1987 года меня вызвали в штаб колонии. В тот момент я обсуждал с другом план тайной помощи продуктами и табаком узникам ПКТ (помещение камерного типа). Пришли за мной «фраер» и «хозяин», т. е. чекист и начальник лагеря. Одного меня уголов-

*Майкл Бурдо — руководитель «Кестон Колледж», британской христианской организации, защищающей права верующих.

ники никуда не отпускали. Еще в августе 1986 года меня жестоко избили за ношение креста — прямо перед строем, но я отказался снять крест, сославшись на Конституцию и Хельсинкский пакт. Тогда заломили руки, отвели в помещение, стали избивать и пытаться. Называется у них: «обрабатывать». Приснули в лицо газ «Черемуха-10». Формально голодовкой добился возбуждения уголовного дела, которое, естественно, быстро прекратили. Администрация угрожала тогда объявить меня гомосексуалистом и причислить к «пинчам», «касте неприкасаемых» (гомосексуалисты презираются, к ним нельзя прикасаться, у них свой стол в столовой).

Я подумал, что пришедшие вновь задумали провокацию, и идти с ними отказался, меня поддержали уголовники. Но чекист сказал: «Советское правительство считает, что вы свой срок отсидели. Вы свободны. Вас ждет сестра с мужем. Соберите вещи и уходите». Еще с ноября меня из карцера регулярно водили «на беседы», где рассказывали «о перестройке и демократизации». «Вы могли бы найти себе место в перестройке», — уговаривали меня. В январе 1987 года прокурор Хабаровского края и чекисты настоятельно предлагали мне написать бумагу, нет, ни в коем случае не с просьбой о помиловании. «Напишите, что вы поддерживаете реформы Горбачева и что не собираетесь воевать с советской властью». — «Последнее я не напишу, хотя и не воевал с вашей властью и раньше». Я написал, что реформы поддерживаю и что являюсь сыном православной Церкви и узником совести.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Безусловно, тюрьма дала многое. Углубила духовный опыт. Дала иное переживание Времени. Жалею, что до заключения многие часы и минуты про-

шли впустую. Если можно было бы повернуть жизнь назад, постарался бы ценить каждый миг в Океане Времени. От деятельности я не отказался. Учитывая свой духовный опыт и характер происходящих перемен, вновь призываю людей искать пути к диалогу во имя дела христианской любви. Это для устроения вожделенной обители мира на полях моей родной страны. Цель моей жизни и деятельности сейчас — вновь способствовать, хоть ничтожно, делу религиозного возрождения и нравственной революции, прогрессу церковных прав и свобод, их меньшей зависимости от государства. Начал издавать журнал «Бюллетень христианской общественности», снова проповедую добро и смирение на благо своего народа.

Вопрос: Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?

Ответ: Факты гласности, с которыми я столкнулся, не являют собой картину открытости общества и терпимости к плюрализму. Но по сравнению с прошлым произошла целая революция в средствах информации и общественном сознании. Меньше страха, хотя он и остался. Но нельзя забывать того уровня, от которого мы ведем отсчет. До подлинной гласности далеко, далеко до открытого выражения взглядов.

О своей роли. Издаю независимый журнал. Официальные же органы перестройки не отвели мне в ней место. Пока остаюсь «персона нон грата» — нет прописки на территории СССР, не имею жилья, ночую где придется, пристаёт милиция. На мои просьбы власти не отвечают. Вижу выход для всего народа, не только для отдельных слоев, в проявлении инициативы «снизу», создании независимой церковной общественности.

Милость от Бога всегда есть, не нужно ее ждать «сверху» — от государства.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Происходят небольшие изменения. Мы освобождены. Вопрос, остановиться или идти дальше, — это вопрос будущего страны, вопрос ее существования.

Существующий в СССР институт жестко регламентированной прописки является откровенным, узаконенным нарушением прав человека. Не только внешняя, но и внутренняя несвобода передвижения делает нас рабами. Отсутствует свобода церкви и общественной инициативы. Необходима свобода выезда и въезда — одна из определяющих природную и данную Богом потребность человека.

Для меня лично главное — свобода церковная, ощущение себя сыном Бога живого, исполнение миссии, возложенной на нас Творцом.

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: Сейчас борюсь за прописку, за право на жилье — право не ночевать под открытым небом. Хочу жить под Москвой, купить дом и быть рядом с 10-летним сыном. (Жене сказали, что я никогда не выйду из заключения живым, и перед самым моим освобождением она оставила меня.) В смысле светской работы — я классический аутсайдер. Материально буду существовать, работая во имя заветов Господа. Моя миссия — бродячий проповедник, кто примет, тот и даст хлеб.

* * *

С 1987 по 1989 год А. И. Огородников — издатель и главный редактор неподцензурного журнала «Бюллетень христианской общественности». В 1987 году — один из награжденных Премией религиозной свободы, учрежденной рядом американских религиозных и правозащитных организаций. В 1989 году основал политическую организацию — Христианско-демократический союз России. С тех пор является председателем ХДСР.

Основал первый в России детский христианский приют, занимается религиозным просвещением и образованием. Подвергался преследованиям властей за свою деятельность.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Я бы хотел начать с отличия России от других восточноевропейских стран, где пал коммунизм. Скажем, в Чехии президентом был избран правозащитник, диссидент Вацлав Гавел. В России же, когда демократическое движение стало искать в своих рядах харизматического лидера, то его не нашлось. Произошла подмена — место лидера заняли не бывшие диссиденты, а выдвигенец партноменклатуры. Небольшая группа диссидентов поддержала его и дала ему тем самым демократическую легитимность. Надеялись на то, что Ельцин воплотит демократические лозунги в жизнь. Позже в демократическое движение влились члены бывшей и действующей номенклатуры, которые, кстати, внесли в него яростный антикоммунизм, которого не было у большинства диссидентов. Эти представители номенклатуры, еще с партбилетами в карманах, оказались оборотнями-перевертышами — самыми большими и крикливыми критиками коммунистической системы. А диссидентов они стали использовать как ширму и символ для прикрытия своих действий.

Эти выходцы из партноменклатуры, взявшие власть после августовского путча 91-го года, стали делить квартиры, машины, кабинеты — всю страну. Они и приватизировали все — экономику и власть. В результате мы получили уродливую ситуацию.

В итоге нет никаких политических партий, кроме КПРФ и партии Жириновского, которая скорее похожа на торгово-закупочный политический холдинг.

Нет никакой свободной прессы — СМИ просто выражают интересы олигархов различных промышленно-финансовых групп. Человек оказался совершенно беззащитным перед чиновником.

Этого не было при советской власти. В классической коммунистической системе человек был более защищен. Чтобы, например, арестовать человека в СССР, в том числе диссидента, нужно было включить некий государственный механизм. Сейчас же нет на практике никакого правового механизма. Царит полный произвол. Я не защищаю советскую систему, но она все же давала определенные гарантии базовых прав гражданам. Тебя не могли просто так, ни с того ни с сего арестовать. Ты должен был что-то совершить, и диссиденты знали, что их могут арестовать за их действия. Если раньше могли арестовать — по закону, то теперь могут просто убить — без всякого закона.

Теперь же милиция может просто задержать человека, например чтобы нажиться на взятке.

Нынешние олигархи сохранили систему лжи для народа, которая была и в СССР. Ложь стала плотью новой системы. Но если раньше ложь оправдывалась интересами идеологии, то теперь ложь — ради лжи и денег. Правозащитники, боровшиеся с ложью при советской системе и отдавшие за это свою свободу, стали сегодня изгоями общества. Мы, диссиденты, оказались не востребованными. В то время как сидящие во власти олигархи делали карьеру в советском обществе, мы сидели за решеткой за отказ участвовать во лжи. Поразительно, даже спецслужбы и другие правоохранительные органы стали одной из «крыш» нынешнего олигархического режима, замешанного на криминале. У нас уже трудно отличить, где кончается государственная власть, а где начинается криминальный мир.

Криминальные структуры с успехом действуют под прикрытием государственных организаций. Такого в СССР не было, криминальный авторитет не мог сидеть ни в Верховном Совете, ни в Кремле.

К сожалению, я не вижу той силы, которую готов бы был поддержать на выборах. Практически все кандидаты во власть связаны с деньгами и коммерческими структурами. Выход я вижу в нравственном совершен-

ствовании общества. Необходима новая сверхидея, идея религиозного обновления. Нужно обратиться к Богу, к истокам. И этот процесс уже идет. Возводятся новые храмы, появляется христианская пресса, христианское сознание выходит из того гетто, в котором оно пребывало в советские времена.

С одной стороны — процесс гниения, лжи, поколение пепси-колы, но с другой — растет новое поколение, наша надежда.

Я выступаю не столько за сильное государство, сильное оружием, сколько за государство нравственное. Нравственность даст ему силы.

Я хочу, чтобы чиновник исходил из идеи служения гражданам, сегодня же чиновник приходит, чтобы воровать. В постсоветской России уже вдвое больше чиновников, чем было в СССР.

Я не считаю, что у нас есть рынок. Собственность просто поделена между олигархическими кланами. Нет конкуренции, есть монополия, только уже не советской власти, а небольшой группы людей.

Попробуйте открыть нормальный бизнес в Москве. Вас просто уничтожат, не только экономически, могут и физически, если вы не пойдете на поклон к чиновнику со взяткой или к мафии, что по сути одно и то же, разве что дешевле.

Если в период Горбачева и после путча царила эйфория, появилась надежда на создание цивилизованного общества, то Ельцин сменил это смесью социального дарвинизма — где выживает сильнейший — с постмодернистским культом русского фатализма.

Произошло чудовищное промывание мозгов. Нам внушили, что жульничество, коррупция, незаконные формы обогащения, финансовые пирамиды — это норма для переходного периода.

Нормой стало воровство у государства. Если вас обворовали — это тоже норма при режиме Ельцина.

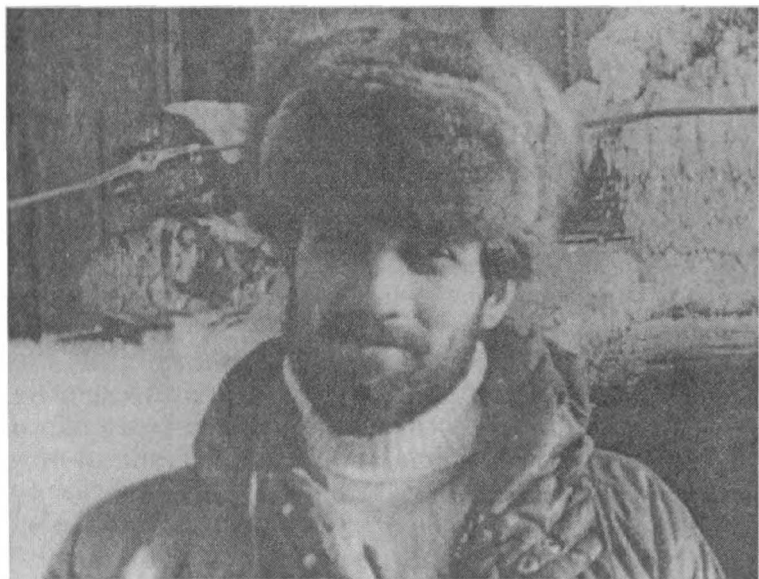
В нас вдалбливают мысль, что первоначальное накопление всегда преступно. Вам не отдали ваш вклад в банке — нормально, зато дети тех, кто вас обо-

крал, закончат Оксфорд и создадут вам хорошую жизнь. Не нужно протестовать, господа, — вот идеология Ельцина.

Лозунг режима: «Криминал — это норма». А все эти голодные врачи, учителя, шахтеры — это ничемные люди, которые не вписались в новую систему координат.

Я глубоко убежден, что нынешняя идеология и режим Ельцина преступны и бесчеловечны.

БЕСЕДА С АЛЕКСАНДРОМ ПОДРАБИНЕКОМ

*Подрабинек Александр Пинхосович,
род. 08.08.1953 г., фельдшер.*

*Арестован 13.06.1980 г. за обращение
к Конгрессу США, издание книги «Каратель-
ная медицина» на английском языке.
Статья 190 — 1 — осужден на 3,5 года лагеря
(с учетом оставшегося срока ссылки).*

*Ранее: арестован в 1978 г. —
написание книги о злоупотреблениях психиат-
рией в политических целях
(«Карательная медицина»).*

*Статья 190 — 1, приговор — 5 лет ссылки.
Освобожден в 1983 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Со школьной скамьи не принимал государственную идеологию, первоначально — в ее теоретических основах. Позже разногласия возникли практически по всем аспектам приложения идеологии к жизни. Внутренний конфликт с системой был обусловлен большой степенью несвободы в стране, которую я ощущал. Замечу, несвободы собственной чувствовал меньше, зато наблюдал ее на примере других людей. Оккупация Чехословакии в 1968 году произвела на меня, 15-летнего юношу, сильнейшее впечатление. Вместе с отцом и братом я вышел тогда с протестом на Пушкинскую площадь в Москве.

Будучи молод, я склонялся к нелегальным методам сопротивления злу — изготовлял листовки. После окончания средней школы мои убеждения уже принципиально не менялись, лишь приобретали иные оттенки. Помню споры с отцом о Ленине. Отец находил аргументы в его пользу, защищал. Споры нередко кончались конфликтами.

В 1972 году познакомился с известным правозащитником Андреем Твердохлебовым. Предложил ему услуги — играть роль «своего игрока в чужой команде» — устроиться в психиатрическую больницу и информировать о злоупотреблениях. Тема злоупотреблений в психиатрии увлекала меня с 1969 года. Совпали два обстоятельства: я избрал медицину своей специальностью и в руки попал номер «Хроники текущих событий».

Первостепенным мотивом дальнейшей деятельности было желание во что бы то ни стало добиться справедливости. Мотив носил скорее нравственный, а не политический характер. Осознавая глубокую неспра-

ведливость в обществе, хотел выступить на стороне гонимых. Внутренне считаю все свои личные цели достигнутыми. Нравственно полностью удовлетворен. Испытывал упоительное состояние бесстрашия, осознавая праведность своего дела. На практике же были и успехи, и неудачи. К успехам отнесу публикацию книги «Карательная медицина». Сейчас я написал бы ее иначе, лучше и глубже. Эта книга сыграла известную роль на конгрессе психиатров в Гонолулу, где она была представлена участникам «Международной амнистии». СССР вынужден был выйти из Международной ассоциации психиатров.

С 5 января 1977 года участвовал в «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях». Деятельность приносила плоды, удалось кое-кого вытащить из «психушки»: отпустили, например, Михаила Кукобаку, Вадима Коновалихина, которому грозила СПБ (спецпсихбольница тюремного типа), его отправили в лагерь. Таких было около 50 человек. Врачебную экспертизу проводили доктора Александр Волошанович и Анатолий Корягин.

Личную причину своей деятельности не припомню, назову «генетическую». В моем роду много революционеров. Прадед — эсер, эмигрировал в США, дед — коммунист, расстрелян в 1937 году, отец сидел в 30-е годы в сталинских лагерях.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: В аресте не сомневался. Ощущение неизбежного ареста появилось, когда начал в 1973 году писать книгу «Карательная медицина». Полная уверенность пришла после решения подписать ее своим именем. Не взвешивал и не анализировал последствий. Как ни странно, даже прагматически безоглядность приносит лучшие результаты, чем попытка лавировать. Я действовал в правовых рамках, но право — фикция.

Карательный аппарат государства действует прежде всего из политических соображений. Пренебрегая правом, государство делает так, как нужно ему.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления того периода?*

Ответ: Первый арест — 1978 года — перенес спокойно. Второй — в 1980-м — еще более спокойно. Я знал об аресте за несколько дней, знал, когда и где будет обыск. У нас был свой человек в КГБ — капитан Виктор Орехов, впоследствии жестоко осужденный за «измену Родине». Он проводил у меня обыск в 1977 году, работал в управлении, которое «обслуживало» диссидентов. Вероятно, общение со средой правозащитников, интерес к другой жизни, где есть свобода, литература, умные разговоры, произвели на него впечатление. И там попадают люди!

Арест мой прошел «по-римски», за пиршественным столом в доме у Ирины Гривниной (сейчас живет в Голландии). Я собрал гостей — своих друзей. По сообщенным данным, меня должны были взять 15 мая 1978 года, в день начала суда над Юрием Орловым: планировали задержать у здания суда. Можно было убежать, спрятаться, как сделал Орлов, оттянув арест на 10 дней, в которые успел попрощаться с близкими, сделать кое-какие дела. Я решил оставаться на месте. Работал фельдшером на «Скорой помощи», за мной уже ездили их машины: вели наблюдение. Накануне ареста, 14 мая, собрались у Гривниной гости, все, конечно, знавшие. Стол накрыли роскошный. Даже сейчас чувствую запах того плова, в мою честь. Но они нагрянули прямо перед обедом. По сей день жалею, что не отведал плова.

Следствия как такового и не проводили. Отказался участвовать, не разговаривал, нигде не поставил ни

одной подписи. Как выяснилось, следствие начали еще за полгода до ареста, так что все «материалы» уже были у *них* готовы. (Следователь Гуженков из Московской областной прокуратуры.) Обвинение строилось целиком по эпизодам моей книги, в основном по тем, что касались смертных случаев в СПБ, убийств, условий содержания. Проводилась историческая, идеологическая и литературная «экспертиза». Увидев много процессуальных нарушений, я попросил процессуальный кодекс — не дали. Пришлось добиваться его голодовкой.

Никаких компромиссов не допускал, даже не считал нужным отстаивать свои убеждения — полностью игнорировал следствие. Во время второго следствия компромисс один был. (Первый арест — за книгу, получил ссылку. Вторично арестован в ссылке за обращение к Конгрессу США с призывом не ратифицировать договор ОСВ-2, написанное в 1979 году.)

При знакомстве с материалами дела обнаружил в нем «Доктора Живаго». Не заметил, как увлекся и начал читать роман (тоже документ следствия — имею право!). Читал бы не меньше недели, но пошел на компромисс со следователем — согласился сократить чтение до двух дней при условии вернуть часть бумаг моей жене.

Потрясающее чувство счастья, в реальности длившееся несколько секунд, растянулось в ощущениях на всю жизнь. Суд проходил в подмосковном городе Электросталь. Когда меня после оглашения приговора вывели из здания суда — от порога оставалось три шага до «воронка» с решетками, я услышал, как скандировала толпа: «Саша! Саша! Саша!» Я почувствовал могучую поддержку друзей. Такое не забывается.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Из трех с половиной лет заключения в лагере на зоне я провел лишь шесть месяцев. Больше года —

в ШИЗО, еще в ПКТ, в больнице. Сознательно, специально на конфронтацию с администрацией не шел. Но у них профессиональный, собачий (как у гончей) нюх на людей, которые держатся с достоинством, даже внутренне. Таких людей стараются изолировать, провозируют. «Старые псы» видят душу по глазам. В глазах должна быть покорность. Мои глаза не нравились, вероятно, из-за выражения независимости. Поэтому большую часть срока провел в одиночках.

Принципиально отказался добиваться статуса политзаключенного — я против этого статуса. Ведь тогда предусматриваются определенные льготы — книги, посылки, а иначе — дискриминация других заключенных. Считаю, что *все* зэки должны иметь нормальные *человеческие* условия существования. Есть и читать хотят *все* люди.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Самое тяжелое — голод. Однажды я провел подряд 115 суток в ШИЗО. Попробуйте сомкнуть пальцы одной руки на голени — я мог, доведенный до крайнего истощения. Оказывали самую примитивную медицинскую помощь. Что такое голод? В ШИЗО — 450 г хлеба ежедневно, через день — «бурда», «баланда» — вода с рыбьими костями или отваром овса. Питание практически граничит с пыткой. Расскажу о взаимоотношениях с другими заключенными. Я прошел по этапам от Москвы до Якутска, по так называемому Большому пути — через Свердловск, Новосибирск, — по пересыльным тюрьмам. Нравы на пересылках концентрированно отражают нравы всего уголовного мира. С точки зрения уголовного мировосприятия я имел минусы — *москвич* (москвичей ненавидят из зависти), *еврей*. Но эти «недостатки» перекрывались и полностью компенсировались политической статьёй. В Свердловской пересыльной тюрьме на мне была куртка «олимпийка». Естественно, как водится, «крысятники», шпана хотели ее отнять. Я подготовился к драке. Ус-

тупать нельзя и по мелочам, дальше — хуже. Пошел один — навстречу толпе. Сошлись на метр, вдруг слышу: «Эй, борода! Не ты ли написал книгу за заключенных?» — вступился зэк с авторитетом. Зачинщиков избили. Вот так уважают политических «преступников».

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: В декабре 1983 года, за девять дней до окончания срока, на якутскую зону (Большая Марха) ко мне приехал некий чекист — Волин. Всячески пытался выяснить мои настроения, отношение к государству. Отвечать я избегал. Он сказал: «Мы не требуем никаких письменных заверений, дайте устное обещание отказаться от деятельности». Я ответил определенно: «Никаких обещаний не дам. Было бы глупо. Если пообещаю, то почему вы должны мне верить? Нарушу обещание — все равно посадите». Чекист сожалел. Я же приготовил вещи на следующий срок. Но неожиданно меня освободили. Тот же Волин, как выяснилось, был и у Бахмина, и у Терновского, и у Абрамкина.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Тюрьма дала ценный жизненный опыт, хотя эти годы можно было бы провести с большей пользой. Тюрьма — *благая* неизбежность. Мы порой и не знаем, улыбается нам судьба или скалится. После ШИЗО у меня начался туберкулез легких. Но состояние здоровья определяется духовной выдержанностью.

Убеждения мои не изменились, от деятельности не отказался. Мне неоднократно предлагали уехать из

СССР. 1 декабря 1977 года меня, отца и брата Кирилла вызвали повесткой в Приемную КГБ. Я не пошел. Вечером меня задержали и предложили в 20 дней покинуть страну. Мы решили, что уехать можем только все вместе — семьей. Брату неожиданно инкриминировали хранение оружия — ружье для подводной охоты. 5 декабря на пресс-конференции у Андрея Сахарова я заявил, что не покину СССР. В 1986 году снова предложили эмигрировать. Проходила лавина превентивных бесед «на воле» и одновременно ужесточение режима в лагерях. Я расценил ситуацию как беспомощность властей. В КГБ — системе «кнута и пряника» — беседы со мной проводил некто Каратаев — «пряник». Он сказал: «Ваши контакты с Юрием Медведковым нужно прекратить, и, вообще, уезжайте отсюда со всеми родственниками». Я ответил: «Я в своей стране и предпочитаю, чтобы эмигрировало КГБ». Не могу смириться с произволом: веду себя так, как считаю нужным, а не как диктует чувство самозащиты.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Я все больше склоняюсь к мысли, что гласность и перестройка — пропагандистский блеф. Подозреваю, что блеф и есть цель всей кампании. Начинаю сомневаться в искренности нового руководства. Задаю вопрос: а что за душой? Но с политической точки зрения нелепо не воспользоваться представившимися возможностями. Политические заключенные, освободившись, сломались на выданном авансе — «прянике», и большинство из них отошло от всяких дел. А дел хоть отбавляй. И эмиграция — не самое важное. Миллионы людей хотят жить здесь, на Родине. Проблемы нашей страны несопоставимы по уровню с проблемой эмиграции.

Свою роль вижу в максимальном использовании создавшегося положения. На благо страны. К счастью,

пока нет прямых репрессий против людей, защищенных «паблисити» на Западе.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Реально нарушения прав человека в СССР микроскопически уменьшились. Стало меньше политических преследований. Сейчас терпят людей, которым бы пару лет назад тут же бы дали 7 лет лагеря плюс 5 лет ссылки по 70-й статье.

Право номер один: право человека на защиту Закона. Наш закон плох, но в основном не противонравственен. Осуждается убийство, воровство.

С другой стороны, имеются и откровенно безнравственные статьи кодекса и меры наказания. Закон должен эволюционировать по мере развития общества. Общество сделало шаг, закон остался на прежнем месте.

Убежден, духовное возрождение стоит не на праве выехать и даже не только на свободе передвижения.

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: Имеется некоторая тактика поведения с властями. Я хоть и ратую за открытую деятельность, но если бы рассказывал *все* — вряд ли удалось бы написать и опубликовать книгу. Недавно начал издавать еженедельный бюллетень «Экспресс-хроника». Печатаем на машинке 5 — 7 страниц. Фотокопируем, получается «карманный» размер. Рассылаем по стране для информирования людей о событиях.

Житейские проблемы связаны с переездом поближе к Москве. Работаю фельдшером на «Скорой помощи» в 40 км от дома. Пока не разрешают жить и работать в одном месте.

* * *

С 1987 года А. Подрабинек — главный редактор независимого еженедельника «Экспресс-хроника».

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: От старых знакомых, особенно зарубежных, слышишь чаще всего два вопроса: «А что с правами человека теперь?» и «Это то, за что вы боролись?».

На первый вопрос я отвечаю так. Между положением нынешним и вчерашним — пропасть. Ситуация в области гражданских свобод и основных прав человека просто несопоставима с социалистической. Сегодня в России существует реальная свобода печати, свобода получения и распространения информации; свобода собраний, политической и профсоюзной деятельности; свобода митингов и демонстраций; реально действующая избирательная система, свобода передвижений, религиозная свобода, свобода предпринимательства, институты парламентаризма.

Значит ли это, что ситуация с правами человека благополучна? Отнюдь. Свобода печати скована диктатом владельцев прессы, избирательная система далека от совершенства, религиозная свобода подавляется законодательными и практическими ограничениями, предпринимательство удушается коррумпированным чиновничеством и организованной преступностью, парламент смешон и слабоинтеллектуален. Плохо все? — Плохо! Лучше, чем было раньше? — Несравненно! Вспомните: адвентистов и баптистов сажали в лагеря просто за факт участия в незарегистрированной общине, за самиздат сажали на 3 — 7 лет, информация зарубежного радио глушилась. На выборах всегда был один блок — коммунистов и беспартийных, и не голосовать было опасно, предпринимателей называли деятелями теневой экономики и упекали за решетку, любого могли засадить в психбольницу. Перечислять можно очень долго. Вот еще очень важное — книгопечатание свободно! И продавать книги тоже можно свободно.

Сегодня люди стонут из-за действительно трудной жизни, инфляции, безработицы и высоких цен. Очень многие, особенно люди старших поколений,

испытывают глухое раздражение из-за внезапно свалившейся на них свободы. Ты сам себе хозяин, никто не обязан о тебе заботиться — для советского сознания это груз непосильный. Поэтому так настойчивы еще политические попытки вернуться к распределительной системе, принудительному патронажу общества под видом социальной заботы, защиты нравственности или обеспечения государственной безопасности. Политическое противостояние коммунистов и демократов — это отражение борьбы холопского и свободного сознания.

Сегодня из десяти человек, поставленных перед альтернативой «свобода или гарантированное экономическое благополучие», девять выберут благополучие. Один — свободу. Но прогресс, я думаю, есть, потому что вчера так выбрало бы 99 человек из ста.

То ли это самое, за что мы боролись? И да, и нет. Да — потому, что стало лучше. Нет — потому, что рано ставить точку. Честность требует признать, что по сравнению с эпохой социализма положение в стране улучшилось.

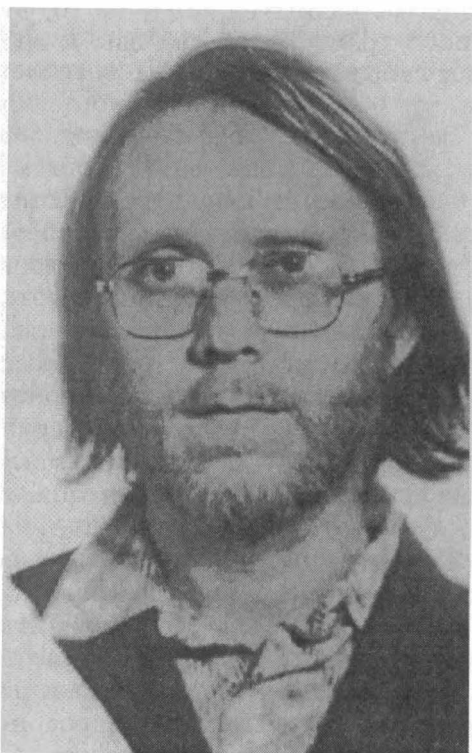
Порядочность и предусмотрительность заставляют продолжать критику государства и нарушений прав человека.

Радостное осознание дистанции между социализмом и сегодняшним днем не повод для прекращения нашей деятельности. Предусмотрительность сегодня состоит в том, чтобы понимать, что остановка России на пути к стабильной и защищенной демократии чревата возвращением к тоталитаризму. Увы, остановка на этом пути — факт. Самые наглядные свидетельства этого — возвращение к психологии и политике изоляционизма, стремление противопоставить Россию всему западному миру, курс на конфронтацию с НАТО, поиск «друзей» среди диктаторов типа Саддама Хусейна или Каддафи, солидарность на международной арене и укрепление сотрудничества с коммунистическими Китаем и Кубой. Все эти рецидивы советской политики встречают «понимание» в сво-

бодной российской прессе, в значительной части общества, в сознании многих людей, не умеющих делать самостоятельный выбор в свободных условиях. Комплекс униженной империи и идеи великодержавного могущества все еще владеют умами миллионов россиян — в недалеком прошлом «простых советских людей».

Все это не оставляет надежды на то, что деятельность в защиту гражданской свободы и прав человека можно будет скоро прекратить.

БЕСЕДА С КИРИЛЛОМ ПОПОВЫМ

*Попов Кирил Николаевич,
род. 09.11.1949 г., инженер-химик.
Арестован 19.06.1985 г.,
осужден на 6 лет строгого режима
плюс 5 лет ссылки. Статья 70.
Гуманитарная помощь политзаключенным и их
семьям, сбор правозащитной информации.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Я не случайно занимался правозащитной деятельностью. Меня давно, еще со студенческих лет, волновало отсутствие в стране духовных свобод. Кстати, отсутствие экономических свобод, приведшее к кризису, обусловлено отсутствием духовных. С проблемой закрытости культурной информации я столкнулся еще школьником, когда пытался найти в библиотеке философские книги Сергея Булгакова, Бердяева, Мережковского, Шопенгауэра. Мне сказали, что для чтения этих книг необходимо иметь спецразрешение, так как они находятся в закрытом фонде — спецхране. Я задумался: как же может существовать общество, в котором литературу дают читать только доверенным лицам? К 1967 году, поступив на химический факультет Московского университета, я уже сделал основные выводы о советской системе. Еще в детстве, мальчиком, я встретился с Борисом Пастернаком — нас познакомила Ольга Всеволодовна Ивинская, подруга моей мамы. Я знал историю «Доктора Живаго». Много лет спустя, в 1984 году, экземпляр этого романа (изданный в Италии) был изъят у меня при обыске.

Опыт жизни еще больше убеждал, что в стране наложены серьезные ограничения на распространение информации, литературы, на контакты с внешним миром, на религиозные действия, что было для меня особенно важно: я христианин. Став старше, я осознал и другие проблемы — несоблюдение прав человека, например. Мне очень хотелось понять, что же происходит, почему это так. Стал доставать неофициальные источники, *самиздатскую* литературу. С 1974 года начал читать «Хронику текущих событий», сыгравшую огромную роль в развитии общественного сознания.

Узнавал все больше нового — о положении в искусстве, религии, о проблеме эмиграции. Сначала был читателем, позже — участником издания «Хроники».

Я избрал ненасильственный путь сопротивления злу и несправедливости. Занимался сбором информации о нарушении гражданских прав, распространял ее и предавал огласке. Цель своей деятельности видел в том, чтобы заставить правительство уважать свой народ, соблюдать его права. Я выбрал такой путь, потому что он представлялся мне единственно реальным и обоснованным. Малореальным казалось мне создание в существующих условиях политических оппозиционных организаций.

В конце 60-х — начале 70-х годов правозащитное движение было единственной формой нравственного сопротивления, способной оказать положительное влияние на обстоятельства в стране.

Основной задачей правозащитников было обращение к международной и, по возможности, к советской общественности с целью добиться изменения положения с правами человека в стране.

Надеюсь, что поставленная задача хотя бы отчасти выполнена. Думаю, что в малом процессе освобождения политзаключенных есть вклад борцов 60-х и 70-х годов, мой скромный вклад тоже. Думаю, что обретшие сейчас свободу узники совести обязаны не либеральному крылу в партии. Не уверен, что таковое вообще есть, однако всё может быть. И всё же прежде всего они обязаны правозащитному движению и поддержке международной общественности.

Даже после формального разгрома организованного правозащитного движения — Хельсинкской группы, Фонда помощи политзаключенным — в стране остались люди, которые продолжали борьбу. Появились открытые письма в защиту преследуемых, на Западе стало известно о судах и положении в лагерях.

За период 1966 — 1985 годов вся информация о положении с правами человека публиковалась за рубежом, становилась достоянием гласности и фигуриро-

вала на международных встречах. Вопрос прав человека поднимался и тогда, когда на свободе уже не осталось объявленных членов группы «Хельсинки». Сведения о злоупотреблениях в психиатрии доходили до международных форумов врачей. После 1986 года члены комиссии по расследованию злоупотреблений в психиатрии В. Бахмин, А. Подрабинек, А. Корягин были арестованы.

Но документы, собранные ими, были обнародованы. СССР вышел из Всемирной ассоциации психиатров.

До тех пор пока существует хоть один политический узник СПБ (психиатрическая спецбольница тюремного типа), эти документы не утратят своего значения. Кстати, освобождение из психбольниц идет значительно медленнее, чем из лагерей и тюрем.

Я не могу отнести себя к людям, благополучно устроенным в жизни. Не сделал карьеру, не добился материальных благ. Здесь мне удалось немного. Поэтому у людей со стороны участие таких, как я, в правозащитной деятельности создавало впечатление о чисто личных мотивах. Не вполне согласен. Правозащитное движение как таковое имеет высокую общественную цель. И надеюсь, что все люди, участвующие в нем, ставят нравственные и общественные ценности выше личных и материальных. Хочу надеяться, что отношусь к их числу. Не думаю, что изменил бы своим принципам, находясь и на более высокой ступени общественной иерархии. Но практически во всех случаях более высокое положение порождает конформизм.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: В условиях тоталитарной системы нет понятия «правовые рамки». Раз так, если гражданин за открытое исповедание не только политических, но и религиозных убеждений может быть подвергнут пресле-

дованиям, то я не мог сбрасывать со счетов возможность своего ареста. До меня были арестованы многие мои друзья — и возможность ареста видел реально. Я сознательно следовал своим убеждениям, независимо от того, буду арестован или нет. Последнее у нас возможно разве что по случайности. Заранее трудно предсказать последствия. Каждый неконформист, выступающий открыто, может быть репрессирован в любой момент. Я знал, что рискую. Но грани риска в такой ситуации нет. Грань одна— молчать. Если не следовать этому, ты не застрахован.

***Вопрос:** Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: О деле. Несмотря на то что я не отрицал своей правозащитной деятельности, участия в сборе информации о нарушениях человеческих прав, я не выполнял такой важной роли, чтобы мне можно было инкриминировать преступление. Не существовало ни одного открытого письма, составленного или подписанного мною. У следствия не было и прямых доказательств моего участия в редактировании «Хроники текущих событий» и бюллетеня «В». Поэтому предполагал, что даже в случае ареста материалов на меня будет немного.

Но опыт друзей и мой показал: дела более чем наполовину фабрикуются. Пункты обвинения не только не соответствуют действительности, но и не доказываются.

Меня арестовали утром 19 июня 1985 года на моей квартире. После предъявления предварительного обвинения отвезли в СИЗО в Лефортово (следственный изолятор КГБ). Конкретные обвинения: сбор информации о нарушениях прав человека, «якобы существующих в СССР», о положении политзаключенных, редактирование материалов для «Хроники» и «В». Информацию

я действительно собирал, но что сумели доказать? Бывший политзаключенный Сергей Корехов (ранее он давал показания по делу Александра Гинзбурга) показал на следствии, что я предлагал ему помощь из фонда и показывал программу НТС (Народно-трудоустройственный союз российских солидаристов). Вот и все доказательства. Да, было еще одно — показания Андрея Кабурнеева-Вольского (фамилию он несколько раз менял, ранее давал показания по делу писателя Леонида Бородина). Он рассказал, что весной 1985 года я дал ему почитать две машинописные странички из бюллетеня «+19 +21», который был продолжением разгромленного «В». Так вот, этот мой старый знакомый, бывший баптист, перешедший в православие, счел своим христианским долгом отнести эти странички в КГБ. 7 апреля 1985 года Вольский пришел ко мне в квартиру и у меня на глазах пытался сделать обыск, однако ничего не нашел. Похитил Евангелие, молитвослов, некоторые письма, записки и паспорт. Когда я заявил в милицию, дело оформили как «задержание», но он показал, что я дал ему эти вещи добровольно на хранение, опасаясь ареста. На основании показаний «свидетелей» следствие признало за мной распространение самиздатских бюллетеней, информации о кришнаитах, о суде над преподавателем иврита Юлием Эдельштейном, о положении пятидесятников и о Николае Баранове, находившемся в спецпсихбольнице 17 лет (ныне выехал из СССР).

Из литературы, отобранной на 7 обысках в период 1970 — 1985 годов, антисоветской были признаны книги «Инерция страха» Турчина, «Великий террор» Конквиста, «Западня» Федосеева, «Хроника текущих событий», бюллетень «В» и «Бухарин» Козна.

Кроме того, я сам признался в составлении аннотации на брошюру Уранова «ССП. За власть Советов». Идея книги — о необходимости создания в СССР параллельной социалистической партии, предлагались устав и программа. Чекисты нашли у меня черновик аннотации, листовку «Хиппи 80-х». Ее я не писал, я только переписал от руки с оригинала.

На следствии выбрал такую линию: согласился, что занимался правозащитной деятельностью, сформулировал свою цель. О себе дал правдивые свидетельства, признал все, что сделал сам, отказался называть имена других. Естественно, отрицал ложь, т. е. то, чего не делал. Заявил: считаю свою деятельность объективно полезной.

Стрессом для меня был не процесс следствия: я держался уверенно. Меня потряс суд, прошедший 18 апреля 1986 года за полдня в Мосгорсуде на Каланчевской улице. Судья Лаврова «переплюнула» даже прокурора и следователя. Она публично охарактеризовала мою моральную и материальную помощь политзаключенным как противоправную. А я не имел прямого отношения к фонду. На процессах над активистами фонда гуманитарная поддержка не фигурировала. Лаврова: «Он оказывал помощь с целью стимулировать противоправную деятельность других людей!» Кстати, потом судья Лаврова отказала моей матери в свидании со мной, предусмотренном законом.

Любопытна позиция адвоката. Вопреки договоренности со мной он неожиданно отказался подвергнуть сомнению показания «свидетеля» Вольского, на которого я еще до ареста написал заявление об ограблении. Тот был лицом заинтересованным и не мог быть свидетелем. Но был.

В Лефортове во время следствия жизнь текла однообразно. На допросы вызывали раз в две недели. Читал книги, составлял и решал математические задачи. Сидел спокойно. С сокамерниками не конфликтовал, провокаций не было, только психологическая несовместимость людей с разными характерами. Два месяца находился на психиатрической экспертизе в Институте судебной психиатрии им. Сербского. Вследствие родовой травмы я с детства был на учете в неврологическом диспансере. Была реальная опасность объявления меня невменяемым — это значило: вместо лагеря «спецпсихушка». С 8 лет я находился под наблюдением психиатров. Впоследствии, в 1973 году, попал в псих-

больницу из-за конфликта с администрацией института, где работал, — им не нравилось мое увлечение религией. Но скажу, оказался в психушке я по инициативе родственников, а не властей. В 1980 году перед Олимпиадой в Москве таких, как я, либо отправляли в отпуск (с глаз долой), либо превентивно клали в больницу. В 1984 году 22 августа я попал в больницу уже по указанию властей — сразу после моего контакта с группой «Доверие». Ко мне домой явились милиционер и человек в штатском. Сказали, что на меня жалуются соседи (много бывает гостей), потом меня увезли. Мать узнала об этом только через день.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Я находился на 37-й зоне под Пермью. Привезли меня туда в годовщину ареста, так что политзаключенных там уже почти не было. Присматривался. Не конфликтовал, хотя первое свидание с матерью и сестрой администрация затянула надолго. Сначала числился учеником токаря. Потом поняли, что я непривычен к такой работе. 1 августа 1986 года произошла беда с Юрой Шихановичем (оторвало пальцы руки на станке). Во избежание распространения травматизма меня перевели на другую зону дневальным. К этому моменту общая ситуация в лагере менялась к лучшему. Мне было известно, что на 36-й зоне политзаключенные организовали забастовку. Четверых отправили в карцер и одного — в Чистопольскую тюрьму. Но после забастовки режим чуть смягчился, и администрация изменила отношение к зэкам.

Осенью началось освобождение, и к ноябрю меня поставили помощником кочегара (чистил котлы, возил уголь). Администрация относилась ко мне спокойно. 30 октября и 10 декабря — традиционные дни голодовок в лагерях. Нас участвовало 20 человек — «особо опасных антисоветчиков» и «изменников Родины» (статьи 70 и 64). За год до того участников голодовок нака-

зывали карцерами, на сей раз обошлись лишением «ларька» (лавка в лагере, где раз в месяц можно купить мелочей на 5 рублей). Меня дважды лишали «ларька». На 37-й зоне имел встречу «для знакомства» с чекистом Ченцовым. Он спросил: «Будете ли заниматься своей деятельностью в лагере?» Я ответил тогда: «Пока сказать определенно не могу». На 36-й зоне вызывали снова: «Каковы впечатления на новом месте?» — «Непривычная обстановка», — ответил я. «Что думаете о коллеггах — заключенных? Не могли бы присмотреться, прийти к нам добровольно и рассказать о людях, способных стать неофициальными лидерами?» Ответил: «Добровольно не приду, сообщить мне нечего». Чекист предложил чаю — я отказался. Он понял, что дальше вызывать меня не стоит, но попросил: «Никому не рассказывайте о нашем разговоре». — «Не вижу, что здесь скрывать», — ответил я и вышел.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Я довольно спокойно жил в лагере, к тому же недолго. Так и не смог приспособиться к физической работе. Мне было очень трудно работать в цеху, где собирали панели для электрорюкзаков. Работа механическая, отупляющая, норма производительности — высокая. В кочегарке работа хотя и тяжелее физической, но проще — нет нормы, нет постоянного надзора.

Труднее всего было переносить моральные лишения и давление: отсутствие свиданий, ущемление права на переписку. На это жаловались буквально все. Дозволялось послать домой два письма в месяц, ответные письма просто конфисковывались. Конфисковать можно было любое письмо, если администрация усматривала в тексте «условности». Полицейские — лингвисты! Естественно, объяснений они не давали. Лишь потом я узнал, что мне писали десятки писем.

Никаких ярких впечатлений из лагеря не вынес. Только чувства — холод, голод, отдельные придирки администрации, «прессовка».

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была ли эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: Освобождение в какой-то степени было неожиданным. Хотя по зоне и ходили слухи, даже из администрации, но до последнего момента не верил, что выпустят меня, как и других, кто «не раскаялся». Так оно и было. Выпускали далеко не всех. Прокурор предлагал написать заявление с просьбой об освобождении. В устной беседе с ним я сделал оговорку: «Не признаю себя виновным и от своих убеждений не отказываюсь». Указал на факты несоблюдения в стране прав человека. Прокурор дал мне понять, что обстановка изменилась, что новое руководство заинтересовано в соблюдении прав, и предложил написать текст: «Не намерен наносить ущерб государству». Я ответил: «Не согласен. Мы и власти по-разному понимаем, что есть ущерб, а что — польза государству». Написал я следующее: «...надеюсь, что гуманный акт освобождения будет применен и к другим осужденным по политическим статьям...» Затем решил, что сформулировал неточно свою позицию. На следующий день добавил: «1-е. Не признаю себя виновным до сих пор. Не считаю свое заявление просьбой о помиловании. 2-е. Слово «гуманный», подсказанное прокурором, понимаю не как акт милости, а как восстановление законности». Эта форма по существу отражала мои убеждения. Еще добавил: «Оставляю за собой право бороться за гражданские права в случае их нарушения».

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Убеждений я своих не изменил, от дальнейшей деятельности не отказался. Что дало заключение?

Я слишком мало там находился, да в период, когда обстановка уже менялась. Дело не в большей мягкости к «семидесятчикам», просто в политзонах оставалось значительно меньше людей, сидящих за *убеждения*. Эзовская солидарность, в отличие от 60-х годов, постепенно угасала. Той, настоящей лагерной школы, о которой знал из книг, я не получил.

О продолжающихся нарушениях свидетельствует нахождение в лагерях большинства осужденных по 190 — 1, «религиозным» статьям. Поэтому, в частности, и не отказался от дальнейшей активности — способствовать созданию подлинно плюралистического и демократического общества. До него еще, очевидно, далеко.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Считаю, что нынешние перемены носят крайне ограниченный и непоследовательный характер. Они проводятся в основном на словах и исходят исключительно «сверху». Пока у меня нет оснований считать, что «наверху» есть люди, реально заинтересованные в кардинальном изменении системы. Уверен: при существующем политическом и общественном строе, при полной государственной экономической монополии (политизация экономики), при однопартийной системе настоящая демократия невозможна. Не исключено, что те круги «наверху», которые начали перестройку, будут поставлены перед альтернативой: менять систему или вернуться к прошлому. Если решение будет зависеть *только* от властей, они скорее всего выберут второй вариант. Поэтому неофициальное движение за права как никогда сохраняет свое значение и является единственной силой, которая готова бороться за перемены последовательно и до конца.

Роль отдельных слоев общества в новых процессах мне неясна, как неясен характер дифференциации общества. Личное участие, безусловно, принять намерен. Допус-

каю формы деятельности как не санкционированные властями, так и санкционированные, если таковые будут. Например, легальная регистрация неформальных объединений — одна из уже разрешенных форм.

Все люди должны отстаивать свои принципы до конца и в этих объединениях. Я против компромиссов по принципиальным вопросам. Я против, когда ради сохранения «легальности» люди идут на недопустимые идейные уступки.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Широкий вопрос. Начну с конца, с того, что необходимо сделать немедленно. Освободить всех осужденных за убеждения, в том числе по 64-й статье, и уголовников, если их действия имели политические мотивы.

Нужно, хотя бы на словах (чего власти не сделали, а пошли по дороге лжи, объявив о «помиловании преступников»), признать недопустимость такого рода репрессий. Фактически это означало бы не просто освобождение политзаключенных, а полную их реабилитацию. Сейчас же продолжают появляться статьи, в которых оставшихся в зонах узников совести называют в лучшем случае «государственными преступниками», а в худшем — «бандитами, фашистами и уголовниками». Лживо умалчивается, что осуждены эти люди *за убеждения*.

Власти дали право критиковать так называемые «отдельные недостатки», но до сих пор не признали понятие «права человека» в том смысле, в котором оно понимается в современном демократическом мире. Прежде всего говорится о социальном праве на труд, на жилье (кстати, многие вчерашние политзеки лишены и этих хваленых прав), политические же права и право на свободу вероисповедания остаются в тени официальной пропаганды.

Требуется скорейшее изменение законодательства, которое бы сделало *противозаконными* репрессии за убе-

дения и их распространение, за веру в Бога, за желание эмигрировать.

Пока закон узаконивает произвол. Закон все еще жидется на старых основаниях. Поэтому *сохраняется возможность* в любой момент посадить еще больше людей.

И последнее: каждый человек должен иметь неотъемлемое право на выезд из страны и въезд обратно. Считаю право передвижения основным правом человека, данным природой, но отнятым здесь государством. Без этого права никогда не будет открытого общества, не будет коренных перемен. Советское общество остается сегодня закрытым. Пока сохраняются спецраспределители продуктов, одежды, автомобилей, квартир и прочего для партаппарата и иной номенклатуры — к лучшему ничего не переменится. Не верю, что партийная монополия сможет обеспечить подлинную демократию: из ее *идеологии* вытекает обратное, и она этого не отрицает.

Именно поэтому права человека в СССР никогда не будут выполняться в западном понимании, совершенствование не исключено только в социальной сфере, а не идеологической.

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: О житейских планах затрудняюсь говорить: пока удалось устроиться только лифтером в дом, где живут писатели. Работу по специальности не предлагают (я химик, закончил университет). Собираюсь внести посильный вклад в правозащитное движение.

* * *

С сентября 1987 года К. Попов — член Международного общества прав человека.

Один из создателей и секретарь Ассоциации помощи больным муковисцидозом. Советская Ассоциация помощи больным муковисцидозом была создана в ноябре 1989 года. Главная ее задача — содействовать облегчению участи детей, страдающих этим тяжелым наследственным заболеванием.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Скажу честно: отвечать мне не хотелось. Слишком уж давно я не занимаюсь общественной деятельностью и, кажется, где-то потерял право на выступление, не находясь, что называется, и на переднем крае, в гуще политической жизни страны.

Судьбы тех, кто прошел через советские политлагеря 70 — 80-х годов, сложились по-разному. Но вряд ли кто-либо за эти десять лет ни разу не задал себе вопроса: «За что боролись?» Задавал себе его и я. Не было ли это ошибкой? Не прошла ли наша работа впустую? Диссидентов, инакомыслящих в СССР называли повсюду: демократами, оппозиционерами, правозащитниками, а то даже и революционерами. Но если нашей целью была демократия, то разве нынешний политический режим можно считать последовательно демократическим? Если говорить о правах человека, то разве они и сейчас не нарушаются? Если сравнивать советских диссидентов с революционерами прошлых эпох, радевших о «народном благе», то, может быть, сейчас народ живет не лучше, а где-то и хуже, чем двадцать лет назад?

Остается один ответ. Боролись мы не столько «за», сколько «против». Против тоталитарного, однопартийного государства, смертельно боявшегося собственных граждан и репрессиями затыкавшего им уши и рты. Против чудовищной официозной лжи, которую нас десять лет вынуждали не только выслушивать, но и постоянно говорить. Мы боролись за гласность против безгласности, за свободу против несвободы. И теперь, когда коммунистический тоталитаризм рухнул, мы свою цель считаем достигнутой. Конечно, я могу говорить, только имея в виду себя и других участников правозащитного движения в Советской России. Во многих регионах СССР существовали независимые общественные объединения с конкретной политической программой, а многие их участники сделали впоследствии профессиональную политическую карьеру.

Что же касается борцов за «счастье народное», то я не уверен, что могу себя к ним причислить. Скорее, не потому, что не считаю это важным, а потому, что в те годы очень трудно верилось в скорые перемены, а значит, и в достижимость какой-то реальной перестройки общества. Кстати, в советские времена многие искренне верили: диссидентам плевать на народ; они борются только за себя, за свое право высказаться. Сейчас такой упрек в адрес «демократов» можно услышать еще чаще. Ибо говорят это те, кто не понимает очевидной истины: экономическое процветание невозможно без экономической свободы, а последняя — без свободы духовной и политической. Впрочем, очевидность эта — не для всех, история дает немало примеров, якобы ее опровергающих, — от Чили до КНР. Но при более внимательном рассмотрении китайский опыт оказывается отнюдь не столь привлекательным, а в перспективе — отнюдь не столь бесконфликтно стабильным. Да у нас если уж и был такой шанс, то разве что лет тридцать назад, в эпоху хрущевской «оттепели». Вспомним: в тоталитарном Советском Союзе в самиздате выступали сторонники различных взглядов: либералы, социалисты, монархисты, анархисты, даже коммунисты.

Не обходили самых насущных, самых болезненных экономических и социальных проблем. Но официально любые дискуссии на эти темы были под запретом. А значит, общество в них не участвовало. Проблемы не решались, а замалчивались и загонялись вглубь. Естественно, что в таких условиях свобода слова становилась задачей номер один, а все остальные оказывались вторичными. Теперь, слава Богу, запретных тем нет. А коль появилась возможность говорить, то, значит, при соответствующих условиях и желании появится возможность и что-то делать. Существует очень верная формула, ставшая крылатой: «Демократия плоха в той мере, в какой плох человек. Тоталитаризм же плох абсолютно». Тоталитарная организация человеческого общества противоречит самой природе человека, а значит, может держаться исключительно на лжи и наси-

лии. Тем, кого сегодня одолевает ностальгия по прошлому, не мешает задуматься: многие ли из них решились бы назвать себя «оппозицией» в те годы, когда давали срок не только за участие в какой-либо оппозиционной политической организации, но и просто за найденный на частной квартире машинописный текст, часто весьма далекий от политики? Именно эта, 19-я статья Декларации прав человека, провозглашающая право на гласность, свободу распространения информации и открытость общества, и была целью тех, кого в СССР называли диссидентами и правозащитниками. Сегодня мы это право завоевали. И надеюсь, что нам при всех возможных будущих катаклизмах (а они, к сожалению, могут быть) удастся его отстоять. Думается, что даже тем политикам, которые не отмежевались от призраков прошлого, не под силу ни удушить свободную прессу, ни захватить страну. Общество, познавшее свободу, не захочет вернуться в тюрьму.

Признаемся: современное состояние общества производит удручающее впечатление. Но не потому, что свободы и демократии слишком много. Скорее, наоборот, потому, что ее слишком мало. Эта либеральная оценка расходится с той, что проповедует наша оппозиция, как левая, так и правая. В своем неприятии свободы обе демонстрируют удивительное и притом отнюдь не случайное единодушие. Вообще, в нормальной стране экономикой и политикой должны заниматься специалисты.

Могу высказать только самые общие соображения, акцентируя свою приверженность либеральным ценностям, сегодня особенно непопулярным. Трудно поверить, что их могла скомпрометировать наша весьма непоследовательная «демократическая» власть. Думается, будь в царской России развитое гражданское общество, осознавшее вечные ценности свободы и прав, октябрь семнадцатого был бы невозможен. А о влиянии на нас семи десятилетий тоталитарного беззакония и говорить не приходится.

Часто слышим: реформы, дескать, начали слишком

быстро. Не берусь анализировать, какова была необходимая и допустимая скорость и можно ли было проводить их медленнее. Если уж не вызывает большого энтузиазма вышеприведенная аналогия с Китаем, то чилийский или испанский опыт подходит нам еще меньше. Но то, что они остановились на полпути, — очевидно всем. Это относится как к экономической, так и к политической сфере. Часто говорят: нам нужна сильная Россия, нам нужно сильное государство. Наверное, это так. Вряд ли кто-то станет с этим спорить. Просто в одно понятие вкладывают разный смысл. Сильное государство — это не диктатура. Это прежде всего государство правовое, государство, где работает закон. Только тогда граждане почувствуют себя защищенными от произвола, в том числе и исполнительной власти, а общество в целом — стабильным. Сегодня экономическую политику правительства критикуют все — как справа, так и слева. При этом большинство критиков призывают не к большей либерализации экономики, а, напротив, к усилению государственного регулирования. Убежден: вмешательство государства и политической власти в экономику должно быть минимальным. Иначе создается не класс собственников, а класс коррумпированных чиновников. Между тем регулирование необходимо, и таким регулятором должен быть все тот же закон, составленный так, чтобы не обслуживать интересы власти, а защищать реальных людей по принципу «государство для человека» (тех же мелких собственников, фермеров и т. д.), а не наоборот, как это часто бывало в России — не только советской. Очевидно, это относится и к закону о налогах, и к закону о земле. Та же подмена — с модным в некоторых политических кругах понятием «государственного престижа». Думаю, что любому из нас хотелось бы гордиться своей Родиной. Но я уверен: престиж государства — это не военная мощь, не захват территорий и даже не удержание любой ценой уже захваченных (не всегда законно захваченных к тому же). Престиж страны — прежде всего жизненный уровень

народа, благосостояние ее граждан. Что касается так называемых «горячих точек». Убежден: использование вооруженных сил внутри страны для подавления национальных движений — преступление. За него правительства, развязавшие такую войну, должны нести ответственность перед международным судом. Никакого различия и никаких привилегий — что маленькая Сербия, что великая Россия. «Наказывать» государства, нарушающие права человека, военными акциями — бессмысленно. Страдает мирное население, а преступные правительства наживают себе на этом политический капитал. Не говоря уже о том, что вряд ли такая акция может быть применена к великим державам, обладающим ядерным оружием. А значит, появляется клуб «привилегированных», которым позволено все.

Права нации, в том числе и на самоопределение, так же реальны и значимы, как и права человека. В России, как стране многонациональной, национальный вопрос особенно актуален, но он выходит за российские и, вообще, за государственные рамки. Вряд ли проблема исчезнет, пока не будет выработан механизм ее решения в международном масштабе. Для реализации прав народа и для гарантий от их нарушения должна существовать система, отличная от нынешней. Сейчас мир состоит из государственных образований, исторически сформированных так называемыми «титульными» нациями. В свою очередь, среди существующих держав выделяется группа «великих», стремящихся диктовать свою волю другим. Каждый народ хочет получить равные права с титульным, а каждое государство — с великими державами. Это порождает конфликты. Они будут продолжаться, пока не возникнет система, при которой любой, самый малый народ сможет обратиться в международные организации для защиты своих прав и интересов и получить действенную помощь. Мне, например, непонятно, почему маленькая Дания имеет право на государственное самоопределение, а большая Украина и 20-миллионный курдский народ его не имеют. Возможно, что наряду с об-

разованием собственного государства в перспективе будут выработаны иные, негосударственные формы самоопределения. Проблема есть, и она столь же сложна, сколь важна и интересна. Исследование этого вопроса — удел специалистов. Пока же скажу только одно. Все внутренние противоречия цивилизованная держава должна решать путем переговоров, не прибегая к насилию. Если мы этому не научимся (хотя бы у Канады, например), нас ждет катастрофа. А это — не дай нам Бог.

БЕСЕДА С МИХАИЛОМ РИВКИНЫМ

*Ривкин Михаил Германович,
род. 04.03.1954 г., инженер-нефтяник.
Арестован 08.06.1982 г., осужден на 7 лет
строгого режима плюс 5 лет ссылки.*

Статьи 70, 72.

Участие в подпольной группе социалистического направления, в издании журнала «Варианты», членство в организации «Федерация демократических сил социалистической ориентации», написание статей и рецензий.

Освобожден в 1987 г.

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Предпосылки конфликта личности с существующей тоталитарной системой заложены в ее антиличностном характере. Система исключает для личности возможность самореализации. Я считал своим долгом сделать хоть что-то для изменения системы в сторону ее гуманизации. Такова была исходная посылка моей деятельности. И несмотря на то что мои мировоззренческие концепции были наивны, иногда механистичны, они мне дороги. Исходные гуманистические предпосылки не утратили своей значимости, хотя взгляды мои за пять лет изменились.

К концу 70-х годов антиличностное начало системы достигло чудовищных форм. Как такового конфликта с обществом до ареста у меня не было. Наоборот, у меня возникло желание этот конфликт вызвать, даже демонстративно инсценировать. Я стал бороться с системой. Тогдашняя цель выглядит наивно, но скажу о ней — для меня и моих товарищей она навсегда останется воспоминанием о юности. Мы хотели полного революционного низвержения существующего строя и создания нового. В отдаленном будущем надеялись возродить опыт русских и западных революций. Революционный путь борьбы с системой более верен, честен, чем любые реформаторские идеи.

Я познакомился с группой молодых людей, называвших себя «конспираторами-революционерами». Мне понравилась их игра. Сбылась моя юношеская мечта, я вступил в группу, издававшую альманах «Варианты». Альманах был «розовым», проповедовал перенесение в Россию опыта Пражской весны, югославо-еврокоммунизма. Идеализировалась «добрая и свободная социальная жизнь». Основной постулат группы: общество

должно опекать личность, заботиться о ней, иначе — ужас, закон джунглей. Я во многом разделял такие взгляды. Целью деятельности был свободный обмен идеями в форме статей. Вырабатывалась в дискуссии и позитивная программа — программа новой независимой партии. Рабочим печатным органом и должен был стать альманах «Варианты». Конечно, все было наивно. Но частично мы, безусловно, достигли своих целей. Получили возможность себя реализовать, уяснить собственные взгляды. Применяли внутри группы средства коллективного обучения, шли в народ.

Главной задачи не решили, да и не могли. Не удалось сформулировать альтернативной партийной программы для тысяч людей. Отсутствовали четкие организационные формы, не научились оперативно исполнять собственные решения. Нас было-то всего 8 человек, но назывались мы громко: «Федерация демократических сил социалистической ориентации» (ФДССО).

Моя деятельность в большой степени была обусловлена личными причинами. Я испытывал чувство, свойственное любому еврею, живущему в диаспоре: неудовлетворенность своим положением, конфликт с миром. Стремился мир опосредовать, стать *своим*, полноправным в этом мире. Я избрал путь политической активности из-за того, что советская система античеловечна. Фактически за этим стояло желание реализовать-ся. Хотелось доказать, что в имеющихся условиях можно бороться за гуманные идеалы. Чувство еврея в диаспоре, чувство неполноценности, заставляло бороться за первенство, за то, чтобы стать не просто равным, объективно это психологическая гиперкомпенсация.

Вопрос: *Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?*

Ответ: Сейчас многим покажется смешным, если я скажу, что быть арестованным входило в мою сверхза-

дачу. Но это так. Хотелось доказать на собственном примере, что в стране можно попасть за решетку просто за убеждения. Да, самопожертвование с целью показать людям, в какой стране они живут. Скажу откровенно, я вошел в конспиративную группу ради одного — чтобы быть арестованным. Через пять лет первоначальный юношеский пафос пропал. За три месяца до ареста я вышел из подпольной группы: мне не нравилась авторитарность принятия решений и неэффективность действий.

6 апреля 1982 года меня вызвали в КГБ, сначала в качестве свидетеля. В течение двух месяцев добивались от меня покаяния. Решил занять «детскую» позицию. Вместо отказа от показаний рассказывал чекистам выработанную в группе «легенду». 8 июня меня, наконец, арестовали. Другие члены группы: Павел Кудюкин, Андрей Фадин, Борис Кагарлицкий — дали на следствии развернутые показания. По этике столетней давности их поступок назывался предательством. Через год, 28 апреля 1983 года, их всех освободили по указу о помиловании.

Вопрос: Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?

Ответ: При переходе в заключение я испытывал положительные эмоции, почувствовал: раз сажают, значит, действительно сделал что-то полезное и доброе.

Арест не был неожиданностью, я совершенно сознательно шел на него. Меня предупреждали: «Дайте показания и раскайтесь, измените убеждения, иначе вам предстоят долгие годы лагеря». Я отказался. Когда однажды я пришел на работу, перед самым отпуском, меня встретили чекисты: «Здравствуйте, Михаил Германович! Пойдемте с нами».

На первый же вопрос следователя отвечать отказался, не ведая, что другие арестованные уже дали нужные *им* показания. У меня был выбор: открыто заявить о своих взглядах или молчать. Поскольку правила нашей «игры» предусматривали конспирацию, то ничего серьезного рассказывать я и не собирался. Меня обвинили по шести пунктам: 1) участие в издании журнала «Варианты»; 2) подготовка философского эссе «Письмо о ступенях падения человеческой личности» и рецензия на письмо Александра Солженицына «Жить не по лжи»; 3) обсуждение с Кудюкиным одной из публикаций (это была ложь, которую Кудюкин выдал для КГБ); 4) распространение «Ответов на вопросы СМОТа (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся)». Я никогда никому не показывал этот материал, но при обыске у меня изъяли ксерокопию; 5) обучение конспирации, методам ухода от слежки; 6) доставка типографского оборудования для печатания «антисоветских материалов».

Вел я себя непоследовательно. Но не шел на компромисс. Сначала молчал, потом добровольно ходил на допросы, беседовал с КГБ. И все-таки активно отстаивал свои убеждения и программу нашей «партии». Самое яркое впечатление того периода: подробные показания против меня «подельников», бывших соратников. Ребята сломались, к ним подобрали ключ.

В марте 1983 года мне сказали: «Все ваши товарищи обратились с просьбой о помиловании, предлагаем вам сделать то же». Я был единственным, кто отказался, не признал вину, не дал показаний, не раскался. По существу, сознательно отказался выйти на свободу, несмотря на усиленную «обработку». Почему? Считаю, что позорно торговать своими убеждениями. И не жалею. Сейчас поступил бы так же.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Уступки допускал: носил «зэковскую» одеж-

ду, не сорвал унижительную бирку с надписью на куртке, не отказался работать. Но и на конфронтацию с администрацией тоже шел. Носил еврейскую кипу, преподавал в лагере иврит, не посещал занятия по политическому просвещению. В общей сложности за все это время провел 14 суток в штрафном изоляторе, 115 суток в карцере, 14 месяцев на строгом режиме. Ко мне не применяли пыток. Но Александр Должиков, осужденный за шпионаж в пользу Китая, рассказывал мне, что в карцере используется специальный слезоточивый газ «Черемуха-10».

Я избегал конфликтов, если дело не касалось принципов, моих религиозных и национальных чувств. Но однажды и здесь допустил слабость. Снял голодовку, не добившись свидания с матерью и права получить книги на иврите.

Вопрос: Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?

Ответ: Самым трудным для меня было переносить холод в карцере и ШИЗО. Поэтому и не выдержал, снял голодовку. Моральные удары тоже были, когда узнавал, что люди, с которыми откровенно делился мыслями, оказывались стукачами. Изменились мои представления о человеческой природе, очень тяжело расстаться с образом хорошего человека. Так я расстался с добрым образом Бориса Маниловича.

В Мордовском лагере произошел самый яркий эпизод в моей жизни. Я стал заниматься ивритом. Начал жить как еврей. Вместе с замечательным человеком Вадимом Павловичем Аренбергом мы встречали шабат. Счастье! Сидели мы с ним в разных камерах. Но, цепляясь за вентиляционную решетку у потолка, могли видеть друг друга. В пятницу вечером мы прочитали с ним «Освящение субботы» на иврите. Потом организовали ульпан — школу иврита. Руководил им Аренберг. Учениками были я, Яша Нефедьев и Гриша Фельдман. Впервые в жизни стали писать на родном языке, раздобыв мел и грифельную доску. Пели еврей-

ские песни. Через месяц нас репрессировали и изолировали друг от друга.

Мои взгляды к тому времени изменились радикально. Близкой по духу мне стала модель израильского социализма — кибуц. Главную задачу я увидел в собирании рассеянных по миру евреев. Сейчас хочу уехать в Израиль, не жалею о пережитом. То, что сделал, было необходимо и полезно мне и другим. Жалею только, что не сумел использовать все эти годы более эффективно, ведь раньше не был тесно связан со своим народом.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: 20 января меня, Валерия Сендерова и Алексея Смирнова неожиданно отправили на этап — в Москву. Мы предполагали, что вскоре вновь окажемся в камерах. Считали, что власти проводят очередное «профилактическое» мероприятие. Оказались в Лефортовском изоляторе КГБ. Ощущение было, будто попал в рай, в санаторий. В телесном отношении почувствовал буквально райский контраст по сравнению с тюрьмой. 4 февраля 1987 года вызвал прокурор Сергей Николаевич Чистяков и начал сразу в лоб: «Как вы относитесь к своему освобождению?» — «Что от меня требуется?» — «Гарантия не заниматься противозаконной деятельностью». Я написал: «Прошу освободить меня от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы и ссылки и предоставить возможность выехать на мою историческую родину — в государство Израиль. Обязуюсь не совершать противозаконных действий».

16 марта после ужина вызвали: «С вещами!» Прощмонали (т. е. обыскали) и выпустили на свободу, прочитав выписку из Указа о помиловании. Помню слова: «За примерное отношение к труду» и «...твердо встал на путь исправления».

Данная мною подписка-заявление действительно отражает мои сегодняшние убеждения. Я не хочу вообще в Советском Союзе ничем заниматься, никакой политической деятельностью. Хочу уехать в Израиль, устроить личные дела и приносить пользу своему, а не чужому народу.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Годы, проведенные в заключении, — важнейшие в жизни. Считаю их удачей в судьбе, особенно время в Чистопольской тюрьме. Своими силами, без их помощи, не смог бы, может быть, окончательно выбраться из трясины, советского болота. Ведь можно ругать, критиковать советскую власть, но оставаться советским человеком.

Мир такого человека, ограниченный рамками тоталитаризма, представляется единым и незыблемым жестким механизмом. С одной стороны, во многом правительство виновато, с другой — все хорошее тоже от правительства.

Тюрьма помогла мне избавиться навсегда от подобного стереотипного миропонимания. Человек — слабое существо. Он может совершенно неожиданно, и для самого себя, вдруг оказаться подлецом и подонком, если в нем нет внутреннего твердого стержня, если он бессилен, оставлен Богом. Моя заслуга — милость Божья, мною не заслуженная. Я был проведен *по краю пропасти*, мог сорваться, но что-то неведомое остановило меня от срыва. Из-за меня не пострадал ни один человек. А ведь многие, более честные, достойные и умные, становились причиной трагедий.

Для меня пережитое — момент Воскрешения и Возрождения. Я избавился от комплексов, понял главное для себя: единство со своим народом, с евреями.

Не могу не вспомнить об Иосифе Бегуне. Он — пример в моей жизни. Он научил меня, что значит

быть настоящим сионистом и евреем. Он и сейчас — мой идеал. Всегда, в любых условиях Бегун находил возможность помогать своим братьям.

27 октября 1986 года мы оказались с ним в одной камере, его привели ко мне после голодовки. Трудно передать, как он обрадовался, увидев меня. И я вновь ощутил единство еврейского народа. Один бы не выжил, меня бы уничтожили. Трое суток я провел в камере вместе с Бегуном. Наверное, счастливейшие дни всей моей жизни, хоть просись назад в Чистополь! Я уже сказал: от общественной деятельности в СССР я отказался. Она была бы вмешательством во внутренние дела чужого государства. Пусть мои дети, если пожелают, займутся такой деятельностью у себя на родине.

Вопрос: Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?

Ответ: Я всегда был оптимистом. То, что происходит, — лучше, чем ничего. Будь покрепче здоровье умерших лидеров — было бы хуже. Хорошее я вижу даже в «микроскопических» сдвигах. Горбачев имеет хоть малую, но «обратную связь» со своим народом. Он живой человек, способный реагировать на процессы в обществе. Раньше управление автоматически сводилось к директивам «сверху». Дальнейшие преобразования не исключены. Но советский аппарат вместе с тем способен пока «проглотить» любые реформы и перестройки. Всего можно ожидать, но мне хочется оставить эту страну оптимистом.

Самое последнее, что я могу сделать для страны, — поскорее отсюда уехать и предоставить ее хозяевам делать свое дело.

Вопрос: Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?

Ответ: Сказать, что положение с правами человека осталось на нуле, нельзя. Впервые за 70 лет освобождена малая, но все-таки часть политзаключенных. Увеличилось число разрешений на эмиграцию. Все это, конечно, капля в море. Сотни политзаключенных продолжают сидеть. Пока дела обстоят так, говорить о реальных переменах — пустые слова. Все политзаключенные должны быть оправданы и реабилитированы. Известно ведь, что их дела сфабрикованы.

Для меня права человека — это прежде всего свобода совести. Даже авторитаризм имеет резон, пока человек может свободно выражать религиозные убеждения. Человек должен знать, что его убеждения и взгляды не будут поводом для репрессий. Я — за гуманитарный плюрализм, но не за абсолютный политический плюрализм. Нельзя проповедовать газовые камеры, призывать к уничтожению соперников. Но я и против любых полицейских мер. Если общество сильно, оно способно их избежать. Такое возможно при достижении обществом духовной зрелости. Черносотенное объединение «Память» — болезнь, которой придется переболеть стране, цена, которую придется заплатить. Для излечения от «Памяти» необходимо предоставить публичную трибуну оппозиции. Перелом же в советском обществе произойдет только тогда, когда пересмотрят хоть одно дело, сфабрикованное КГБ. Пока КГБ вне критики, произвол этой организации доведен до абсолюта. Без критики КГБ никакой гласности быть не может. И все же есть положительная сторона *их* деятельности, *они* единственные, кто был способен хоть как-то сдерживать все разъедающую коррупцию.

Для меня существенны следующие права: молиться и воспитывать детей в духе своей религии, право на эмиграцию. Все эти права — следствия, база же — религиозная свобода. Эмиграция не является базовым правом, ведь даже классические авторитарные режимы ее допускают при нарушении всех других прав. Пока советская власть не поднимает меч против религии, общество может выжить. Но когда пре-

следует религия — дорога палачам открыта. Меня этому научила история.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Готовлюсь принять «гиюр» — важнейшее в моей жизни событие. Житейские планы — поскорее выехать с семьей в Израиль.

* * *

М. Ривкин прибыл в Израиль в феврале 1989 года. В 1989 — 1990 годах обучался в йешиве (религиозном учебном заведении). В 1991 году поступил в Еврейскую теологическую семинарию в Иерусалиме — высшее учебное заведение, готовящее раввинов и преподавателей иудаизма.

В 1992 году стал членом партии «Шинуй» («Перемена»). В этом же году активно участвовал в избирательной кампании блока левых сил «Мерец», поддерживающего идею территориального компромисса с арабами, полной секуляризации государства, защиты гуманитарных прав всех меньшинств, включая русских репатриантов. С 1993 года — член иерусалимского городского секретариата партии «Шинуй». Участвует в работе семинара по подготовке новых лидеров для русскоязычной общины.

Был делегатом съезда Сионистского форума (самой авторитетной из организаций русских репатриантов), который состоялся в январе 1993 года. Член подкомиссии форума по еврейскому сионистскому воспитанию. Член иерусалимской городской комиссии по абсорбции, занимается улучшением условий жизни репатриантов из России.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Меня очень интересует, что происходит в России. Я и сейчас, будучи консервативным раввином

и профессиональным политическим активистом в Израиле, считаю себя частью русского культурного пространства. Чем глубже я вступаю в Израиль, тем сильнее я ощущаю свою связь с Россией. Я стал консервативным раввином, но это несколько не отдаляет меня от России. Я продолжаю читать русскую прессу, недавно перечитал всего Достоевского. Сейчас я думаю возобновить связи с моими бывшими «подельниками». Некоторые из них, например, стали участвовать в движении «Яблоко». Система моих ценностей не изменилась, и в Израиле я отстаиваю те же убеждения, которые отстаивал в России много лет назад.

Главное для меня — свобода личности, и я за это борюсь в Израиле, где аргументы моих оппонентов похожи на идеологемы советской власти.

Я как-то сказал своему оппоненту, тоже раввину: «Абсурд, что два гражданина Израиля не могут вступить в брак, если один из них или оба не евреи по еврейским религиозным законам. У нас нет светского законодательства о браке».

Он мне ответил: «Да, но его принятие может вызвать нежелательный политический резонанс!»

Мой же аргумент — жизнь живых людей важнее политических концепций.

В СССР тоже приводились политические аргументы во имя абстрактных ценностей. Для меня это — ничто по сравнению с правами каждого отдельного человека. Когда-то в СССР много говорилось о великой общности под названием «советский народ». Нечто похожее происходит в Израиле. Здесь, как и в СССР, существует официальная регистрация национальности: еврей, араб или просто «не записан» — в удостоверении личности.

В Израиле делается акцент на то, что мы единый военный лагерь, что нам всем нужно сплотиться. С другой стороны, те, кто так говорит, являются сторонниками регистрации по национальному признаку.

Похоже на то, что происходит в России, где коммунисты выражают правонационалистические, шови-

нистические тенденции, не забывая при этом о национальной разнице между русскими и другими.

Моя идеология — универсальность права личности и ее приоритет по отношению к надличностным структурам, как, например, государство.

В России сейчас много тревожных и трагичных симптомов. Обвал в дикий, мафиозный рынок, сращение государственных структур с криминалом. Это страшно. Отсутствие системы ценностей. Либералы ничего не могут противопоставить коммунистам.

Почти не осталось людей в политической жизни, которые были бы незапятнанными и чистыми.

Получилось так, что культура труда русского народа, подорванная при советской власти, не только не восстановлена, но разрушена совсем.

Людей приучили, что честно деньги заработать невозможно — нужно воровать.

В России присутствуют все признаки распада. Народ перестал верить, что производство и честный труд выгодны. Энергичные люди идут в криминал. Советская система испортила людей. Например, многие евреи, которые приезжают из России, бегут сразу в ортодоксальную синагогу, чтобы заявить о своей лояльности, — прямо как когда-то бежали в райком, чтобы заверить власти в преданности коммунизму.

Я не знаю, как выбраться России из нынешнего положения. Все мои рецепты связаны с воспитанием. Людям нужно говорить правду, но это долгий процесс, а трагедия наступает уже сегодня. Может быть, спасение в расширении рынка.

Реформы нельзя было проводить так, как это сделали, но раз случилось, то, наверное, нужно идти дальше. В итоге должно возникнуть сословие, которое почувствует свою власть и будет заботиться о государстве.

Трудно говорить о том, могла ли Россия пойти по другому пути. История не знает сослагательного наклонения, но думаю, что если бы Хрущев или Косыгин пошли по пути Горбачева, то ко крайней мере не про-

изошло бы такого обвала общества в криминал. И если бы Горбачев пошел на реформы смелее, сохранив при этом контроль государства, то результат тоже не был бы столь печальным.

Сейчас попытки вернуться к прошлому только усугубят кризис. Нужно идти вперед, нужны новые люди. Сегодняшние коммунисты хоть и вредны идеологически, но, быть может, они лучше, чем ельцинский аппарат.

Я не приемлю программу коммунистов, но как политический феномен они еще не разложились, как это произошло с нынешней коррумпированной властью.

Если бы я участвовал выборах в России, то отдал бы свой голос за «Яблоко».

БЕСЕДА С ВАЛЕРИЕМ СЕНДЕРОВЫМ

*Сендеров Валерий Анатольевич,
род. 19.03.1945 г., математик.
Арестован 17.06.1982 г., осужден на 7 лет
строгого режима плюс 5 лет ссылки.
Статья 70. Член СМОТа, издание информаци-
онного бюллетеня СМОТа, авторство статей
и заявлений, распространение листовок.
Член НТС.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: В моем случае формулировка «разногласия и конфликты с системой» неточна. Для меня система неприемлема в целом, как таковая, и Октябрьский переворот 1917 года представляется трагедией нашего народа и государства. Отсюда вытекает и способ сопротивления, избранный мною, — кардинальное противостояние основам системы. Я стал членом НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) — организации, которая, ни на минуту не отворачиваясь от жизни сегодняшней России, ее народа, главной целью ставит продолжение нашей тысячелетней духовной и исторической преемственности, искаженной в Октябре 1917 года.

Приходилось заниматься и самыми разными конкретными вещами, участвовать в деятельности СМОТа (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — независимый профсоюз), бороться с антисемитизмом, проявления которого считаю национальным позором России. Но эти и другие, казалось бы, не связанные между собой формы сопротивления сходятся в одном, главном — в борьбе за полноценную во всех отношениях, демократическую и свободную Родину.

Я глубоко озабочен разрушительными процессами, происходившими в обществе на протяжении десятилетий. Уничтожались религия и храмы, культурные ценности, сам народ обозначен как некая «новая историческая общность», превращенная в толпу иванов, не помнящих родства (вследствие забвения своей истории), находящихся под угрозой вымирания от алкоголизма. Отобраны политические и гуманитарные свободы, еще недавно изымались и запрещались книги — наивысшие достижения отечественного духа.

Истреблены все политические партии, кроме одной, даже близкие к большевизму — эсеры. Всякая попытка создать независимую политическую организацию карается в лучшем случае по статье 70. «Выборы» противоречат словарному значению этого слова.

О гуманитарной области. Еще недавно законом преследовалось распространение выдающихся книг. Известен случай, когда человек получил срок 6 лет лагеря плюс 5 лет ссылки за то, что давал читать знакомым «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Собачье сердце» Михаила Булгакова и «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. Такие эпизоды нередки в делах любого из нас, политзаключенных. Я уже не говорю о таких книгах, как «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына или «Технология власти» Авторханова. Писателей, нравственно осмысливающих происходившие события, карали жестокими неоднократными сроками заключения. Погиб в тюрьме Анатолий Марченко, едва выжил Леонид Бородин.

Полностью отсутствует культура на иврите, лишь недавно подготовлены к печати произведения на родном языке крымских татар (неизвестно, выйдут ли).

Вступив в НТС, я начал заниматься распространением его программы и взглядов, направленных на мирное, по возможности, установление демократического строя в России.

Основные лозунги НТС: «Лжи — правду!» (кстати, подходит для гласности), «Не автоматы, а книги!» Редактировал разгромленный позже «Информационный бюллетень» СМОТа, сообщавший о положении рабочих. Участвовал в борьбе с дискриминацией евреев при приеме на механико-математический факультет МГУ, в другие ведущие вузы. Вместе с Б. Каневским написал по этому поводу статью-исследование (на статистическом материале) «Интеллектуальный геноцид». Размножал и распространял книги по истории, философии и религии, знакомил молодежь с культурным наследием. Моя деятельность по отношению к системе носила деструктивный характер, но объективно была неразрывно связана с позитивными целями: пробужде-

ние исторической памяти, возвращение великой русской философии, известной везде, кроме России. Я всегда считал эту неразрывность необходимой даже по отношению к режиму: нельзя начинать со Зла, нужно начинать с Бога, Человека, Народа.

Целью моей было и остается преобразование идеократической системы в нормальную страну, продолжение нашей исторической государственности. Чтобы не быть обвиненным в монархизме в наш просвещенный век, приведу слова Вильгельма фон Гумбольдта из его трактата о государстве: «...выбор монархии как формы управления свидетельствует о величайшей *свободе* тех, кто ее избирает... Подлинно свободный человек не опасается того, что монарх — единственный вождь и высший судья — превратится в тирана, он даже не предполагает такой возможности. Он не представляет себе, что какой-либо человек может обладать достаточной силой, чтобы лишить его свободы, и не допускает мысли, что свободный человек может стать рабом». Свободные страны — Великобритания, Дания — тоже монархии.

Частично мои устремления осуществляются. Впервые в нашей истории наступил *момент*, когда можно говорить о *перспективах* трансформации и преобразования системы в демократическую.

Обусловлена ли моя деятельность личными мотивами? И да, и нет. Сам я никогда никаких притеснений не терпел. Но чем бы ни заинтересовался — культурой, наукой, религией, — видел, как беспощадно подавляется все это вокруг меня.

Еще школьником, в период хрущевской «оттепели», я участвовал в поэтических собраниях на площади Маяковского. Мне дали спокойно закончить школу, прочили математическую карьеру. Но вот остальных участников этих собраний из школы исключили.

Потом поступил, правда ценой крупного скандала, в Московский физико-технический институт. Тогда на пути в МГУ, в Физтех для людей с примесью еврейской крови стояла еще не бетонная стена, но забор — прорваться через него было можно. Видел, как другие

абитуриенты, более достойные, оказывались за забором института. Перед окончанием меня выгнали из Физтеха за распространение философской литературы в городах страны, а также за несколько лекций по морфологии культуры. С опозданием на два года, но все-таки разрешили защитить диплом. Моему приятелю, выгнанному вместе со мной, так и не дали. Молот всегда падал мимо, лично меня не касаясь. Свободно работал как математик, без помех публиковался.

Но одновременно я был свидетелем, как талантливым людям с большими математическими способностями отказывали в поступлении в математические институты. Мог ли я такое терпеть, хотя бы с чисто профессиональной точки зрения, не говоря о прочих? Таким образом, импульс к действию родился скорее изнутри, чем от личных внешних обстоятельств.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: На арест пошел совершенно сознательно. Я действительно рассчитывал, но не степень риска, а совсем другое: старался выбрать оптимальное для себя время ареста, навязать следствию наиболее выгодные для своих целей обвинения. Но дело не только в этом. Арест для меня был военной операцией, продуманной и рассчитанной на много лет вперед.

Когда русский националист (термин условный) активно занимается еврейскими проблемами, что вполне естественно по существу, это не увязывается с бытующими общественными предрассудками. Вот я и хотел на собственном примере как бы свести разные силы воедино и показать, что дело у нас — одно и враг — один. Выйдя на свободу, с большим удовлетворением, не личным, а гражданским, узнал, как меня защищали деятели христианской Церкви, в том числе и католической, и о том, что в поддержку поэтессы Ирины Ратушинской и мою — неевреев — выступал изра-

ильский кнессет. Лыщу себя надеждой, что хоть в малой степени внес вклад в преодоление розни.

Я не действовал в рамках правовых, поскольку исходно считаю незаконной узурпацию власти большевиками. Конечно, деятельность имела «ограничители». Я не переходил границ, в которых резко оппозиционная партия работает в демократической стране. Повторю девиз НТС и свой: «Не автоматы, а книги!»

Я — солдат идеологической войны и в определенный момент счел выгодным выбрать *тюрьму как поле боя*. Всякий, кто обратится к моим заявлениям того времени, убедится в этом. Меня долго не трогали, но в нужный момент я сделал такие заявления, после которых с точки зрения ГБ было просто «неэтично» меня не арестовать. Даже радио «Свобода» передавало эти заявления с купюрами.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: Переход в заключение расценил как возможность отойти от мирской суеты, заняться математикой, почитать книги. На воле времени не хватало. А библиотека в Лефортово, по слухам некогда замечательная, еще, к счастью, вконец не разворована.

На следствии все было ясно, причем обоюдно. Еще до ареста мне через посредников откровенно предложили альтернативу: тюрьма или эмиграция. Для меня же выбора не было, т. е. он был очевиден.

Вечером накануне ареста мы с друзьями устроили по этому поводу банкет (за мной уже ездили по городу, следили — выполняли традиционный предарестный ритуал). Сварили и пили самогон. Сам арест проходил достойно, честно, без всяких там: «Откройте! Вам телеграмма!» 17 июня 1982 года в 8 утра в дверь позвонили, резко и решительно. Я заглянул в «глазок».

Стоявший человек — капитан Мелехин (тогда еще старший лейтенант) обаятельно улыбнулся и сказал: «Здравствуйте, Валерий Анатольевич! Вот и мы!» Дверь все же я открывать не стал, дабы подчеркнуть свое отношение к событию как незаконному: «Ломайте, грабьте, уводите». Дверь начали выламывать. Я сжег несколько бумаг для демонстрации спокойствия — дома ничего важного не хранил. Просто хотел показать для кого-то в будущем, как вести себя в подобной ситуации. Сосредоточился, помолился. Мама очень нервничала, и я в конце концов позволил ей открыть дверь.

Следствие проходило без «приключений». Работали хорошие психологи, деловые люди, не терявшие времени зря. С ходу предупредили: несмотря на отказ от участия в следствии, будут силой водить на допрос. Положил за правило не оказывать бессмысленного физического сопротивления. Предложил в общих интересах только сократить количество допросов. Я охотно и подробно отвечал на общие вопросы, излагал программу, цели, убеждения. На первый же вопрос о конкретном человеке ответил: «Подобные вопросы оскорбительны не для меня, а для вас самих. А я не хотел бы быть о вас дурного мнения». Вопросы прекратились. В эпизодах обвинения фигурировали написание заявлений и передача их на Запад. В частности, текст «Моя позиция» — экскурс в историю с выводами о необходимости борьбы с коммунизмом, заявление для печати по поводу первого обыска с таким же выводом (кстати, писал я его прямо во время обыска, на глазах у обыскивавших). Инкриминировались также редактирование бюллетеня СМОТа, организация распространения листовок с призывом к бойкоту коммунистических субботников (репетиция организованных забастовок).

Самое яркое впечатление вынес из Бутырской тюрьмы (в ней меня держали вначале), куда я взял с собой Библию. «Товарищи» поинтересовались: «Кто автор?» — «Господь», — сказал. Они не поняли, переспросили. Кого-то осенило: «Да какой же автор, ведь это Библия!» Но офицер ему в ответ: «Библия» — на-

звание, меня же интересует *фамилия* автора». (Почти как в книге Владимира Альбрехта — следователь: «От кого у вас Евангелие?» Арестант: «От Матфея».)

Поначалу меня все развлекало, но в камере жуть взяла. Ведь это в Москве, в центре России! Русский офицер, пусть и полицейский, не знает о Библии! Господи, можно ли чем-нибудь помочь? До чего доведен народ...

Компромиссы? — Нет! Но тактика, избранная заранее, отчасти менялась по ходу дела. Например, намеревался молчать на следствии. Потом решил, что можно и необходимо говорить о взглядах, о программе. Даже, казалось, следователи прониклись интересом, ведь раньше-то они не знакомились с подобными идеями. Для них неожиданностью было свободное и открытое отстаивание убеждений. Напротив меня сидели люди моей страны, нередко подонки и карьеристы, иногда просто люди с противоположными моим взглядами на судьбу России. Почему же с ними не разговаривать?

«Почему вы все это делали?» Я ответил: «Причин много. Назову одну простую, но вполне достаточную. Я уже говорил о духовном уничтожении страны». Потом показал на окно и добавил: «Чтобы не быть ответственным за все это». И вдруг услышал неожиданное, тоскливое: «Да бросьте вы, все мы за это отвечаем». Больше я этого следователя не видел. (Разговор, похоже, прослушивали.) Его, по-видимому, отстранили. Истории честных чекистов, патриотов Мягкова, Хохлова, Орехова, помогавших борцам за свободу, даром не прошли.

На суде я признал свою вину: «Признаю себя виновным перед Богом и своим народом в том, что недостаточно боролся с коммунистической диктатурой».

Запомнилось несколько психологически ярких моментов. Приведу один. Второй мой следователь, непрошибаемый и лощеный, вел себя внешне безукоризненно. Идет следствие, он спрашивает — я не отвечаю. Но однажды была хорошая погода, солнце и чи-

стое небо, я вдруг вспомнил стихи. Расслабился и на минуту забыл о том, где я, с кем я. И на очередной вопрос вместо стандартной формулы «Отвечать отказываюсь» машинально произнес: «Да какое все это имеет значение?» Тут же очнулся, хотел извиниться за невежливость. А он вдруг робко произнес: «А как вы думаете, это только нас нет?» И так он спросил, что жаль его стало, и я ему поспешно: «Нет, нет, что вы, всего остального тоже». Следователь опомнился, но допрос сомкнулся. С тех пор было видно, что он чего-то очень боится, наверное, впервые в жизни глубиной языческой души соприкоснулся с Небытием.

Вопрос: Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?

Ответ: В лагере практически не был, сразу попал в ШИЗО, предъявив требование выдать Библию и прекратить сжигать мои математические работы. Кроме того, отказывался носить нагрудный знак, работать и вообще выполнять любые правила. Я бы назвал это борьбой за статус военнопленного, каковым себя осознавал (я солдат холодной войны), но назвал более понятно и привычно — за статус политзаключенного.

Конфликты возникали непрерывно. Уступки допускал лишь тактически полезные. Когда было видно, что требование голодовки собираются удовлетворить, но мешает только амбиция начальства, я говорил: «Видимо, начальство ничего не знает», хотя прекрасно понимал, что знает. На такую уступку шел ради победы. В тюрьме все переменялось. Сразу получил Библию, математические книги. Хотя до отправки своих рукописей на волю было еще далеко. В тюрьме вскоре объявил сухую голодовку — требовал права на переписку с адвокатом. Через год решил вести себя тихо. Когда из газет и рассказов стало известно о начавшихся переменах, как член НТС, военнопленный сделал тактический минимальный шаг навстречу. Решил сначала присмотреться, оценить, а потом уже делать вы-

воды. Пошел на «вооруженное перемирие». Нас, членов НТС, советская пропаганда представляет бандитами с ножами в зубах. Хотел показать, что это не так. Раз забрезжили перемены — присмотримся! Кроме того, мог уже посылать на волю математические работы, писать большие письма на разные темы — они могли представлять интерес (так и произошло) для «Граней». Совокупность этих возможностей я счел важнее мелких внутритюремных склок, поэтому и пошел на перемирие. Изменилось и отношение ко мне. Мне было интересно разговаривать с чекистом, умным, имеющим свой взгляд на Россию. Интересы дела, которому я служу, для меня выше всего, а уж тем более диссидентских предассудков.

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Поначалу, в лагере, самое трудное — отсутствие Библии и демонстративное сожжение моих математических работ. Предварительно их на глазах мяли, рвали, оплевывали. Не скажу, что полностью безразлично относился к холоду и голоду. Однако моральные пытки несравнимо страшнее. На следствии, например, со мной «пошутили», сообщив о мнимой «гибели» близкой мне женщины — с целью оказать психологическое воздействие. Письма от матери, хоть и не все, в лагерь доходили. Но пару раз переписку прерывали месяца на два. Потом письма начинали приходиться снова. О конфискациях не сообщали, но, поскольку все письма нумеровались, было ясно — их крали.

Пыткой назову и невозможность причащаться, заниматься наукой. Только после конференции по правам человека в Берне я впервые переслал на волю свои статьи.

...Такая вот деталь. Туалетной бумаги, естественно, не водилось. В ШИЗО давали клочки газет, но только на иностранных языках, чтобы не развлекались чтением во время физиологических отправлений. Языков

никаких не знаю, потому не мог судить — капиталистические газеты или из стран социализма.

Позже, кстати, лимитировали и количество выдаваемых клочков туалетной газеты. Ваню Ковалева спросили на политбеседе в ответ на его протесты, когда пришли провести с нами работу (надо же им было галочки ставить!): «Сколько бумаги вам требуется на раз?» Спросили люди с погонами, хоть и с красными, но всё же... Обсуждали проблему с живым интересом минут десять. Вдруг майор Осин, начальник зоны, густо покраснел, стал как его погоны. Понял (единственный!), что тут что-то не то происходит. Ваня любил воспитывать и «уколоть» надзорсостав. Он сказал после этого прапорщикам: «Не будет бумаги, так вам же придется задницу нам подтирать. Прикажут — сделайте!» И поверьте, нет здесь поэтической фигуры или гиперболы! «Туалетные газеты» лимитировали максимально. Поступило распоряжение подавать бумагу непосредственно на парашу и добавлять по листочку по использованию предыдущего. Мы сами поначалу стеснялись, просили дать несколько листочков сразу, но стражи отвечали с гордостью: «Ничего, на то прапорщики есть!» Ну, раз так... И вот сидим, даже неудобно сказать на чем, а рядом прапорщики выдают по нашему требованию подтирку через кормушку! На 35-й зоне в Перми мы с Ваней, пребывая в ШИЗО, часто трепались (стенки в уральском ШИЗО тонкие). Начальство кричало: «Поместим вас за это в ШИЗО!» Нас это здорово развлекало, понятно. А они только через несколько месяцев увещевать перестали. Поняли.

Тогда начали включать радио и направлять звук в камеры, используя «могучее средство пропаганды» в качестве глушилки. Достойное применение. Вообще-то ведь радио в ШИЗО запрещено. Недозволенная роскошь. Я передал благодарность за радио заместителю начальника лагеря по режиму Букину. Радио, т. е. «глушилку», немедленно убрали.

Это я вроде не на вопрос отвечаю. А на самом деле именно на него. Не только смешно все это было —

противно. Просто руки порой опускались — ну как и сражаться с таким врагом? И страшно, глядя на них, до чего же Система человека — образ Божий! — довести может!

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: В середине января меня привезли в Лефортово. Сразу начались разговоры: «Напишите ходатайство о помиловании, а в нем можете указать, что намерены продолжать свою деятельность».

Ситуация для любого советского человека ясная предельно: бумажка нужна, какая — неважно. Предложение удивило чрезвычайно. Кажется, не первый год меня чекисты знают. «У меня-то время есть, — говорю, — могу и поговорить с вами, даже интересно. Но у вас время рабочее, оплаченное, стоит ли его терять попусту?»

Прокурор стал меня убеждать в том, что ходатайство — простая юридическая формальность и ничего позорного в ней нет. «Допустим, — отвечаю, — вы юрист, я же человек простой, темный. Но ваши революционеры, те, что из лучших, — эсеры — за такое предложение в лицо бы плюнули. Есть еще ко мне вопросы?»

Вопросы, как ни странно, были: «Напишите просто заявление с просьбой вас освободить». Я ответил: «Заявление как форма общения моим принципам не противоречит, но просить я вообще не привык. И зачем я буду обращаться с просьбой, которой у меня нет?» — «Но неужели вы не хотите на свободу?» Как мне ему объяснить? «Вы ведь, — спрашиваю, — язычник, атеист, по-вашему?» — «Да», — отвечает. «Тогда вы меня не поймете. Но я постараюсь объяснить. Я — христианин и абсолютно свободен везде и всегда». Следующий разговор уже деловой: «Мы хотим вас освободить, но не можем этого сделать без вашего согласия. Просим вас только выразить ваше отношение к возмож-

ному освобождению». Такую постановку вопроса я нашел честной. Действительно, сидеть в тюрьме мое право, и если меня не хотят лишать его насильственно, то это правильный подход.

Я написал заявление. Суть его в том, что к начавшемуся освобождению политзаключенных я отношусь положительно. В связи с наметившимися переменами в стране против собственного освобождения я не буду возражать тоже...

Я понимал, что санкционирую «помилование», но это их игры, мое дело — в них не участвовать. Мое заявление прочли и попросили еще в конце выразить согласие в дальнейшем действовать в рамках закона. Я сформулировал так: «Намерен считаться с законами государства в тех случаях, когда они не противоречат христианским принципам, национальным интересам России и международному праву».

Через несколько дней меня вызвал Чистяков, чиновник Прокуратуры СССР. «Извините, — говорит, — но заявление ваше несколько нагловатое. По такому об освобождении не может быть и речи». — «Сочувствую, но помочь ничем не могу, — ответил я. — Освобождение — ваша забота, не моя. Как хотите, так и выпутывайтесь». Стал Чистяков меня увещевать: «Почему вы к нашим законам так плохо относитесь?» — «Могу подробно это растолковать вам по Библии, но в другой раз. Ну а если на вашем, юридическом, языке разговаривать, то скажу следующее». И я назвал ему неприемлемые законы с точки зрения международного права, вплоть до некоторых известных мне секретных инструкций. Чиновник, как ни странно, соглашался. Но аргумент прекрасный выдвинул: «Но ведь вопрос о соблюдении этих именно законов перед вами лично и не стоит. А с большинством законов вы, наверное, согласны?» — «Вполне, — говорю, — но если я вам напишу, что не буду насиловать, взятки брать и воровать, так ведь вы это и сами за издевательство сочтете. Речь-то реально о 70-й идет». — «Но ведь вы с нашим строем не боролись», — сказал чиновник. Понятно,

по трафарету диссидентскому привык разговаривать. «То есть как, — говорю, — не боролся? А за что ж меня посадили? Я и на суде все факты признал. Боролся и впредь буду. Как же христианину с властью антихристовой не бороться?» — «Да, с вами хуже, чем с обычными диссидентами, у вас — убеждения», — укоризненно сказал Чистяков.

Шли недели. Жил, как обычно, занимался математикой, стихи вспоминал. Но вот 18 марта 1987 года, вечером, дверь камеры открылась. «С вещами!»

Показали бумажку о помиловании. Я написал: «Ознакомился» — и поставил подпись.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Безусловно, тюрьма дала очень многое. И недаром тюрьма на жаргоне называется «академией», польза ее исключительная. Иногда неверно понимают описание ГУЛАГа Солженицыным. Его книга не об аде, а о *человеческой душе*, которую невозможно сломить и адскими мучениями. И сам писатель сказал: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни». То же повторю и я. Был и остался дурным христианином, но стал, надеюсь, хоть чуть-чуть лучше после заключения. Я считаю себя в состоянии *гражданской войны* с коммунизмом. Со стыдом вспоминаю, что еще пять лет назад воспринимал врага сам, как красный комиссар, желал истребить, «искоренить». Теперь ощутил то, что ощущали все *наши*, даже стреляя: война эта — *братоубийственная*. Слава Богу, и я понял.

Еще о пользе тюрьмы, ШИЗО. Человек должен хоть год прожить без книг, без мирской суеты. Просто на небо смотреть... Это чувствовали все глубокие натуры — от христиан первых веков до Ницше. А уж в XX веке столько обрушивается «информации»... Год я был в ШИЗО без книг, карандаша, бумаги. Сколько же я за это время пережил по-новому, по-настоящему! Вспо-

минал стихи, музыку, о друзьях, о девочках давно забытых думал...

Духовно тот год был самым полноценным периодом в моей жизни. Испытываю ностальгию по Уралу, и здесь нет парадокса.

Воззрения мои политические не изменились. Но сейчас не идентифицирую новое руководство с холопами идеологии. Расчет на гуманизм или правосознание был бы, разумеется, непростительной наивностью. Речь о другом. Новое руководство — это люди, отравленные марксистским ядом, но они — люди нашей страны, которым не безразлична судьба России, конечно, как они ее понимают. И если прежнему, физически вымиравшему руководству было просто на все наплевать, то сейчас можно и необходимо, не отказываясь от принципиальной позиции, терпеливо искать и общие точки с властями. Среди действий Горбачева глубокого уважения заслуживает честное и открытое признание угрозы гибели нации от алкоголизма. Деятельности я не прекратил, остался членом НТС. Присматриваюсь, разбираюсь в обстановке. Продолжаю все дела, которые делал и раньше. Но формы должны меняться. Беседы с рабочими привели к некоторым четким выводам. Куцее облегчение в некоторых областях жизни, данное «сверху», по-прежнему давится на местах.

Девиз функционеров: «Все — как раньше!» Их коммунизм уже давно построен. И если раньше рабочие могли только рассчитывать на передачу материалов на Запад, то сегодня я агитирую за слом среднего бюрократического аппарата, бороться с которым призывает и ЦК. Вот вам и точка соприкосновения с газетными лозунгами — на благо народа.

Даю интервью, делаю открытые обращения, передаю правозащитную информацию на Запад. В перерывах успел закончить несколько математических статей, подготовил брошюру для издания в США.

Пока к нам велик еще интерес на Западе. Пользоваться им нужно, не для саморекламы, а в интересах

страны и мира. Потом он спадет, начнется «черная» ежедневная работа. К ней я готовлюсь сейчас.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: О «гласности».

Сегодняшняя наша пресса разительно отличается от той, которая была несколько лет назад. Горбачеву удалось сделать, казалось бы, невозможное: советские люди стали читать советские газеты, тогда как раньше они лишь плевались от бездарности спортивных репортажей. Разрешено писать о многом: о повальном пьянстве, о наркомании (разумеется, при этом не забывают подчеркнуть, что социальных корней у нас все-таки нет). Даже слово «проституция», бывавшее раньше лишь в секретнейших исследованиях, проводимых по заданию КГБ, перекочевало на страницы наших газет! Много пишут о коррупции, о разложении аппарата...

Иначе говоря: можно критиковать народ, можно — бюрократов и казнокрадов. Неприкосновенны только внутренняя и внешняя политика режима, монопартийная структура властвования в нашей стране. Называть ли все это свободой, называть ли гласностью? Подберите, пожалуйста, слово сами.

И все-таки начавшиеся процессы порождают надежды. Вязкость — закон нашей среды. Предыдущие руководства прекрасно понимали это, запрещая любые протесты, трактуя критику действий председателя колхоза как покушение на родную власть. А теперь движение в вязкой среде началось и многое зависит от нас самих. Горбачев сказал недавно, что нам необычайно трудно развивать критику и самокритику, поскольку у нас нет политической оппозиции (сказано на встрече с руководством Союза писателей СССР). Нынешний лидер подчас имеет мужество сказать, в какое болото зашел наш народ. Беда лишь в том, что, кроме рецепта барона Мюнхгаузена, никакого другого способа вы-

лезти из болота коммунистическая система предложить просто не может. Но выход у нас все-таки есть, только не в прокрустовом ложе идеократической системы. Состоит он в том, чтобы «максимум демократии» (так называет газета «Правда» положение в нашей стране — иногда сегодняшнее, иногда завтрашнее, но никогда, конечно, не ставя под сомнение незыблемость однопартийной системы) рассматривать лишь как начало либерализации, подлинной демократизации нашей жизни. Путь один — создание в стране политической оппозиции. Конечно, прежде всего это дело нашего собственного народа. Получить свободу со стороны — это для великого народа и позорно, и невозможно, но и Западу следует, на мой взгляд, внести свой вклад. Демократия в СССР не может считаться лишь нашим внутренним делом потому хотя бы, что без нее все разговоры о прочном мире просто абсурдны.

Я не могу в узких рамках интервью развить эту тему детально. Но путь из пропасти, в которой мы находимся сами и к которой все еще продолжаем толкать мир, только один: через политическую оппозицию к созданию подлинно плюралистического общества. И потенциал к началу такой работы у нас уже есть.

О «реформах».

На этот вопрос ответить, увы, просто. Попытки есть в самых разных направлениях. Часто их даже «революционными» наши лидеры называют. Реформ же в сколько-нибудь серьезном смысле этого слова — никаких. Очень категорично звучит. Позвольте поэтому на авторитет сослаться, заслуживающий в этом вопросе абсолютного доверия. «...Удовлетворены ли мы нынешним состоянием дел? И тут мы обязаны со всей реалистичностью и прямотой ответить: нет, не удовлетворены». Конечно, такой самокритичности надо только радоваться. Но читаем дальше. «Речь идет о том, что мы сейчас должны мыслить по-новому, действовать по-новому, работать по-новому, осваивать новые подходы в решении новых задач». То есть по истечении двух лет «перестройки» она, по

словам самого же Горбачева, все еще в стадии призывов начинать по-новому мыслить...

Чего действительно удалось добиться за эти годы — так это отработать терминологию, очередной партийный эзопов язык выработать. Еще недавно о том, что не сделано по сути ничего, что никакая перестройка даже еще не начиналась, говорилось гораздо более откровенно (например, в выступлении Горбачева в Краснодаре в 86-м году). Но прочтите внимательно новую речь, и вы увидите, что суть та же: серьезных перемен как не было, так по-прежнему и нет.

В чем же, собственно, дело? Перемен хотят почти все, в том числе и руководящая часть полновластно правящего нашей страной партаппарата, а воз — по большому счету — ни с места. Парадокс, казалось бы? А объяснить его крайне просто. Идеология, мертвенно-на грузом душащим на каждом висит! И неизвестно еще, на ком больше: на Горбачеве с Ельциным или на простом обывателе советском. Семьдесят лет ни для кого из нас даром не прошли.

Важно понять главное: конкуренции коммунизм не терпит ни в идеологии, ни в экономике, ни в культуре. Ни в чем. И способ побеждать у него один. Зато безошибочный — силой.

Вот что мешает нашим реформам. За них — почти все. Против — идеология. И все-таки движение в нашей стране началось. Мы получили возможность что-то делать для своей Родины, начинать возрождать мирную демократическую Россию. Положение сложное. Нам будут помогать, будут мешать; и сажать нас, я полагаю, будут тоже. Но разве дело в этом?

На вопрос, поддерживать ли слабые, противоречивые реформистские попытки Горбачева, ответ для меня лично безусловен: да. Только ведь поддержка — это вовсе не бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Именно политическая оппозиция, весь ее спектр, включая и открытых критиков основ строя, — лучшая поддержка мероприятиям правительства. Если, конечно, оно действительно желает

серьезных перемен в стране. Хотелось бы в это верить.

Конечно, Горбачев искренне считает, что Россия захочет остаться коммунистической. Некоторые же из нас полагают: наш народ отвергнет коммунизм. Что ж? Пусть народ получит возможность свободно высказаться — за 70 лет он ведь такой возможности ни разу не имел. Мы — критики основ строя — готовы подчиниться народному волеизъявлению. Готовы ли к этому коммунисты?

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Изменения в области прав человека происходят «разнонаправленно». В большей степени, как это ни странно звучит, — к худшему. Положение небольшой части освобожденных политзаключенных различно, у некоторых даже хорошее. Но дело ведь не в этих ста или двухстах людях. Происходит окончательное правовое закабаление народа, например ужесточен закон о «тунеядстве», по которому судят, по самым скромным подсчетам, тысячи людей, не совершивших никакого преступления. Вот вам советское решение проблемы безработицы!

Ведется борьба с алкоголизмом, наркоманией, проституцией. Конечно же я «за». Но когда читаю в газетах, как она ведется, — волосы дыбом встают. Неписаное «право» на вмешательство «коллектива», «актива общественности» в личную жизнь с каждым поколением становится более «очевидным», органически внедряется в понятие *личного права*. Потеряно даже больше, чем при Сталине. При злодейских убийствах миллионов в самом поколении той эпохи еще жило ощущение значимости человеческой личности. Сейчас это ощущение все слабеет: время ведь идет, а принципиальное отношение государства и общества к самоценности Личности не изменилось нисколько. Я ведь говорю не об ослаблении террора — о глубинных процессах речь!

На Западе говорят о нарушении многих прав в СССР. Но нельзя нарушать то, чего просто нет. Пол-

ностью и категорично это можно сказать о праве на личную, никак не зависящую от «общественности» жизнь, о гуманитарных правах, о праве на визу без «уважительных причин». Эти наши права никем не нарушаются. Их просто нет. В гуманитарной сфере явочным порядком, вслед за поднятием официального шлагбаума перед многими запрещенными произведениями искусства и литературы, возникли независимые издания. Их не любят называть теперь самиздатом, хотя существо то же. Реализация явочным порядком, без поддержки Законом — еще не право.

Первоочередные задачи в этой области: коренное изменение законодательства и одновременно упорное, неустанное пробуждение правосознания народа. Эти задачи кажутся почти невыполнимыми. Но иного пути нет. Особую роль в воспитании бесправия играет — непрекращающийся! — «бытовой» психотеррор.

Если для ареста человека на улице и содержания его в милиции нужен хоть малый, но предлог, то для помещения в «психушку» вообще никаких формальных предлогов на практике не нужно. Пишет человек письма Горбачеву, расценят их как «дезорганизирующие работу аппарата» — «полечить!».

Хорошо, что недавно такая практика подверглась резкой критике в «Известиях». Только положение — даже в Москве и Ленинграде — все равно не изменилось! Несколько месяцев продержат на уколах аминазина — будешь шелковый, писать же просто надолго разучишься. Не анекдот: в профессиональном жаргоне психиатров новый термин появился — «перестройщик»...

Почему нет свободного выезда из СССР? Предыдущие правительства хотели полной неподвижности, так надежнее и привычнее управлять. Послабление в одной области может ведь повлечь оживление в других. Поэтому дали маленькую лазейку лишь евреям, предварительно назвав их предателями. Идея простая: раз «чужие», «враги», то и выезд их как бы психологически объясним. Русских же просто в этом отношении дискриминируют. Немногих выпускают, вмиг сделав

из них «евреев», — визу дают еврейскую в Израиль. Лицемерие или садизм?

Думали так: дай право передвижения, так начнется цепная реакция за права внутри страны. Ведь если можно эмигрировать, то почему же нельзя и свои дела здесь налаживать? Кстати, отчасти так и происходит. Послабление нынешнее (от нуля если считать) еврейской эмиграции всколыхнуло людей, активизировало борьбу за другие права.

Вообще же отсутствие свободы передвижения подтверждает рабовладельческую сущность режима. В нескольких иных терминах это утверждается и официально. Гражданин у нас «всем обязан» государству — не наоборот! Так вполне и логично, что государство рассматривает его как свою собственность! Попробуйте выйти из гражданства — удавалось ли хоть кому-нибудь? Большинство желающих отказаться от советского паспорта оказывались «на месте»: в лагере или «психушке». Даже если раб не нужен, даже если вреден, действует психология собаки на сене. Ни себе и никому.

Сейчас положение, когда боялись любого движения, изменилось. Но по-прежнему жив консерватизм, важнейшую роль играет военно-промышленный комплекс. На Западе его серая тень доступна взору журналиста и общественности, у нас же в стране эта черная глыба — вне обозрения и критики. Все серьезные аналитики, исследующие советскую систему, называют ВПК одной из главных сил, правящих в СССР.

Но сколь огромна степень его влияния, я полагаю, не знает никто. Естественно предположить, что именно в вопросах выезда влияние военно-промышленного комплекса и оказывается нередко решающим.

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: Предпочитаю говорить о сделанном, нежели о планах. Тем более это полезно жителю нашей страны, имеющей в области планирования и печальный опыт, и тяжелую историческую наследственность.

В. А. Сендеров живет в Москве. Как и до ареста, занимается научной деятельностью. Автор нескольких десятков статей по функциональному анализу, публикует статьи как в западных, так и в отечественных научных журналах. Член Нью-Йоркской академии наук.

Составитель сборника «Mathematics for Russian Jews» (Free University, Washington DC, 1988). Сборник состоит из задач повышенной сложности, предлагавшихся на механико-математическом факультете Московского государственного университета абитуриентам-евреям.

Занимается публицистикой. Печатает статьи по различным вопросам в еженедельнике «Русская мысль», журналах «Посев», «Новый мир», «Вопросы философии» и в других изданиях.

Представитель Международного общества прав человека в России по религиозным проблемам.

Член Совета Народно-трудового союза (российских солидаристов) — политической организации христианско-демократической направленности.

Лауреат премии комитета «Религия в коммунистических странах».

Лауреат премии Фонда независимой польской культуры.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Когда я сегодня читаю газеты или слушаю рассуждения вчерашних диссидентов, мне живо вспоминаются разговоры в тюрьме с кураторами-гебистами. И удивительна эта ассоциация лишь на первый взгляд.

Кураторы были неплохими психологами, к каждому они старались подобрать подходящий ключик. Мой ключик выглядел так.

— Да, у нас в государстве многое плохо, у нас нарушаются права человека. И политзаключенные — это, безусловно, издержка нашей системы. У каждой системы свои издержки есть. Но вы хотите, чтобы рухнул

сложившийся за 70 лет строй. Хорошо, 200 политзаключенных выпустят. А сколько людей погибнет в межнациональных конфликтах? Как разгуляются бандиты? Вы считаете, что это будет лучше?

— Безусловно, — отвечал я. — Потому что свобода — это всегда высший дар. И не только для человека. Посадите зверя в клетку, в безопасность, кормите его несколько раз в день. А потом поверните ключ, предложите ему выбор: сытая клетка или тревожные джунгли. Ни росинки тебе, ни зернышка «даром»: все надо искать, добывать. Вокруг одни опасности, сожрать, убить могут. А все-таки здоровый зверь рванется на свободу, в дикие джунгли.

Увы... Обстоятельства, при которых мне вспоминаются те разговоры, убеждают меня сегодня: я был не совсем прав. Слишком много нашлось людей, которым свобода вовсе и не нужна. Такие всегда встречались среди «вечных лагерников». «Скоро жди назад, начальник, — говорил порой отсидевший лет 20 зэк при освобождении. — У тебя тепло, койку даешь, кормишь. Думать ни о чем не надо, только план выдавай».

Наше общество «отсидело» не двадцать, не тридцать лет — семьдесят. И нынешние претензии к властям тех, кто формирует наше общественное мнение, можно, если вдуматься, сформулировать кратко: «Плохо содержишь, начальник».

Возьмем очевидный факт: у нас сейчас бедствуют многие ученые, инженеры, люди культуры. Виновата власть! Это вроде ни у кого не вызывает сомнений. А давайте посмотрим на «очевидную» проблему чуть поглубже. Разве сегодняшняя власть рвалась в книгу Гиннеса, плодя дипломированных и «остепененных» специалистов (в несколько раз больше, чем в США!)? В нормальной стране, в частности в сегодняшней России, поступающий в вуз уже думает о перспективах, о будущей работе. А в СССР думать было незачем, все руководствовались незыблемым законом социализма: «Без бумажки ты букашка...»

Сегодня все мы, и власти в частности, расхлебыва-

ем бессмыслицу социализма. Делаем мы это из рук вон плохо, к нашей бездарности часто примешиваются тщеславие и корысть. И все-таки направление движения очевидно: от совдепии — к нормальной стране. Ведь мы все судим с позиций людей сорока-пятидесятилетних. А давайте соблаговолим вспомнить о поколении, выросшем за прошедшее десятилетие: это люди, уже не зараженные советским ядом! И именно в их руках окажется завтра будущее страны.

Но хватит о «наследии прошлого»; посмотрим, что происходит в нашей стране сегодня. Я скажу о своем личном опыте: чем занимаешься сам, что тебе внутренне близко, то всегда видишь лучше.

Я — математик, в частности, давно и тесно связан со школьным математическим образованием. Я пишу эти строки в середине июня, а в конце месяца заработает летняя математическая школа в Рыбинске. В нее съедутся дети из VI — VIII классов разных городов и сел. В течение всего года они решают весьма сложные задачи конкурса физико-математического журнала «Квант». А летом мы собираем победителей этого конкурса, чтобы позаниматься математикой и отдохнуть с ними вместе.

Рыбинск не исключение. Иногда мы даем на олимпиады, проводящиеся одновременно в разных городах мира (Турнир городов), сложнейшие задачи. Мы спокойны: может, в Москве их и никто не решит, а вот в Вятке или Иваново решат обязательно!

С сожалением обрываю эту тему: она специфична и интересна далеко не всем. Но могу сказать со всей ответственностью: сегодняшней интеллектуальный потенциал России огромен — и касается это не только математики.

А теперь возьмем другую область духовной жизни: что у нас издают, что читают? Русскую классику, философию «серебряного века», но не только. Гессе, Рильке, Лагерквист, Хайдеггер словно бы стали нашими национальными авторами: их издают и раскупают снова и снова. Издают в Москве и Челябинске, Петербурге и Магадане...

Но обо всем этом не узнать от холоднокровных «оценщиков» жизни собственной страны. О пороках ее, подлинных и мнимых, — сколько угодно. Кто спорит, о пороках необходимо говорить и писать. Вот только *как* писать, *как* говорить?

У нас всерьез прижилась юмористическая формула: «Интеллигенция всегда должна быть против власти». То есть опять добровольное рабство у власти, только теперь со знаком «минус». А почему бы не быть просто с истиной? Видно, это слишком примитивно, невозвышенно для нас...

И вот результат. Мало у кого поворачивается язык признавать очевидное: называть демократическую страну демократической. Обученные марксистским «измам» интеллектуалы предпочитают вместо этого обогащать почившее Передовое Учение самыми причудливыми находками: и «социализм для избранных» у нас, и «номенклатурный капитализм»...

В сегодняшней России две беды. Главная из них — *полное отсутствие гражданского общества*. Его подменяет собою интеллигенция, с вечной ее традицией: пасовать перед диктатурой и отыгрываться на «критике» либеральной власти. Любопытно поинтересоваться: много ли *сегодня* среди авторов знаменитого «перестроечного» сборника «Иного не дано» приверженцев «социалистического выбора»? Может, конечно, они за прошедшие несколько лет перевоспитались. А может, всё и проще: коммунизм-то и при «перестройках» оставался коммунизмом.

Зато сегодня... *вёрхом* постсоветского юмора становятся обмеривающие президента гробовщики. Гуляй! Сегодня в «этой стране» — всё можно!

Строительство новой России нам надо начинать с *себя*: избавляться от *собственного* хамства и духовного рабства, от психологии мечтающего о «добром начальнике» урки.

«Рабский» русский народ не раз за эти годы показал свою приверженность свободе. Но сегодня люди устали. А это весьма на руку тем, кто мечтает затянуть

страну в красное прошлое или коричневое будущее (впрочем, сегодня у нас эти цвета неразличимо слились). Мы должны все вместе преодолеть уныние и усталость. У каждого гражданина есть грозное демократическое оружие — его голос на выборах.

За коммунистов 20 с чем-то процентов электората? Прекрасно, значит, вместо нынешней красной Думы мы должны получить *нормальную*. Хотя и с сильной (как никак 1/5 общего состава!) большевистской фракцией.

Но найдется ли среди нашей интеллигенции достаточно людей, чтобы способствовать выполнению этой задачи?

Вторая беда России — *слабость исполнительной власти*. Именно слабость и шарахания сделали власть «самотормозом» на пути сколько-нибудь эффективных реформ. Я не специалист и не знаю, по какому канату лучше вылезать из постсоветской экономической пропасти. Очевидно одно: судорожно хватаясь, как сегодня, то за одну, то за другую веревку, будешь в лучшем случае висеть на одном и том же уровне.

В едва обретшей свободу стране эффективные реформы можно проводить единственным способом: под политической «крышей» сильной патриотичной цивилизованной власти.

А что если власть снова брякнется в болото «примирения», «согласия» и прочих никак не соотносящихся с реальностью застенных игр?

Это не исключено. И в предвидении любых перемен мы должны выполнять свою главную задачу: *строить в России гражданское общество*.

БЕСЕДА С ЛЬВОМ ТИМОФЕЕВЫМ

*Тимофеев Лев Михайлович, род. 08.09.1936 г.,
экономист, писатель.
Арестован 19.03.1985 г.,
осужден на 6 лет строгого режима плюс 5 лет
ссылки. Статья 70.
Автор книг и эссе, опубликованных за рубе-
жом: «Технология черного рынка, или Кресть-
янское искусство голодать», «Последняя
надежда выжить».
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?

Ответ: Вопрос не имеет ко мне отношения. Я был арестован за литературные работы, опубликованные на Западе. Система меня интересует не с точки зрения конфликтов или разногласий с нею. Она интересна мне для анализа — средствами художественными и научными.

Моя книга «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать» представляет собой документально-беллетристическое произведение об экономическом феномене приусадебного участка. С одной стороны, проводится социальное исследование этого феномена, а с другой — действие пронизывает сквозная беллетристическая линия: судьба пожилой крестьянки, хозяйки, матери. Начал писать эту книгу давно, завершил в 1981 году. Книга была напечатана в двух русских журналах за рубежом, вышла также на английском и итальянском языках. Главы из нее продолжали читать по «Голосу Америки» и после моего ареста. В книге на широком материале показано, что планово-распределительная система не может существовать без поддержки рынка — системы приусадебного хозяйства крестьян. 5 — 7% всей посевной площади, т. е. примерно 1/10 земельного фонда, которую составляют приусадебные участки, дает треть всей сельскохозяйственной продукции страны.

Рассказ «Ловушка» — эпистолярное сочинение, четыре письма разных людей. Речь идет о том, что человек, ставший «номенклатурой», может выбраться из системы лишь ценой чрезвычайных жертв. Повествуется о судьбе председателя колхоза, которого начинают унижать и травить, когда он пытается вернуться от «номенклатурной» к нормальной жизни. Ему не удается.

В знак протеста на глазах у секретаря обкома он поджигает себя в общественном туалете. Другой человек, рассказывающий об этом в своем письме и сочувствующий герою, будет изолирован в психиатрической лечебнице.

В журнале «Время и мы» было опубликовано мое эссе «Последняя надежда выжить». Впоследствии вышла и одноименная книга. Пафос этого эссе в том, что ни революция, ни коллективизация не смогли убить общественное мнение. Оно лишь утратило свой вербальный характер, полностью интериоризировалось в человеке. Система-доктрина не может не вступить в конфликт с общественным мнением. И судьба такого конфликта исторически предопределена, общественное мнение всегда тяготеет к здравому смыслу и существует не только «внизу», но и «вверху».

Для меня книги — это искусство. Если спросят, что я знаю о том или ином предмете, отвечу: ничего. Но напишу книгу и буду знать. Перед тем как написать, начинается познание, продолжается оно и во время работы — я узнаю.

Писать для меня — сугубо индивидуальная, а не политическая потребность. Не как гражданина СССР, а как писателя. Не идентифицирую себя с той или иной группой, массой, хотя и выполняю социальную роль — это несомненно.

Незадолго до ареста написал пьесу под названием «Москва — Моление о чаше». В ней два персонажа — муж и жена, находящиеся в состоянии ожидания ареста. Пьеса вышла в журнале «Время и мы», когда я уже был арестован и находился под следствием.

Мои взгляды изложены в произведении «Последняя надежда выжить». Надежда, единственная, — исторический процесс отторжения идеологии социализма общественным разумом, надежда на стабильность государства как института. Частные перемены в политике не спасут. Революция 1917 года, вылившаяся в партийную борьбу радикалов, опасна и бесполезна. Надежда на здравый смысл общества, на смирение, которое и

позволило нам выстоять. Смирение — форма духовной свободы.

Я рассказал о своих книгах, пусть это и будет ответом на поставленные вопросы.

Вопрос: *Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?*

Ответ: Возможность неприятностей я предполагал. Но решил вести себя так, будто КГБ не существует. Писать с оглядкой, поступаясь убеждениями, нельзя. Не писать тоже нельзя, не мог не писать. Тут выбор: или утверждать свое миропонимание, или деградировать. Арест в данном случае становится темой второстепенной.

Работа над пьесой «Москва — Моление о чаше» позволила мне снять внутренний конфликт, связанный с темой ареста. Творчество невольно дало психотерапевтический эффект.

Профессионально я начал писать поздно, к 30 годам. До этого работал матросом, рабочим на лесопилке, учился в Институте внешней торговли, в армии служил военным переводчиком. В 1964 году пришел в журнал «Юность» со своими стихами, затем опубликованными. Около 20 лет был в Союзе журналистов СССР. Исключили меня во время следствия и из Союза, и из профкома литераторов еще до суда, до вынесения приговора. Вина человека у нас фиксируется в момент ареста. С 1973 по 1977 год был научным консультантом журнала «Молодой коммунист», печатался в «Новом мире», «Дружбе народов», «Юности».

Арест произошел без каких-либо предварительных знаков. Но я ощущал, что вокруг что-то происходит. Мои книги читали по западным радиостанциям. И все же не думал, что обязательно посадят. Надеялся, что возобладает здравый смысл. Однако оказался одним из немногих после Синявского и Даниэля, кто пострадал за чисто литературную деятельность.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: Утром 19 марта 1985 года, уже при Горбачеве, я вышел за покупками в магазин «Лейпциг», что неподалеку от моего дома. Возвращаясь со своей собакой, я обнаружил в подъезде большую толпу людей. Мне сказали: «Мы к вам». Я достал как ни в чем не бывало газету из почтового ящика и в сопровождении чекистов поднялся на лифте. Подойдя к квартире, один из чекистов позвонил в дверь. К сожалению, жена спросонья не могла понять, в чем дело, и открыла, не спросив «Кто?». Они ввалились в квартиру, предъявили ордер на обыск. «Обыскивайте», — сказал я и пошел завтракать на кухню. Моей младшей дочери было четыре года, и она тогда очень обрадовалась дядям, пришедшим «в гости». Я позавтракал, мне предложили спуститься в машину и отвезли в Лефортовскую тюрьму КГБ. На обыске у меня взяли мои личные записки и дневники. На следствии предъявили обвинение в написании книг, сказав, что это является «антисоветской агитацией и пропагандой с целью подрыва советской власти». Я отказался участвовать в следствии, так как судить о литературе — дело общественного мнения, а не КГБ. Вины, естественно, я не признал. Самое яркое впечатление того момента — впечатление смерти. Нужно умереть и родиться вновь. Арест — это смерть для старой жизни и переход к новой. Так должно происходить таинство крещения. Таким крещением был для меня арест.

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Положение заключенного в политической

зоне зависит только от одного обстоятельства — от отношений с КГБ. Для людей, которые лояльны с оперуполномоченным, готовы с ним беседовать, делиться впечатлениями о товарищах, — положение терпимое. Другое дело, если ведешь себя иначе. Я сказал: «Само присутствие КГБ в лагере — противозаконно». И стал объектом для произвола администрации. На меня давили, «прессовали»: пробыл год в лагере, из него 2 месяца в карцере и 4 — в ПКТ (помещение камерного типа). Чекисты предупреждали, что дальше моя дорога — в Чистопольскую тюрьму (по их представлениям, страшнейшее место). Я готовился к этому. Никаких претензий к администрации лагеря не предъявлял — те люди для меня просто не существовали. Они же пытались доказать факт своего существования репрессиями. Происходящие события не были для меня неожиданными, я размышлял об этом ранее, в своей работе «Последняя надежда выжить».

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: Морально самое трудное в заключении для меня — отсутствие информации о семье: жене и дочерях. Жена после моего ареста тяжело психически болела, и я не знал, что с ней происходит. Моральных травм от самой лагерной жизни не испытывал. Нравственно чувствовал себя как никогда раньше в жизни. Пребывание в лагере считал неотъемлемой частью своего дела. Это была плата за великое удовольствие — говорить людям правду, и плата не столь уж высокая.

Трудно было переносить холод в карцере. В коллективных протестах я тоже участвовал. Индивидуальных претензий не было. Я уже говорил: администрация для меня не существовала. Зачем выяснять отношения с прапорщиком, когда конфликт даже не с генералом и не с президентом? Да и конфликт не политический, а нравственный. Но я хорошо понимал протесты других.

Меня тоже достаточно «давили», лишали свиданий

с женой. Это была мерзость беспредельная. Но я знал природу происходящего. Материальные лишения отступают на второй план, если человек духовно тверд. Даже пытки холодом и голодом — мелочи, не имеют значения для духовного состояния. Конечно, многое было отвратительно, начиная от мерзкого питания и кончая уродливой и неудобной одеждой. Это не просто изоляция, все это пытка, недостойная цивилизованного сообщества. Наказание в цивилизованном мире сводится только к изоляции, к изъятию из общества преступника. Мы же — «особо опасные» — преступниками не были.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?

Ответ: В январе 87-го года на зону явился районный прокурор и стал уговаривать нас написать в Президиум Верховного Совета СССР ходатайства об отмене сроков наказания: «Никто не требует от вас раскаяния — нужна формальная бумажка. Гарантирую, что через пару недель вы уже будете дома». Кто-то отказался писать эти бумажки: «Просить нам не о чем — сами посадили, сами и выпускайте!» Большинство написало, подчеркивая скорее факт своей невиновности. Я написал, что не имел и не имею намерений наносить ущерб советскому строю. Такое заявление я мог написать всегда. Но в данном случае был факт тактического поведения. Требование властей было незаконно, но я сознательно шел на этот компромисс. Без компромиссов с системой можно общаться языком только радикальным. Я его не приемлю. Но лишь когда дело не касается моих принципиальных взглядов на жизнь. Многие из отказавшихся от компромисса продолжают находиться в заключении. И от нас, вышедших на волю, требуются активные действия.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: С одной стороны — это были замечательные годы, давшие понимание жизни в большей степени, чем все предыдущие. Но принесли они и много горя: болезнь жены, разлуку с детьми. И все равно, там, где торжествует зло, есть возможность добра. Чрезвычайная ситуация проявила так много светлых людей вокруг. Совершенно незнакомые люди помогали нам: нередко оставляли пакетики с фруктами, пирожками на дверной ручке квартиры, где жила моя семья. Эти люди искали причастности к нашей судьбе, они считали ее праведной. Люди невольно обнаружили возможность ощутить себя общественной силой — и это великое приобретение. Мы поняли, кто мы такие, и поняли, что нас очень много. Когда я вышел на волю, ко мне на улице подходили люди: поздравляли, целовали, благодарили. Я получал письма от самых разных, незнакомых людей. В них выражены искренние, добрые чувства.

Я не могу перестать писать. Как только освободился, успел сделать литературоведческую статью о творчестве поэта Андрея Вознесенского. Буду стремиться опубликовать ее в Советском Союзе. Материал творчества Вознесенского удобен мне для утверждения некоторых собственных эстетических и философских взглядов. Как каждому дилетанту, мне хочется иметь свою законченную картину мира, охватывающую разные стороны бытия: социальную, экономическую, художественную.

«Феномен Вознесенского» — типичное выражение идей средней советской интеллигенции. Я предпринимаю попытку исследования одного поэтического мотива — неудовлетворенности собственным творчеством. Анализирую эстетическое несовершенство некоторых гражданских тем, связанных с мировоззренческими принципами. Пишу по-русски и для

русского читателя. Ведь возможность опубликовать книги на Западе тоже предполагает возвращение их сюда — в Россию.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Процесс начался благой, объективно необходимый, который, надеюсь, будет в дальнейшем утверждаться. Хотя рецидивы прошлого не исключены и возможны самые страшные. Альтернатива: или этот процесс, или небытие. А духовное небытие приведет и к небытию физическому. Идея необходимости гласности и перестройки — это главная идея моей книги «Последняя надежда выжить», написанной не в 1987, а еще в 1983 году.

Форма моего участия в переменах — сотрудничество в независимом бюллетене «Гласность», создание свободного дискуссионного клуба, ну и всё, что пишу. Я давно сторонник недавно начавшихся в стране процессов и буду стремиться к участию в них, независимо от того, позволят мне или нет.

Независимый бюллетень «Гласность» задуман как периодическое информационное издание, не конкурирующее с официальными, а дополняющее их. Предпринята попытка его легализовать: редактор Сергей Григорьянц обратился с письмом в ЦК КПСС. Не вижу причин, по которым руководство страны откажет в легализации. Мы готовы представлять номера в Главлит. Никаких секретов публиковать не собираемся.

Цель бюллетеня «Гласность» — поддерживать политику гласности. Издаваться он будет на общественных началах, но надеемся на финансовое обеспечение — хотим создать кооператив. Бюллетень «Гласность» станет проверкой позиции властей.

7 июля 1987 года создан общественный пресс-клуб «Гласность», который займет видное место в форми-

ровании независимого общественного мнения страны.

Трудно говорить о роли отдельных слоев общества в перестройке. Общество — единое целое. Интеллигенция много раз предавала собственные идеалы. Она сохраняла эти идеалы только вербально, в словесных формулах. У народа же стремление к добру составляет образ жизни. Нынешние процессы нельзя рассматривать как возвращение утраченных истин, которые давным-давно преданы интеллигенцией.

Общество существует как единый организм. Есть стратификация сознания, а не стратификация социальных групп. У Горбачева может быть больше соответствий с колхозником в Тамбове, чем с иным интеллигентом.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Изменения происходят. Я, например, нахожусь не в лагере. Хотелось бы, чтобы слова сейчас утверждались в жизнь действиями. Необходимо ликвидировать в уголовном кодексе «политические статьи» 70 и 190 — 1 — они позор страны. На практике инакомыслие преследуется именно по этим статьям.

Нужна перестройка правовой системы в соответствии с международным правом и всеобщими представлениями о демократии. Усилия правительства сейчас направлены на преодоление хаоса и произвола путем кодификации. Попытка неплохая.

В первую очередь должна быть решена проблема свободы передвижения. Пограничники должны повернуться лицом вовне, а не наставлять дула автоматов на желающих уехать. Закон здесь может быть только один: свободный выезд из страны и въезд в нее. Спорные вопросы о секретности — дело для открытого, гласного рассмотрения в суде и обсуждения в прессе. Убежден: нелепая концепция «секретности» под давлением здравого смысла начнет расшатываться. Гласность только началась. Представим крутой поворот событий, резкое изменение ситуации, приход к власти иных идей.

Будет еще сложнее, чем утверждение гласности. Действовавшие механизмы, от экономических до нравственных, продемонстрировали неприятие дальнейшего развития системы репрессий.

Мне кто-то передавал слова работника КГБ: «Нам поручили проводить политику гласности и перестройки». КГБ — самая четкая и высокоорганизованная структура в стране. Эти люди умеют выполнять приказы с достойным рвением. Кто бы приказал им изжить самих себя?

Вопрос: *Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?*

Ответ: Хочу устроиться на работу. Пока никуда не берут. Отказали в «Литературной газете», в других журналах. К сожалению, несмотря на квалификацию, лишен права репетиторствовать: не имею педагогического образования. Хотел бы преподавать английский язык. Надеюсь на публикацию только что законченной книги «Моление о чаше», в которой вы найдете многое из того, о чем я рассказал в этом своем интервью: арест, лагерь, освобождение.

* * *

С 1987 по 1990 год Л. Тимофеев — издатель и редактор журнала независимых мнений «Референдум». В 1989 году в Париже вышла книга «Моление о чаше», она удостоена премии Владимира Даля. В 1991 году в Москве издана книга «Я — особо опасный преступник». В том же году в США, Франции, Германии вышел «Антикоммунистический манифест. Кому помогать в России». Л. Тимофеев — один из его авторов и редактор-составитель. В 1992 году в Москве вышла книга «Зачем приходил Горбачев» (в том же году она издана в США под названием «Тайные правители России»). В 1993 году издательство «Весть-ВИМО» (Вильнюс — Москва) выпустило сборник избранных материалов «Референдума», а также книгу Л. Тимофеева «Черный рынок как политическая система».

Член Пен-клуба, член Союза писателей Москвы. Регулярно публикуется в российской и зарубежной периодике.

Руководитель Центра по изучению нелегальных экономик при Российском государственном гуманитарном институте.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: В основе прежней, советской системы была идеология, которую нельзя было принять. Мой конфликт с системой был идеологический. Я видел, что система ложно отражает жизнь. Но я не революционер. Я просто хотел соответствия наших знаний и представлений о жизни с самой жизнью. Сегодня такого конфликта нет — власти не препятствуют нашему знанию и пониманию действительности.

Сейчас я не взялся бы говорить, что нужно сделать. Я исследователь, а не политик. За последние годы Россия развивалась по определенным законам, и этот путь может быть описан в рамках исторических закономерностей.

Никакой особой оппозиционности к власти я сегодня не испытываю.

Если сопоставлять с прошлым, то самое большое изменение в России — это то, что меняется исходная посылка в понимании, что хорошо, а что плохо. Теперь вопрос ставится не что хорошо, а что плохо, а — что выгодно и что не выгодно.

Хорошо и плохо — не рыночные категории. На рынке: выгодно — невыгодно. А вопрос с «хорошо» и «плохо» решается в церкви, в семье.

В экономике быть безнравственным невыгодно, если экономика работает нормально. Невыгодно «кидать» партнера, поскольку не сложатся тогда долгосрочные отношения. К сожалению, у нас сейчас ненормальная экономика.

В ней выгодно быть жуликом и обманывать.

В 1917 году произошел слом отношений собствен-

ности. Большевики стали строить новые экономические отношения на основе беззакония. Беззаконие коммунистическое перешло в беззаконие переходного периода. В СССР юридически собственность не принадлежала никому, хотя фактически ею управляли аппарат, номенклатура — по праву статуса. И другой приватизации, чем осуществленная сейчас, произойти не могло, по крайней мере мирным путем.

Это стало исторической неизбежностью. Нынешние собственники взяли эту собственность по праву своего прошлого статуса. Вместе с тем появились и другие собственники, предприниматели, не принадлежавшие к номенклатуре, но которые получили возможность стать собственниками с помощью номенклатуры и бандитов. Это объективный, исторически обусловленный процесс. И богатые хотят сейчас правовых норм. Все это началось давно, и вылечить 70-летнюю, застарелую болезнь невозможно за 4 — 5 лет.

Вспомните, при Горбачеве, в 1988 — 1989 годах, до 80% населения вообще не поддерживало идею частной собственности, бытовали еще слова «кулак», «куркуль», «теневик» — так называли в советском праве частных собственников.

Коррупция, поиск незаконных путей обогащения стали печальной повседневностью, другой стороной рынка.

Я — директор Центра по изучению нелегальных экономик, и меня интересуют не конкретные люди в экономике, а ее механизмы.

Что касается коррупции, то теперь о ней можно говорить публично. Сопоставляя ситуацию с прошлым, можно задать такой вопрос: почему я должен сегодня больше опасаться влияния Березовского, чем в свое время влияния, к примеру, Громыко или Устинова?

Мне нравится, что коммунисты не имеют сегодня полной власти в стране. Совсем недавно трудно было себе представить, что коммунисты будут оппозиционной партией в правовом парламенте. Я счастлив, что увидел это.

Отвечать на вопрос, что делать дальше, — не моя задача как исследователя. Меня интересуют вопросы: почему? Каким образом? С каким результатом и с какой целью?

Сегодня меня раздражает не столько коррупция, сколько рынок журналистов. Торговля безответственным словом опаснее, чем торговля должностями и привилегиями. Если тот бизнес может привести к ситуации террора и диктатуры опосредованно, то торговля словом ведет к этому непосредственно. Опасность в обществе состоит в зыбкости нравственных критериев, которая отчетливо проявляется в печати.

Сейчас люди живут трудно, добыть деньги непросто. Многим, в особенности пенсионерам, труднее, чем при коммунистах. Тогда они могли обменивать деньги на продукты. Теперь нет у них этих денег. Но меня не оставляет надежда, а раньше, при советской власти, ее не было.

Не знаю, что нужно делать вообще, но знаю, что должен делать я лично: поддерживать либеральные идеи в рамках своей профессиональной деятельности, голосовать за партии, которые такие идеи проповедают.

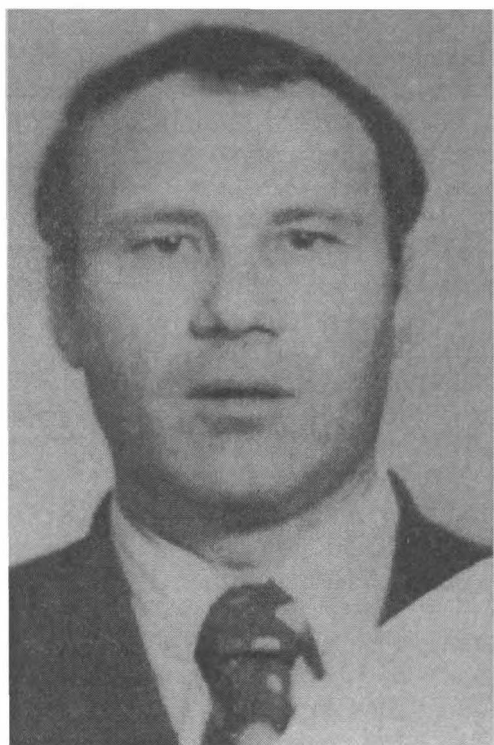
Многие мерзости жизни люди сейчас нередко приписывают переходному периоду. Это неверно, ведь некоторые негативные вещи присущи любому обществу, они вечные, просто в переходный период ощущаются более остро. Есть в человеке нечто такое, с чем ему жить всегда. Уровень человеческой гадости и греховности — некоторая константа жизни. Задача состоит в том, чтобы нащупать, понять и выбрать наиболее оптимальный путь развития.

Сейчас многие недовольны криминализацией общества, сращением власти с преступностью. А вот мы проводим исследования общественного мнения, задавая вопрос: стали бы вы голосовать за представителя криминального мира, если бы вы знали, что он улучшит ваше материальное положение и обеспечит порядок в городе? Наша гипотеза состоит в том, что ощути-

мый процент, примерно 20 — 30%, ответит положительно. В людях живет вера или надежда в то, что бандит может навести порядок.

Считаю, что опасности возврата к коммунистической системе в России нет. Даже если бы коммунисты получили большинство в Думе, вряд ли им бы удалось что-то сделать. Предстоят президентские выборы, а у коммунистов нет сильного кандидата. Но предсказывать будущее в России нельзя.

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ТИТОВЫМ

*Титов Владимир Григорьевич,
род. 22.10.1938 г., 1956 — 1959 гг. —
школа КГБ. 1967 г. — окончил Всесоюзный
заочный энергетический институт, инженер.
Арестован 25.10.1982 г. Статья 190 — 1.
Передавал информацию на Запад об использова-
нии труда заключенных на строительстве
газопровода в Тюмени. Ранее: 1969 г. —
статья 70 (5 лет тюрьмы и 2 года ссылки);
1971 г. — статья 70 (3 года тюрьмы);
1973 г. — статья 70 — осужден
и направлен в СПб г. Сычевка; 1976 г. —
освобожден; 1976 — 1982 гг. — периодически
помещался в ПБ. Освобожден 09.10.1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Юношей я воспитывался на патриотических книгах, на фильмах о «доблестных советских чекистах и разведчиках». Свято верил в идеалы, пропагандируемые вокруг. Кроме того, во мне сформировалось романтическое отношение к людям подвига. Потому и решил стать чекистом, с 1956 по 1959 год учился в школе КГБ. Затем меня направили на работу в Норильск, в Красноярское управление. Служба в идеологическом отделе была связана с наблюдением за жизнью верующих: баптистов, пятидесятников и, конечно, православных тоже. Мы широко привлекали к нашей работе комсомольцев и милицию. Часто приходилось заниматься дешевыми манипуляциями, компрометацией и вербовкой священников.

Я увидел КГБ изнутри, и мои юношеские иллюзии рассеялись. Многие из моих прежних коллег нарушали элементарные нравственные устои: пили, любили покутить. В 1961 году я отказался от дальнейшей службы по моральным соображениям, однако, во избежание неприятностей, сослался на здоровье, на слабые нервы. Так возник мой первый конфликт, но еще не с системой, а с одной организацией. Совесть не выдержала. Стыдно было и перед матерью-христианкой, которая все знала, да и перед своим народом.

Уйдя из КГБ, я устроился инженером в «Центр-энергомонтаж». Много разъезжал по стране в связи со строительством тепловых и атомных электростанций. За годы работы не раз был свидетелем, как к труду на стройках привлекали заключенных. Они работали почти бесплатно, в скверных условиях, их рабочий день длился намного дольше 8 часов.

Основным способом выражения несогласия с не-

справедливостью и безнравственностью я избрал пропаганду среди людей: изготавливал листовки протеста. Кроме того, передавал информацию на Запад. Считаю, что цели своей добился: на «стройках века» заключенных работает теперь меньше, в США даже в свое время наложили эмбарго на поставку оборудования для газопровода, где использовался труд заключенных.

Вопрос: *Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?*

Ответ: На арест я шел совершенно сознательно. Избежать его не предполагал, хорошо знал обстановку в организации, где, к стыду своему, сам когда-то служил. Но я заплатил за свой грех 18 годами заключения.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: В моей жизни было много арестов, следствий, обвинительных актов. За 18 лет я к ним привык, хотя были моменты, когда казалось: живым не выйду. Постараюсь рассказать по порядку, но коротко.

Мои протесты против использования труда заключенных привели в 1969 году к моему аресту и заключению по статье за антисоветскую агитацию и пропаганду. Экспертиза, проведенная в том же году известным врачом-психиатром Лунцем, показала, что я совершенно здоров.

За борьбу в местах заключения за соблюдение администрации общепринятых законов в 1972 году меня вновь осудили, не выпуская на свободу, еще на три года.

Не дождавшись от меня отказа от борьбы за свои права, власти пошли дальше. В 1973 году меня бросили в спецпсихбольницу (СПБ) в городе Сычевка Брянской области. Таким образом, властям теперь, во-первых, не надо было заботиться о сроках моего освобождения, а во-вторых, они чувствовали свою полнейшую безнаказанность.

К этому времени, однако, мое имя уже стало довольно известно, и в 1976 году КГБ был вынужден меня освободить.

С 1976 года я стал работать инженером по наладке газового оборудования. В 1981 году с меня сняли диагноз психически больного, я много ездил по работе по Сибири и в 1982 году передал на Запад сведения об использовании труда заключенных на одной из «строек века» — газопроводе в Европу. Последствие этой истории вы, конечно, помните: президент США Р. Рейган наложил вето на поставку в СССР газового оборудования. Другое следствие не так известно: в том же году меня осудили в третий раз и снова бросили в известную вам уже СПБ «Сычевка». Затем меня перевели в СПБ в г. Орел, потом в СПБ в г. Смоленске и лишь 9 октября 1987 года, после многолетней международной кампании за мое освобождение, меня выпустили, наконец, из психбольницы г. Калуги на «свободу». Правда, и на сей раз слово «свобода» я беру в кавычки. Мне сказали, что меня лишают гражданства и что я должен покинуть СССР до ноября, а *иначе меня снова поместят в больницу.*

За все время, проведенное в заключении, никогда не шел на компромиссы, вину свою признать отказался — это значило бы отречься от правды и от самого себя. О впечатлениях говорить просто смешно: побудьте под уколами в психушке несколько лет. Какие будут впечатления?

Вопрос: Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?

Ответ: О тактике не думал, может быть, поэтому и имел постоянные конфликты с администрацией лагерей и психбольниц. На уступки не шел, да о них, по большому счету, и речи не шло в СПБ (спецпсихбольницах тюремного типа).

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении, что было самым трудным?*

Ответ: О лагерях и тюрьмах знают достаточно. СПБ остается для всего мира тайной. Представить, что там творится, трудно, не побывав. Поэтому дам лишь справку, без эмоций.

ЧТО ТАКОЕ СПБ?

СПБ — это система зданий, окруженная забором, колючей проволокой, с сигнализацией и охраной, в точности такой же, как в обычной тюрьме.

ВНУТРИ — камеры, замки, «глазки», охранники в погонах. Тяжести режима многие не выдерживают. Самоубийства в СПБ не редкость.

ДИСЦИПЛИНА внутри поддерживается либо обычными тюремными средствами, либо сильнейшими психотропными препаратами, например такими, которые из-за их опасности для здоровья теперь редко применяются психиатрами в демократических странах.

КОНТИНГЕНТ. 1. Скрывающиеся от сурового наказания уголовники. 2. Осужденные по статьям 190 —1 и 70 УК РСФСР, т. е. за «клевету на советский строй» и «антисоветскую агитацию и пропаганду».

На мой взгляд, в СПБ до 90% — здоровые люди.

ПИТАНИЕ. Завтрак: еле коричневый чай-бурда, два кусочка сахар, каша перловая или пшенная (рис, гречка — очень редко). В каше глазок жира, хлеб черный, но тоже ограничен, в других же психушках черный хлеб не ограничен. Обед: суп помойного вида, типа муты с рыбьими костями из мойвы или минтая или щи с кислой капустой с парой плавающих жиринок. На второе — черпак каши из перловки или пшена. Ужин: опять подобие чая, каша или картошка, мятая с куском рыбы — минтая или мойвы.

ТРУД в СПБ г. Орла обязательно-принудительный, по 6 часов в день, даны нормы выработки. План выполняешь — платят 6 рублей в месяц, не выполняешь — не платят. В трудовых цехах СПБ больные сверлят диски для тракторов, ставя на них заклепки. От сверления в помещении тяжелый воздух, загрязненность атмосферы цеха ужасная. По выходе из цеха больные долго откашливаются черной мокротой. Грохот же и шум еще невыносимее. Если учесть, что многие работают под действием нейролептиков, и без того заливших голову «чугуном», то иначе как страдальцами людей не назовешь. По сути это беспардонная эксплуатация, прикрытая демагогией о «пользе» труда для выздоравливания. СПБ, как и все в СССР, на хозрасчете, на самокупаемости: всё оплачивают больные, даже свои пытки-лекарства. В цехах для сверления дисков выдают острые, тяжелые предметы — орудия труда, вплоть до молотков. Но когда в отделении из столовой пропадает ложка, начинается лицемерный переполох, обыски всех и вся, угрозы никогда не выпустить и т. д. Больных постоянно используют при всех внутренних и внешних ремонтах больничных корпусов. Мытье полов, туалетов — это уж само собой разумеется. Все новые корпуса на территории СПБ построены больными эсками. Снегоуборочные работы зимой, рытье траншей — всё выполняют обитатели СПБ в ветхих одежонках, на плохом корме, под уколами — за одну надежду на освобождение из преисподней. Люди стараются угодить врачам, во власти которых находятся, так как срока у них нет...

«ЛЕЧЕНИЕ». Ни от чего человек так не страдает в СПБ, ни от голода, ни от труда, ни от засовов-замков, унижения, избиений санитарями, ни от палатной вони летом, холода нетопленых палат зимой (что нередко), как от зверства «лечения» нейролептиками. Это настоящая физическая пытка. Всем международным гуманитарным организациям «лечение» психотропными средствами здоровых людей надо зачислить в ряд пыток. Множество случаев, когда и больные не

нуждаются в таком истязании, контингенты тихих, мирных людей, к примеру... Лекарства эти — яды для организма. Люди отекают, у них поднимается температура. Какая тяжесть, туман в голове — не передать. Люди бьются в судорогах, плачут, умоляют не колоть, но их привязывают к кровати и колот, колот месяцами, годами... Был заколот при мне в 1986 г. несчастный Яриков, не выдержал доз аминазина. Таких яриковых очень много. Только врачи да Бог знают их имена. Доведенные до отчаяния от уколов люди ищут смерти. Советские СПб выбрасывают из своих недр буквально лавину самоубийц. В год, что мне было известно, по 6 — 7 человек самоубийц. За 1985 — 1986 годы в первом отделении покончили с собой 5 человек. Это отделение, где особенно жестоко закалывают. Во втором отделении — 3 человека, в третьем отделении — 1 человек. Способ самоубийства — самый распространенный: обмотать горло смоченным полотенцем, когда полотенце будет высыхать, оно стянет горло, удушит. Зная этот способ, администрация требует, чтобы полотенце всегда висело обозреваемо на перилах кровати, а руки во время сна все обязаны держать поверх одеяла. Другой способ — тайком накопить таблеток нейролептиков — и выпить разом штук двадцать. При мне один парень, когда его вывели на дворовые работы, отделился от группы и быстро полез по пожарной лестнице вверх. С высоты он бросился вниз. Его, стонущего, в крови, санитары отнесли в изолятор и бросили умирать там. Ему никто не оказал медицинской помощи. Есть правило: в СПб всех обязаны колоть. В психушках общего типа колот не всегда, часто дают просто таблетки. В СПб таблетками тоже душат не менее интенсивно, чем уколами. При глотании таблетки медсестра зорко смотрит в рот, после проглатывания она на язык надавливает медицинской ложкой, проверяя, не прилепил ли больной таблетку к гортани. Врачи в погонах МВД не люди. В этом я убедился при долгом наблюдении за ними. Беспредельная власть над ближними развратила их до крайнего цинизма. Они

накачаны каким-то спокойно-невозмутимым садизмом. Частенько колют-мучают с ласковыми прибаутками, «утонченно под Шопена» (как сказал один поэт). Начальник первого отделения капитан Абашин, тип лет 38, превзошел все разновидности жестокости, схожие с душевным растлением. Я всегда видел в его лице радость, когда он слышал стоны или мольбы «не колоть». Лично меня он закалывал до полусмерти. Не успевали медсестры отойти с одними шприцами — идут с другими... У меня распух язык, я не мог говорить, двигаться, горел в жару. Я лежал на койке первого отделения месяцами, только судорожно вздрагивая, а то был бы как покойник. Иногда из последних сил поднимался, держась за стенку, шел в отхожее место. Потом рассказывали мне, что по отделениям прошел слух: «Титов умирает». Этот прием «проучить насмерть» со мной проделывали не раз. При мне был такой случай. Кого-то из уголовников так «поучал» врач Яков Матвеевич, фамилии не знаю. Уголовники — народ решительный. По выходе из сумасшедшего дома один из них поклялся отомстить врачу-садисту. Уже на воле с дружкой он проник в квартиру Якова Матвеевича. Жену его убивать не стали, закрыв ее в ванной. Муженьку же ее прочитали смертный приговор, припомня его особые измывательства, заставили выпить куль нейролептиков и вспороли ему живот ножом. После все слышавшая в ванной жена рассказала о приговоре, по которому легко было установить личность мстителей. Оба были арестованы и расстреляны. Суд на этот раз не обратил никакого внимания на диагноз уголовного, с которым тот был выписан из психушки. Теперь он сразу «выздоровел» и понес наказание как здоровый.

По моим наблюдениям, в СПб (почти во всех) содержатся психически здоровые люди, 90%. Сидит уголовный элемент за квартирные кражи, мошенничество, драки и т. д. Но чтобы смошенничать или спланировать ограбление квартиры, нужны мозги, расчет, осторожность... Другое дело психушки городские и областные «общего режима». Из узников совести, томя-

щихся в СПБ г. Орла, мне пришлось встретить следующих. Андрей Деревянкин, юрист из Калуги, отбывал за антисоветские высказывания по статье 190 — 1. Петр Ломакин был привезен в психушку на уколы из здания суда, где он произнес обличительную смелую речь против соввласти. Здесь мстительно решили его «проучить», не освобождая от лагерного срока, лагерно-уголовным наказанием с уколами-пытками. Еще были Леонов, Пиванов, Моисеев, Шестинский, Кочиашвили, Петровский, Сидоров, Пиняев.

Был здесь на двадцатилетнем «лечении» Павлов, в прошлом инженер с высшим образованием. Помещен в психушку за неудавшуюся попытку бегства на Запад. За 20 лет он превращен уколами в полуживотное: не говорит, издает какие-то звуки, мочится под себя. Его все бьют, пинают, плюют в него с руганью, угрозами. И что особенно страшно — его все время колют так интенсивно, точно дивясь, «до чего же живуч человек». Павлов в настоящее время похож на что-то человекообразное. Глядя на него, я думал: «Я бы был превращен в «это», забудь обо мне мир». И никто не понесет наказания за преступление против личности этого человека.

О трудностях, думаю, говорить смешно.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: О так называемом освобождении я уже сказал. Добавлю только, что оно было неожиданным. В «Сычевке» людей «хоронят» навсегда в прямом и переносном смысле. Я ведь понятия не имел, что на воле за меня кто-то сражался. Благодарен всем этим людям.

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились*

ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?

Ответ: Убеждений своих я не изменил и от деятельности не отказался. На следующий день после выхода из ада заявил о своих убеждениях миру, дал пресс-конференцию для иностранных журналистов. Годы в заключении — половина жизни, но и они не прошли зря. Я стал верующим, мой дух окреп. Еще больше ненавижу палачей, буду бороться с ними и на Западе.

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Гласность и перестройка для меня пока представляются спектаклем. Напоминают народную прибаутку: «Как у вас?» — «Как в тайге: верхушки колышутся — внизу тишина». Но, может быть, я ошибаюсь, так мне это представлялось из-за решетки. Как бы то ни было, личного участия в этих процессах принимать не собираюсь, меня за 18 лет уже окончательно «перестроили».

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Мне трудно говорить о том, что изменилось с правами человека. Думаю, немного. Но твердо знаю, что необходимо сделать. Первое — урезать власть КГБ, прекратить злоупотребления в психиатрии.

Очень важно привлечь к ответственности виновных за неоправданные репрессии и, естественно, освободить и реабилитировать всех политзаключенных. Я бы не хотел, чтобы выходящие на свободу уезжали: они должны оставаться на Родине и бороться за правду здесь. У них есть опыт, и их опыт нужен молодому поколению. Я тоже не оставляю надежду вернуться в Россию.

Вместе с тем считаю, что государство, не дающее гражданам свободы уезжать и приезжать, остается рабовладельческим.

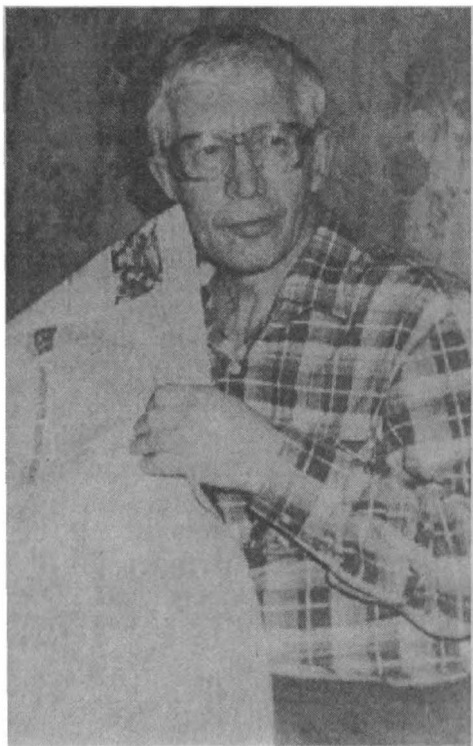
Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Житейских планов нет. На Западе собираюсь продолжать политическую деятельность.

* * *

27.10.1987 г. В. Титов выехал на Запад.

БЕСЕДА С ЮРИЕМ ШИХАНОВИЧЕМ

*Шиханович Юрий Александрович,
род. 09.04.1933 г., математик, кандидат
педагогических наук.*

*Арестован 17.11.1983 г., осужден на 5 лет
строгого режима плюс 5 лет ссылки.*

*Статья 70. Редактирование «Хроники теку-
щих событий».*

*Ранее: 1972 — 1974 гг. — осужден по полити-
ческим мотивам, содержался в психбольнице.
Освобожден в 1987 г.*

Вопрос: *В чем состояли ваши разногласия и конфликты с системой? Какие способы сопротивления и борьбы с системой или отдельными ее проявлениями вы избрали? Каковы были цели вашей деятельности? Достигли ли вы, хотя бы частично, своих целей? Была ли ваша деятельность хоть в какой-то мере обусловлена личными причинами?*

Ответ: Я занимался, так сказать, диссидентской деятельностью, потому что мне многое не нравилось в моей стране. Главным образом то, что некоторые законы просто не соблюдались, а другие постоянно нарушались. При таком положении государство становится неправовым. Не люблю ложь, которой так много вокруг.

Способом борьбы с тем, что мне не нравится, я избрал участие в выпуске самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». В задачу «Хроники» входило освещение нарушений гражданских и политических прав советских людей. Публиковались факты преследований за мнения и их распространение, за желание просто читать книги. Идея создания бюллетеня принадлежала известной правозащитнице и поэтессе Наталье Горбаневской. Она и издала первый выпуск 30 апреля 1968 года. Третий выпуск, датированный 31 августа 1968 года, специально был посвящен событиям в Чехословакии. После выезда Горбаневской на Запад «Хроника» не прекратила свое существование. Бюллетень распечатывался на обычной пишущей машинке, правда, 19-й выпуск, кроме того, был размножен при помощи множительного устройства Александром Болонкиным, через некоторое время арестованным. Распространялся бюллетень стихийно, о его материалах становилось известно. Помимо этого, в Советский Союз попадала «Хроника», перепечатанная типографским способом на Западе Валерием Чалидзе («Хроника-Пресс»). Было также русское издание, осуществленное Фондом имени А. Герцена в Амстердаме. Среди корреспондентов бюллетеня были родственники и друзья арестованных по политическим статьям. За участие

в изготовлении «Хроники» были арестованы в 1974 году Сергей Ковалев и в 1979 году Татьяна Великанова. К 1983 году бюллетень распространялся значительно меньше. Я был арестован 17 ноября 1983 года. Участие в изготовлении «Хроники» инкриминировалось также (по второму лагерному делу) А. Лавуту.

Главной целью всех участвовавших в издании бюллетеня было поведать миру о нарушениях в области прав человека, способствовать уменьшению этих нарушений. Мы хотели пригвоздить к позорному столбу нарушителей закона.

Кое-что в этом последнем отношении удалось. Что касается уменьшения нарушений, то здесь я сомневаюсь. Однако уверен, что «Хроника» способствовала смягчению репрессивных действий властей, во всяком случае в лагерях, где содержались политзаключенные. Администрация стала вести себя несколько сдержаннее.

Кроме участия в изготовлении «Хроники» мне инкриминировали также распространение самиздатской литературы (т. е. то, что давал друзьям читать книги).

Моя диссидентская деятельность началась с того, что, будучи преподавателем МГУ, я подписал письмо (так называемое «письмо 99») в защиту математика Александра Вольпина, насильственно госпитализированного в психиатрическую больницу. Письмо это подписали академик П. С. Новиков, десятки докторов и кандидатов наук, среди которых был и я. (Кстати, в результате первого ареста я тоже находился на принудительном лечении в психиатрической больнице.) За эту подпись меня уволили с работы. После этого у меня сам собой постепенно уменьшился круг знакомых и друзей. Случись мне жить в провинции, всего, что произошло, могло и не быть.

Вопрос: Как вы относились к возможному аресту? Шли на него сознательно, рассчитывали степень риска или были убеждены, что сможете его избежать, действуя строго в правовых рамках?

Ответ: С одной стороны, понимал, что меня впол-

не могут арестовать, с другой стороны, старался избежать ареста. Скрывал свое участие в выпуске «Хроники». Хотя я не нарушал закона, я хорошо знал, что то, что я делал, преследуется властями.

Вопрос: *Как вы перенесли переход из вольной жизни в заключение? Как происходили арест, следствие, какие конкретные обвинения вам предъявили? Допускали ли вы на следствии компромиссы, признали ли вину или продолжали отстаивать свои убеждения? Наиболее яркие впечатления этого периода?*

Ответ: В моей жизни было два ареста. Первый — 28 сентября 1972 года — перенес спокойно, достаточно хладнокровно. Во второй раз, в ноябре 1983 года, чувствовал себя значительно хуже, хотя и был готов к аресту, и опыт уже имел.

В 1972 году пришли в 15 часов 45 минут дня. За восемь месяцев до этого был арестован Кронид Любарский. Незадолго до ареста меня вызывали в КГБ и просили дать письменное обязательство о прекращении деятельности. Когда в мою дверь позвонили, я решил «подстраховаться»: набрал номер Чалидзе и положил трубку рядом с телефонным аппаратом, когда я понял, что это сотрудники КГБ, то сообщил об этом по телефону. Поэтому к моменту, когда меня увозили, к подъезду моего дома приехали Андрей Дмитриевич Сахаров, Володя Альбрехт и Иван Рудаков. Во второй раз меня арестовали, когда я, направляясь на работу, подходил к станции метро. Ко мне подошел человек и, улыбаясь, сказал: «Здравствуйте, Юрий Александрович! Давно не виделись!» Меня отвезли в 15-е отделение милиции, потом весь день рылись в квартире: проводили обыск. Как я потом узнал, обыски были одновременно еще в четырех местах. Мне предъявили постановление о применении меры пресечения — заключения под стражу. Первоначально обвинили по шести пунктам, весьма жалким, а именно участие в изготовлении четырех выпусков «Хроники» и один факт ознакомления с одним выпуском «Хроники» одного человека, а так-

же хранение книг дома «с целью распространения». 30 декабря 1983 года в «чистосердечных показаниях» я написал, что впредь буду признавать себя виновным, говорить то, что хотят *они*. На суде я сказал: «Признаю себя виновным, но не признаю, что «Хроника» была ложной и клеветнической», т. е., другими словами, по существу, заявил, что виновным себя не считаю, так как издание бюллетеня не подпадает под 70-ю статью (антисоветская агитация и пропаганда с целью подрыва или ослабления строя).

Почему я так поступил, объяснять не буду, трудно, тяжело, да и не имеет смысла.

Скажу открыто о мотивах своего поведения: хотел смягчить последствия и наказание. Моя библиотека находилась на шести квартирах. Я сказал, что найду способ передать библиотеку в *их* руки, не называя никаких имен. И вдруг, неожиданно для самого себя, поехал вместе с гебистами по адресам. Трудно объяснить, что происходило в тот момент со мной. Непередаваемое нервное состояние. Я не только передал библиотеку, но и назвал фамилии. Считаю это предательством. И ни при чем тот факт, что для людей не было последствий (кроме попадания в досье КГБ). Предательство мое непростительно. Любое объяснение может прозвучать попыткой оправдания, а я этого не хочу. Не имею права и не хочу смягчать свою вину. Самым сильным впечатлением того периода остаются для меня мои «чистосердечные показания».

Вопрос: *Какова была тактика вашего поведения в тюрьме или лагере? Имели ли конфликты с администрацией, допускали уступки?*

Ответ: Я не был в тюрьме, только в лагере. Когда меня пригласил «для знакомства» чекист, старший лейтенант Владимир Иванович Ченцов, я ему сказал: «Я нахожусь здесь не только за то, что участвовал в «Хронике», но и потому, что не называл имен друзей и единомышленников (трагическое исключение — адреса, где хранились мои книги). Потому не собираюсь

вам помогать». После этого я попадал в ШИЗО, меня репрессировали, или, как у нас называется по-зэковски, «прессовали», лишали свиданий. Вербовка в лагере — дело обычное, в основном на нее идут осужденные по 64-й статье, которые делятся на три категории: те, что сидят «за войну» (т. е. преступление в военное время), пытавшиеся перейти границу и «шпионы». «Семидесятчики» (статья 70), за редким исключением, не сотрудничали с администрацией, они отстаивали свои *идейные* убеждения. От сотрудничества отказался и я, но уступки допускал. Например, согласился участвовать в субботнике, впрочем, на воле я тоже это делал. Шел на компромисс с совестью, не занимал позицию противостояния администрации. Открыто меня за это не осуждали, в душе — безусловно. Анатолий Марченко, встретив меня в лагере, сказал: «Нам лучше не общаться».

Вопрос: *Расскажите об условиях содержания в заключении; что было самым трудным?*

Ответ: Самым тяжелым для меня в лагере было одно — «прессовка». Когда не было «прессовки», казалось, будто нахожусь в армии: размеренный режим, регулярное питание, чтение газет, журналов. Физически чувствовал себя хорошо.

Еще очень трудно переносил ограничение на переписку, конфискации писем из-за так называемых «условностей в тексте». Было желание вообще отказаться от корреспонденции.

Вопрос: *Расскажите об обстоятельствах освобождения, было ли оно для вас неожиданным? Какую подписку вы дали при освобождении, была эта подписка тактическим шагом или отражала ваши сегодняшние убеждения?*

Ответ: В сентябре 1986 года по Пермским лагерям разъезжала группа высокопоставленных чекистов из КГБ СССР. Они уговаривали нас написать прошения о

помиловании. Я написал и ожидал освобождения. Сначала меня перевели в больницу («оперативный отстойник»), потом в купе поезда отвезли из зоны в Пермь. Там меня вызвал работник прокуратуры. Под его диктовку я написал заявление: «Обещаю не заниматься деятельностью, наносящей ущерб государству. Прошу досрочно освободить и разрешить вернуться домой в Москву».

Я отказываюсь ответить, по каким причинам написал такое заявление. Оно стало продолжением той линии поведения, которой я придерживался в своем «чистосердечном признании».

Для политэзков прошение о помиловании — явление аморальное, равное самоунижению. И тем не менее я сказал прокурору: «Знаю, чего вы добиваетесь. От меня этого добиваться не нужно. Я сам подам прошение».

Вопрос: *Как вы оцениваете годы, проведенные в заключении, дала ли вам что-нибудь тюрьма? Изменились ли ваши убеждения, отказались ли вы от дальнейшей деятельности?*

Ответ: Любая прожитая жизнь дает интересный опыт. О своей жизни я вспоминаю с большим интересом. Много впечатлений, новых знакомых. Что касается вопроса об убеждениях и отказе от деятельности, то нового ответа давать не буду. Ответ на этот вопрос записан в «чистосердечном признании»: «Впредь я буду придерживаться желаемой вами позиции».

Вопрос: *Что вы думаете о происходящих в СССР переменах, о политике гласности и перестройки? Намерены ли вы принять личное участие в этих новых процессах, в чем видите свою роль и роль различных слоев общества?*

Ответ: Отношусь к происходящим событиям в стране со сдержанным оптимизмом и надеждой. С другой стороны, остаюсь скептиком, боюсь в своих надеждах оказаться дураком. Многое из происходящего мне от-

вратительно и носит вполне «доперестроечный» характер. Не прекращается ложь со стороны официальных лиц, хотя вместе с тем говорится и правда. Но даже то хорошее, что делается, — освобождение политзаключенных — сопровождается неправильной оценкой пропаганды, а кое-кого просто отправили назад. Многое половинчато, ложно, противоречиво. Механизм власти не гарантирует от поворота вспять, к прошлому. Если Горбачев попадет под машину, то новый генсек сможет осуществить, если захочет, такой поворот. Поэтому до подлинной демократии еще далеко.

Уже в период гласности и перестройки появились лживые статьи о солженицынском фонде и об Анатолии Марченко. Переполнено ложью на 90% все, что пишут о проблеме выезда из СССР. Умалчиваются вопросы о крымских татарах, об оккупации Прибалтики, об империалистической экспансии Сталина, о событиях в Чехословакии, хотя там уже побывал Горбачев. Не рассказывается правда о попытке свергнуть в 1939 году правительство Финляндии, неполна информация о сталинских репрессиях, о сегодняшней ситуации в Афганистане.

Лишь об одном говорят побольше, но никак не во весь рост — о преступлениях сталинского времени.

Лживо, с использованием обычной «клеящей» терминологии освещается проблема свободы передвижения и эмиграции. Умалчивается, что тем, кто желает выехать из СССР, не нравится то, что не нравится и Горбачеву.

Рад был бы принять участие в нынешней жизни общества, но пока мне просто не дают устроиться на работу. Мне отказали в восстановлении на прежнем месте — в математическом журнале «Квант», где я работал младшим редактором. Математику же, который не занимается своим делом, а разносит письма или «сторожит» Дом композиторов, несколько труднее участвовать в «перестройке».

Уезжать, однако, из страны не собираюсь. Хочу, как и прежде, быть ей полезен, т. е. в первую очередь

работать по специальности. Пока я не являюсь полноправным членом общества, делиться с обществом своими знаниями и опытом у меня нет возможности. Пока я безработный, мне психологически нелегко высказывать свое мнение, критиковать, вносить предложения и творить.

Вопрос: *Происходят ли изменения в области прав человека, что нужно сделать в этом направлении сегодня?*

Ответ: Некоторые перемены происходят, прежде всего в культурной сфере, литературе, кино, театре. Однако необходимо оговориться, что речь в первую очередь идет о произведениях забытых или ранее запрещенных. Сейчас публикуются книги, за чтение и распространение которых совсем недавно сажали в тюрьмы и бросали в лагерь. Если определять строго, то подобные перемены не относятся к сфере прав человека. У писателей, драматургов, режиссеров и сейчас нет неотчуждаемого права делать то, что они хотят. Эти вопросы решают другие: могут разрешить или запретить то или иное произведение.

Вообще, ни одно из прав (речь идет об области прав человека) не является безусловным и абсолютным. Всегда власти могут не разрешить, не дать, не ответить.

В Москве, например, в последнее время участились демонстрации протеста самых различных групп. Власти, как правило, не отвечают гражданам на уведомление и на просьбы разрешить демонстрации, которые происходят «явочным порядком». К сожалению, даже в Москве реализацию гражданских прав власти терпят «сквозь зубы» и только из-за того, что в столице проживают иностранцы — журналисты и дипломаты. В провинции и такого нет.

Кое-что де-факто допускается властями в Москве, некоторых других крупных городах, но никакого коренного изменения в правах человека по стране нет.

Что необходимо сделать в первую очередь? Нужно, чтобы соблюдались законы, чтобы закон был выше

любого начальника, а не наоборот. Государство должно стать правовым, а не тоталитарным. Нужно сделать то, что так усиленно искоренялось в течение последних 70 лет. За два года ничего не восстановить.

Значительная часть начальников «брежневских времен» продолжает оставаться на своих постах. Как эти люди могут что-то сделать? Бред! Мы всё еще имеем много антигуманных законов, которые, кстати, ревностно исполняются. Я имею в виду, например, правила внутреннего распорядка в лагерях (ограничение продуктов питания, ограничение или лишение переписки, использование карцеров и прочее).

Такие правила граничат с пытками. Никакое право полностью не реализовано, нет неотчуждаемого права. Закон фальшиво «натягивается», а не выполняется. Широкое распространение получили формулировки «в целях обеспечения государственной безопасности», «секретно», что прикрывает и оправдывает нарушение законов. Не соблюдается право на свободу выезда и въезда, право крымских татар проживать там, где они хотят. Но хуже всего, что все еще много лжи. Важнейшее право — это право, чтобы тебе не лгали.

Вопрос: Каковы ваши ближайшие планы, общественные и житейские?

Ответ: Пока я не устроился на работу, никаких общественных планов не строю.

* * *

С октября 1990 года Ю. Шиханович работал в Комитете по правам человека Верховного Совета РФ.

В настоящее время преподает математику в Российском государственном гуманитарном университете.

Вопрос (июнь 1999 г.): Как вы оцениваете положение в России сегодня?

Ответ: Я отношусь к событиям в России сегодня со сдержанным, неуверенным оптимизмом. Надеюсь, что

«Правое дело», несмотря на раскольническую деятельность «Яблока», станет ощутимой политической силой в стране и Думе. Надеюсь, что коммунисты не вернуться к власти и что умные избиратели за короткое время правления правительства Евгения Примакова поняли, что могут сделать коммунисты.

Надеюсь, что люди сделают правильный выбор.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Сумбурные заметки)

Весной 1988 года я оказался среди гостей тогдашнего посла США в Копенгагене Теренса Тодмана, устроившего прием в честь поэта Иосифа Бродского, который совершал турне по Европе после присуждения ему Нобелевской премии.

Тодман, слывший ценителем литературы, намеревался удивить Бродского своей обширной библиотекой, однако решил прежде «прощупать» своего знаменитого гостя. В разгар обеда он поинтересовался у Бродского:

— Мой коллега, американский посол в Стокгольме, рассказал, что вы видели его библиотеку в посольстве. Каково ваше впечатление о ней?

Бродский, не задумываясь, выпалил:

— В его библиотеке меньше книг, чем у любого русского в сортире.

Тишину, наступившую в посольской столовой после ответа поэта, нарушил официант, который от замешательства опрокинул поднос и вылил стоявшую на нем тарелку горячего супа прямо мне за шиворот. Наверное, потому и запомнилась эта история. Тодман свою библиотеку Бродскому показывать не стал.

Мне подумалось тогда, что диссидент, а преследуемого в Советском Союзе Бродского ведь тоже так называли на Западе, характеризуется не своей политической ориентацией, а особенным состоянием души, которое улавливает несправедливость, безнравственность, лицемерие, ханжество в обществе и протестует против этого в любой системе. При этом диссидентам свойственны, с одной стороны, долг и ответственность перед обществом, а с другой — эпатажная, по-мальчишески непосредственная и часто агрессивная форма выражения своих чувств, даже по мелочам, как это сделал Бродский, которому на том злополучном приеме была невыносима атмосфера неестественного, полного условностей светского «small talk».

Зато когда после десятилетнего перерыва я впервые посетил Россию, уже датским гражданином и в качестве аккредитованного корреспондента датской газеты «Экстра Бладет», то меня совсем не удивило, что в туалете одного из героев этого сборника, диссидента и бывшего политзека, я увидел большую стопку книг, и среди них русское издание датского философа Сёрена Кьеркегора. У датчан если и лежит в таких местах какое-то чтение, то в лучшем случае журнал мод или комиксы. Деталь, но оттеняющая разницу между двумя культурными традициями в быту. Это первое «культурное» впечатление в новой России и навело меня на мысль связаться с бывшими диссидентами, в основном людьми книжной культуры, и узнать их мнение о нынешнем положении дел в стране.

Задавая им всем общий вопрос: «Как вы оцениваете положение в России сегодня?», я, конечно, предполагал услышать критику «режима Ельцина». Какой бы ни был в стране режим, они бы нашли повод для критики — ведь идеальных режимов не бывает, — на то они и диссиденты, т. е. критики системы. Но более меня, как журналиста, интересовала ситуация со свободой слова и правами человека, то, за что эти люди прежде всего боролись и чего, как думает большинство на Западе, они добились.

Книгоиздательство в России расцвело, пожалуй, как нигде в Европе. Издается всё — от Платона до Гитлера, от Шекспира до Марининой. Газет любых направлений не меньше, чем в любой европейской стране. Власть ругают печатно и по телевидению все, кому не лень, разве что не матом. И никого больше за это не сажают в лагеря. «Не это ли подлинная свобода слова и права человека?» — спросят некоторые либералы. Ведь когда-то многим казалось, что демократия и свобода слова в стране наступят, если только будет опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Какими мы были наивными.

Но слава Богу, что диссиденты остались самими

собой. Они и в новой системе сохранили способность видеть глубинные болезни общества и публично о них говорить. История доказала, что диссиденты были правы тогда, когда критиковали советскую систему. Может быть, они правы и сегодня. Они с той же жесткостью и бескомпромиссностью выносят приговор и нынешней системе обманных ценностей, сменившей коммунистическую утопию. Прислушайтесь к ним: «Сила слова исчезает. То, что есть сегодня, — это не свобода слова. Это гомон»; «СМИ занимаются бесстыдной манипуляцией, не имеющей ничего общего со свободой слова»; «Меня нельзя заподозрить в симпатиях к коммунистам, но я все равно не считаю, что политика либералов и антикоммунистов должна быть жульничеством и воровством»; «Нами управляют люди, связанные с мафией по рукам и ногам»; «О правах человека можно говорить только тогда, когда люди сыты»; «Если раньше меня могли арестовать по закону, то теперь могут просто убить — уже без всякого закона»; «Нынешние олигархи сохранили систему лжи для народа, которая была и в СССР».

На фоне этих оценок интересна точка зрения писателя и исследователя Льва Тимофеева: «Почему я должен сегодня больше опасаться влияния Березовского, чем в свое время влияния Громыко или Устинова?.. Многие мерзости жизни люди сейчас приписывают переходному периоду. Это неверно, ведь негативные явления присущи любому обществу, они вечны, просто в переходный период ощущаются более остро... Задача состоит в том, чтобы нащупать, понять и выбрать наиболее оптимальный путь развития».

Мои собственные первые впечатления о новых российских либералах-реформаторах и понимании ими свободы слова, демократии и ответственности за свои действия связаны с одной журналистской историей. В июле 1997 года в своей газете «Экстра Бладет» я опубликовал материал об отдыхе тогдашнего первого вице-премьера и министра финансов Анатолия Чубайса на

яхте в Норвегии. Его пригласил один датский бизнесмен со скандальной репутацией, у которого были и есть интересы в России. Несмотря на то что газета поместила фотографии Чубайса вместе с этим господином на яхте, кремлевская пресс-служба отрицала сей факт и даже упомянула о возможности подать на газету в суд.

С точки зрения нормального западного человека неважно даже, кто оплатил круиз. Для него важно другое: государственный деятель такого уровня не имеет права поставить себя в положение, когда может возникнуть даже *подозрение* в получении им услуг от бизнесмена, у которого может быть заинтересованность в извлечении некой выгоды с помощью этого государственного деятеля.

В разъединенной коррупцией России такое рассуждение вызвало бы смех. Вот в этом пока и состоит принципиальная разница между «либеральной» Россией и либеральными западными демократиями. Именно поэтому и вызвала тогда эта история большой интерес и в Дании, и в Норвегии, где мои коллеги прямо использовали слово «коррупция» в связи с этим эпизодом.

Что же касается отношения Чубайса к свободе слова, то один человек из числа его друзей предпринимал попытки приостановить дальнейшие публикации. Были и угрозы в адрес журналиста. Мой главный редактор получил письмо, в котором намекалось на то, что я работаю по заданию бывшего шефа Службы безопасности президента — генерала Александра Коржакова, с которым я тогда и знаком не был. Своеобразное понимание у этих людей либеральных ценностей — почти большевистское. Если журналист, значит, на кого-то работает. Не укладывается в сознании даже этих образованных и в российском контексте «прозападных» политиков, что пресса может быть не инструментом лоббизма и манипуляций, но беспристрастной, независимой и свободной, подчиненной только профессиональным журналистским интересам.

Позже тот датский бизнесмен, который приглашал Чубайса «покататься на яхте», продал свою нефтяную компанию в России российской фирме, близкой к одному из членов «Семьи», как российские газеты называют теперь окружение президента Ельцина.

Прав один из героев этого сборника. Нравственный вопрос, что такое хорошо, а что такое плохо, на рынке неуместен. Здесь важно, что выгодно, а что невыгодно.

Никто лучше не написал о переходном периоде в России, чем выдающийся русский философ Николай Бердяев: «Что случилось с душой русского народа, что обнаружено в ней русской революцией? Революция приподняла покров русской общественности, и обнаружилась гниль, тело России покрылось сыпью от болезни, унаследованной от веков рабства и деспотизма. Внутренних устоев почти что нет... Подрастает хулиганское поколение... Поколение это отдано во власть самолюбия и корыстолюбия... окончательно потерялось сознание ценности человеческой жизни... Русская революция кончилась, давно уже перешла в гнилостный процесс, в анархизацию общества, в разложение».

Как будто сегодня написано о ельцинской «революции», а на самом деле — летом 1907 года, о либеральной. До большевистского переворота оставалось еще десять лет...

Но тогда, после того переворота, не было надежды, а теперь она есть.

В меня вселяют надежду слова великого поэта Иосифа Бродского, сказанные им на том приеме у американского посла в Дании, с которого я начал эти заметки: «Невозможно вернуться в прошлое. Его больше нет и не будет». Что остается людям? Ждать выборов, в честность которых мало кто верит? Брать вилы в руки и идти сражаться с ветряными мельницами? Даже диссиденты, которые в СССР знали, что

нужно было сделать — предоставить свободу слова, передвижения, демократических выборов, — сегодня не дают категоричных рецептов и пребывают в раздумье.

Мне кажется, что стоит вспомнить забытый, но самый верный рецепт, предложенный Александром Солженицыным для советских людей: жить не по лжи.

Да не получается пока. Российское общество сегодня пуповиной всё ещё связано с советским, какие бы «постмодернистские» маски оно ни надевало.

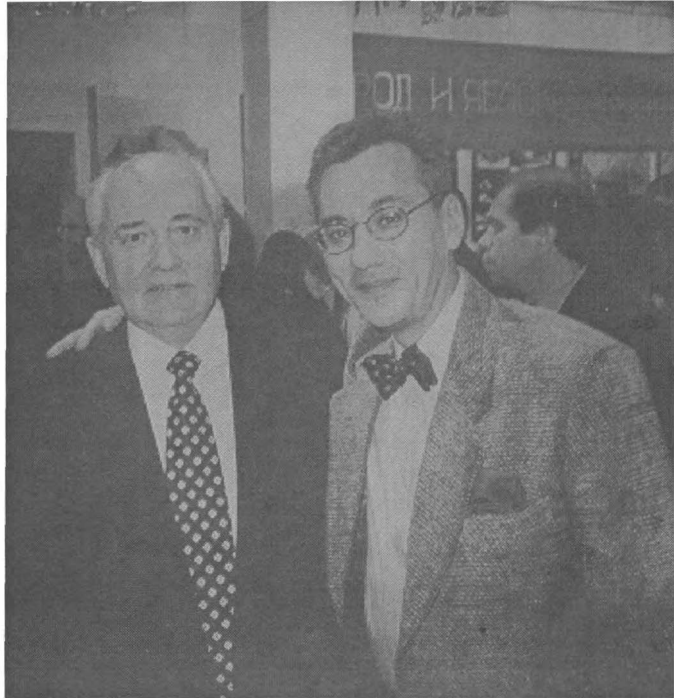
Мой друг — математик Валерий Сендеров: «В тюрьме полезно побывать каждому человеку».

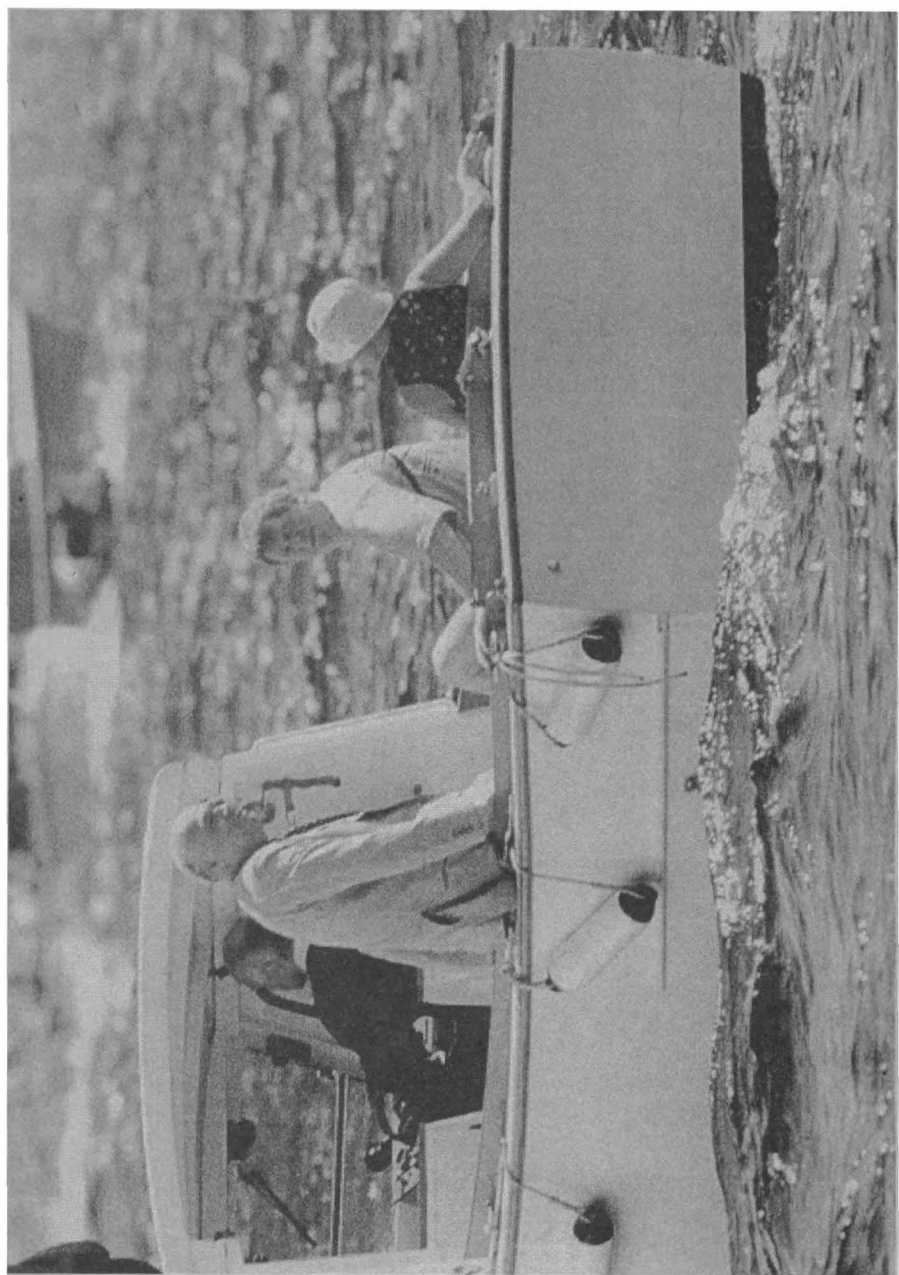
*Первая встреча с Александром Коржаковым — в Дании.
— Здравствуйте, Александр Васильевич. Так вы и есть тот серый кардинал?
— Во-первых, называй меня Саша, во-вторых, на «ты».*

*Михаил Горбачев.
Фотография на
память.
У бывшего
генсека очень
теплые глаза,
но пронизывают
собеседника как
бор-машина.*

*Откровенная
беседа
в Копенгагене
с лидером ЛДПР
Владимиром
Жириновским:
«Ненавижу ваши
хваленые
датские сосиски.
Они напичканы
всякой химией.
Не надо травить
ими россиян!»*

*Анатолий Чубайс
на яхте с дат-
ским бизнесменом
Яном Бонде
Нильсеном,
который
в течение многих
лет скрывался
от датского
правосудия в
Великобритании —
на родине полиция
имела ордер на его
задержание
в связи
с отказом явиться
в суд, а он тем
временем занялся
нефтяным
бизнесом в России.
Друзьям Чубайса
не понравилась
моя публикация
об этой поездке.*

В. ПИМОНОВ

ГОВОРЯТ «ОСОБО ОПАСНЫЕ»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Лицензия ЛР № 0071584 от 22 января 1998 г.

Подписано в печать 25.08.99.
Формат 84 × 100/32. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 12,6.
Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 5000 экз.

Издательство «Детектив-Пресс»
119121, Москва, 1-й Неопалимовский пер., д. 16/12

Заказ 4095—99

Отпечатано с готовых диапозитивов в 12 ЦТ МО
Москва, Староваганьковский пер., д. 17.

Об авторе-составителе:

ВЛАДИМИР ПИМОНОВ родился в Москве в 1955 году. Окончил Институт иностранных языков им. Мориса Тореза, изучал экономику в Лондонском университете. Работал в журнале «64 — Шахматное обозрение», сотрудничал с парижской газетой «Русская мысль», радиостанциями «Свобода» и «Немецкая волна», Русской службой Би-Би-Си. Был консультантом Московского отделения Международного общества прав человека. В прошлом — член Союза журналистов СССР. В начале 1988 года эмигрировал в Данию, где получил гражданство. Был корреспондентом ряда ведущих газет и сотрудником пресс-службы «Датской европейской миссии», занимавшейся благотворительной деятельностью и помощью верующим в коммунистических странах. Работал в США, Германии и Великобритании.

Сотрудник датской газеты «Экстра Бладет» в Копенгагене. С января 1998 года аккредитован в качестве московского корреспондента этой газеты. Наряду с освещением событий в России, странах СНГ и Восточной Европы занимается расследовательской журналистикой, в частности в области международной преступности и шпионажа.

Член Союза журналистов Дании, Международной федерации журналистов и Международного института прессы.

